[Polaris]

НИКОЛАЙ
ЧАЙКОВСКИЙ

СИЛА СОЛНЦА

Salamandra P.V.V.

Сила Солнца: Фантастическая повесть для молодежи из времен недалекого будущего.

Николай Андреевич Чайковский

Аннотация
Николай ЧАЙКОВСКИЙ. СИЛА СОЛНЦА. Фантастическая повесть для молодежи из времен недалекого будущего
ПРЕДИСЛОВИЕ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
I. Скандал в Инженерной академии
II. На заводе и дома
III. Исповедь
IV. Защищая умершего друга
V. На новом положении
VI. Экспедиция
VII. «Украинский орел»
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
VIII. В Сахару!
IX. В стране Тибести
X. Вода из скалы
XI. Сахара — враг европейцев
XII. Хрущенко, желтый брат и заговор
XIII. Станция солнечной энергии

ОБ АВТОРЕ

Аннотация

«Сила Солнца» украинского математика и общественного деятеля Н. Чайковского (1887–1970) — первое научно-фантастическое произведение в истории украинской литературы. Повесть, написанная в 1918 г., рассказывает о судьбе авиаконструктора и изобретателя Михаила Роздвянского. За его небывалым открытием охотятся ретрограды от науки, злобные заговорщики и даже гипнотизеры-японцы, а в центре сюжета — опасная экспедиция в Сахару на колоссальном воздушном корабле.

ПУТЕШЕСТВИЯ
· ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА CDXX (170)

Николай ЧАЙКОВСКИЙ
СИЛА СОЛНЦА
Фантастическая повесть для молодежи из времен недалекого будущего

Моей жене НАТАЛЬЕ посвящаю.

Николай

Сонячні
Фантастичне оповідання
Миколи Чайковського

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неудержимой поступью движется вперед прогресс человеческой культуры. Неисчерпаемое в своей изобретательности человечество находит все новые средства в борьбе за существование; покоряет природу и использует ее дары и сокровища для своей пользы и блага.

Невозможно предугадать, какие новые изобретения и открытия удастся совершить, какими путями будет развиваться противостояние с природой и подчинение ее воле человека. Новый день нередко повергает в прах прежние творения человеческой мысли; новое открытие часто делает возможным то, что еще вчера казалось невообразимым.

У древних греков некогда родился прекрасный миф о Дедале и Икаре и их полете на скрепленных воском крыльях. Он возник как следствие горячей, но несбыточной мечты многих поколений людей — свободно, подобно птицам, летать по воздуху. Подобные мифы и истории долгие века казались фантастическими сказками; все были убеждены, что полет человеку заказан.

Но действительность опровергла эти взгляды. За неосуществленными проектами Леонардо да Винчи[1] и неудачными попытками Франческо Ланы[2] и Бартоломеу Гусмана[3] последовали несколько более успешные опыты братьев Монгольфье[4], Шарля[5] и других. В Вене высмеяли часовщика Дегена (1808 г.), а полеты Лилиенталя[6] не привлекли должного внимания. Однако после Менье (1784) и Жиффара (1852), не сумевших решить проблему управления воздушными шарами, людям пришлось склонить голову перед могучим гением Цеппелина[7], чей баллон-гигант доказал возможность невозможного. А ведь это был тот самый Цеппелин, которого еще недавно считали одержимым, чуть ли не помешанным!

Сегодня мы уже не спрашиваем, способен ли

---

[1] Примечания: 1

Леонардо да Винчи (1452–1519), известный всем как гениальный художник, был, собственно говоря, техником-инженером (Здесь и далее, помимо отдельно означенных, прим. автора).

[2] Примечания: 2

Патериезуит Франческо Лана в 1670 г. построил т. наз. «летающую лодку», легкий бумажный корабль с четырьмя металлическими шарами, из которых хотел удалить воздух. Он собирался наполнить шары водой, а затем выкачать воду в надежде, что шары останутся пустыми; законы давления воздуха были ему неизвестны.

[3] Примечания: 3

Иезуит Бартоломеу Гусман (Gusmao) в 1709 г. поднялся на воздушном шаре над городом Лиссабоном; он построил основу из ивовых прутьев, обклеил ее бумагой и развел снизу огонь. За свои опыты был обвинен

в колдовстве и приговорен судом св. Инквизиции к многолетнему тюремному заключению. Выйдя в конце концов на свободу, он прожил недолго и унес в могилу тайну своего аэростата. — Так у автора. На самом деле де Гусман (1685–1724), конфликтовавший с инквизицией, скорее всего, по иным поводам, бежал в Испанию, где умер от лихорадки. Его короткий полет над Лиссабоном окончательно не подтвержден (Прим. перев.).

[4] Примечания: 4

Братья Жозеф и Этьен Монгольфье (Montgolfier) поднимали в воздух бумажные шары, наполненные горячим воздухом. Эти полеты происходили в 1783 г. над Парижем.

[5] Примечания: 5

Шарль (Charles) наполнял баллоны водородом.

[6] Примечания: 6

Оттон Лилиенталь (Lilienthal) соорудил крылья, при помощи которых слетал с невысоких холмиков (1890–1896).

[7] Примечания: 7

Граф Фердинанд Цеппелин (Zeppelin, 1838–1917), генерал германской армии, еще во время военной службы изучал возможности полетов по воздуху. Выйдя затем в отставку, всецело отдался постройке баллонов и в 1900 г. запустил в воздух свой первый аэростат. Баллоны Цеппелина имеют алюминиевый скелет и отличаются значительными размерами (цеппелин немецкого военно-морского флота в 1914 г. имел в длину 158 метров, был высотой в 16 1/2 метров и объемом в 25 000 куб. метров; моторы давали 720 лошадиных сил и скорость в 80 км /час.).

человек летать, но только: на чем лучше летать — на дирижаблях или аэропланах? Этот вопрос пока что не решен. Вероятно, будущее все-таки принадлежит самолетам. Тем не менее, нельзя исключать, что ближайшие годы готовят нам другие неожиданности: научные и технические новинки постоянно встают на повестке дня.

Наши предшественники, безусловно, точно так же и думать не могли, что химия, одна из старейших и важнейших наук, переменится до основания. Их догмой было утверждение, что одно вещество никаким чудом не может превратиться в другое, и старые химики, надо полагать, готовы были бы поклясться жизнью в справедливости этой истины. Но мы, их потомки, живем во времена революции наук; мы видим, как один элемент — уран — переходит в иное вещество, свинец — и не станем зарекаться: быть может, нам самим придется когда-нибудь переучиваться всему тому, чему нас учили в школе…

Научная революция!.. Рушатся старые теории, а новые мало-помалу завоевывают право на существование. На наших глазах рождаются новые науки: электроника и радиоактивность. Электроника учит, что при передаче электрического тока от одного тела отрываются маленькие частицы

вещества — электроны (они в тысячи раз меньше атомов, признанных в классической химии мельчайшими, неделимыми частицами материи) — и переносят электрический заряд к другому телу. В свою очередь, учение о радиоактивности находит электроны даже там, где электрического тока нет; как было показано, существуют вещества, беспрерывно испускающие излучение, и это излучение имеет свойства электрического тока.

После того, как Рентген[8] открыл свои невидимые лучи, а наш знаменитый соотечественник Пулюй популяризировал их и применил на практике, напр. в медицине[9], Беккерель (1896) поспешил доказать, что такие же лучи испускают соединения металла, называемого ураном. Так появилась наука, которая стоит на границе между физикой и химией и изучает превращения веществ и излучение материи. Эпохальные

[8] Примечания: 8

Конрад Рентген (Röntgen, 1845–1921), профессор университета Вюрцбурга в Баварии; его открытие было сделано в 1895 г.

[9] Примечания: 9

Иван Пулюй (1845–1917), родом из Гримайлова в Галиции, был профессором электротехники немецкого политехникума в Праге. Непосредственно после открытия лучей Рентгена он сделал первые фотографии с помощью этих лучей; его рентгенограммы с конца прошлого века и до сегодняшнего дня считаются образцовыми.

исследования супругов-ученых Кюри[10] привели к открытию металла, именуемого радием, который неустанно испускает лучи и постепенно иссякает. На протяжении миллионов лет радий расходует себя, выделяя три вида лучей: альфа, бета и гамма, а кроме того, газ — эманацию. Лучи радия — это природный источник энергии. Предполагают даже, что вся деятельность Солнца, дарующая жизнь нашему миру, основывается на излучении, причем не только лучах одного радия, но и других веществ, становящихся при высоких температурах радиоактивными.

И какое бесконечное количество солнечной энергии пропадает зря[11]! А мы вынуждены жаловаться, что нам холодно, что уголь дорог и его трудно добыть! Чего уж больше: перед нами встает печальная перспектива — подземные залежи угля, наш главный источник тепла, грозят исчерпаться, и мы останемся без топлива, беспомощные и беззащитные пред лицом при-

[10] Примечания: 10

Пьер Кюри (Curie, 1860–1907), профессор парижского университета, и его жена Мария, урожденная Кюри (здравствует) работали в наше время; госпожа Кюри открыла радий в 1910 г.

[11] Примечания: 11

Тепла, которое получает Земля от Солнца на протяжении одного года, хватило бы на то, чтобы растопить 50-метровый слой льда вокруг всего земного шара. Лишь 1 % этого тепла используют растения, а 99 % пропадает без пользы для жизни на Земле.

роды, отданные на растерзание всемирному холоду[12]...

Но, быть может, к тому времени люди изобретут способ полными пригоршнями черпать и использовать энергию Солнца, а также сохранять ее на случай необходимости. Построены, правда, несколько т. наз. «солнечных двигателей»[13], но они действуют только при солнечном свете. Мы еще не знаем метода долговременного хранения солнечной энергии. Возможно, он будет подсказан дальнейшим изучением радиоактивности.

***

Наша повесть исходит из предположения, что авиация и радиоактивность — два пути, по которым будет идти прогресс в использовании сил

---

[12] Примечания: 12

Залежи угля на Земле в целом исчисляются на 7 ½ биллионами тонн: (1 биллион = миллион миллионов — 1 000 000 000 000); из них на Украину (Донецкая область) приходится 125 миллиардов тонн (125 000 000 000), т. е. 1¾ %. Допуская, что ежегодная продукция угля будет расти лишь на 6 %, был сделан вывод, что этих залежей хватит на 215 лет. При 4 %-м годовом росте продукции залежей Донецкой области хватит на 220 лет. — См. статью проф. И. Чопивского «Надолго ли хватит минерального топлива?» (Літ. — наук. вісник, 1914 г., ст. 538–548).

[13] Примечания: 13

Солнечные двигатели были сооружены в Калифорнии и в Африке; они при помощи вогнутых зеркал собирают лучи солнца таким образом, что вода нагревается и кипит на протяжении ¼ часа, а двигатель дает силу 10 лошадей.

природы и покорении ее в ближайшем будущем. С изобретением способа использования и хранения солнечной энергии человечество достигло бы одного из своих идеалов. Дорога к такому изобретению далека и трудна, мы выйдем на нее не сразу. Это — как кажется — можно сказать со всей определенностью. Но, памятуя о множестве открытий, принесенных нам гениальными умами, мы не станем удивляться, если могучая сила чьей-либо мысли в одно мгновение продвинет нас на тысячу или более лет вперед.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I
Скандал в Инженерной академии

Легко и быстро, как стрела, мчалась по глади Днепра небольшая странная лодка с блестящими металлическими крыльями. В ней что-то ворчало и порыкивало, как раздраженная собачка, а спереди быстро крутился воздушный пропеллер. Серебристые крылья блестели в лучах заходящего солнца, то прятавшегося за высокими, лесистыми днепровскими кручами, то вновь освещавшего широкий простор реки.

В лодке с удобством расположился еще довольно молодой на вид авиатор. Он придерживал руками руль больше по привычке, чем в силу необходимости — лодка шла по воде совершенно плавно.

На лице молодого летчика лежал отпечаток безмерной усталости. С первого взгляда становилось понятно, что он бежал из шумного Киева куда-то далеко, надеясь отдохнуть после каких-то весьма неприятных переживаний и поправить на лоне природы свои надорванные нервы. Крепко сжатые губы выражали решимость. Руки время

от времени судорожно сжимали руль, словно оружие, которое вскоре придется обратить на невидимого врага. Изредка голова его бессильно откидывалась на спинку удобного кресла. Непроизвольно закрывались глаза, но только на миг: нельзя давать свободу пусть исправному и послушному, но все же только металлическому коню.

Мимо проносились прибрежные деревни и хутора. Солнечные лучи падали все более косо, отражаясь от воды и блестящих крыльев челнока. Вот подул холодный ветерок и освежил душный вечер середины июня.

Летчик наслаждался прохладой и скоростью. Не впервые ему доводилось плыть или лететь так быстро, что все вокруг только мелькало, и всякий раз он чувствовал облегчение и успокоение. Скорость словно возносила его в недосягаемую высь, вздымала над всей земной суетой. В авиации, означившей громадный прогресс человеческого духа, он видел неисчерпаемый источник высших жизненных ценностей, рядом с которыми должна померкнуть людская ненависть и злоба. Как же часто приходилось ему бороться с этой человеческой злобой, ненавистью и завистью…

Незаметный поворот руля — и лодка прибли-

зилась к левому берегу. Здесь мельче, а следовательно, не так велика опасность встретиться с пароходами; для лодки же вполне достаточно такой незначительной глубины, поскольку она несется будто по самой поверхности воды. Теперь летчик мог вздохнуть спокойнее. Он весь ушел в свои мысли. Хотелось любой ценой забыть пережитое в последние часы, отвлечься от событий, что решат для него роковой вопрос — «быть или не быть». Он выйдет из сражения победителем, с честью, либо…

Но как ни силился он забыть, тягостные мысли, точно рой назойливых насекомых, возвращались снова и снова, и он был не в состоянии их отогнать. Несколько часов назад он все поставил на карту — объявил войну людям, которые были намного сильнее его. Эти люди не постесняются прибегнуть к самым подлым способам борьбы. Ни перед чем не остановятся, как профессор Хрущенко, не побоявшийся обрушить на его незадачливого друга Кружляка лживые обвинения. И Кружляк их не вынес. А все из-за того, что Кружляк отважился выступить против авторитета профессора и защищать права на собственное открытие.

Но он не так мягок и беспомощен, как Кружляк.

Он не из тех, кто сдается. Раз уж право теперь на острие меча, он небо и землю перевернет, чтобы отстоять справедливость и добиться своего, а заодно восстановить доброе имя бедного друга…

Перед глазами молодого летчика одно за другим всплывали давние и не столь давние воспоминания. Он видел предсмертное письмо Кружляка, где тот клялся всем на свете, что ни в чем не виновен, и выражал надежду, что правда восторжествует и память его будет избавлена от позора. Ненавистный старик Хрущев, на чьей совести гибель молодого одаренного ученого и несчастье его семьи, — еще узнает карающую длань Немезиды…

Как бросался на него сегодня профессор! Как испугался и побледнел, услышав имя Кружляка!

Ему опять мерещится просторный зал заседаний Инженерной академии. Члены академии собрались в полном составе. Журналисты тесно заполнили свою ложу. Галерея, предназначенная для публики, набита битком. И неудивительно: все пришли сегодня послушать его реферат, все горят желанием узнать об открытии, которое сулит переворот в науке, технике и эксплуатации сил природы.

В углу — небольшой кружок его единомыш-

ленников. Все они более или менее подробно ознакомлены с его открытием и убеждены в громадной ценности его работ. Все остальные, вся академия — его противники. Они успели невзлюбить его за прежние достижения, за пришедшую в молодости славу, достигнутую благодаря везению и трудолюбию. Они не могут простить ему новую теорию, опровергающую их устаревшие научные взгляды.

Взять хотя бы их великого научного авторитета, «Нестора украинских ученых», профессора Харлампия Акакиевича Хрущева-Хрущенко. Все хорошо помнят его как крайнего реакционера-«москаля», профессора Киевского университета св. Владимира, черносотенца, выступавшего против всего украинского. Когда же рухнул старый строй, он сменил окончание своей фамилии с «-ев» на «-енко», втерся в доверие к тем, над кем прежде насмехался, и превратился в корифея украинской науки и культуры.

А нынче былое забылось, и Хрущенко стал не иначе как солнцем, вокруг которого вращаются планеты, лишенные своего «я»…

Солнце безжалостно палит, в зале стоит духота, хотя все окна открыты. Седой, как голубь, президент академии тихим, хриплым голосом

открывает заседание и начинается долгая и скучная деловая часть. Административные референты деревянными голосами зачитывают с трибуны доклады. Половодье цифр затопляет зал и беззвучно спадает. Кроме самих докладчиков, никто не понимает, о чем идет речь. Когда президент ставит вопрос на голосование, члены академии механически поднимают и опускают руки. Всеобщее любопытство приковано к научному реферату, на который отведена вторая часть заседания.

Административные дела завершены. После короткого перерыва слышится шелестящий голос президента:

— Слово имеет научный референт нынешнего заседания, член академии, инженер Михаил Роздвянский! Господин референт! Займите место на трибуне!

Он вскакивает, как нерадивый школьник, вызванный на уроке учителем. Всей силой воли старается подавить волнение. Глаза слушателей устремлены на него. Он быстро идет к трибуне между рядами кресел. В зале становится тихо.

— Достопочтенная академия! — начинает он. Голос взволнованно дрожит.

Сейчас ему предстоит сказать решающее слово.

Через полчаса он услышит из уст этой аудитории приговор, что подарит ему бессмертную славу — или опорочит и обречет на смерть.

Из первых рядов кресел до него долетают вполголоса произнесенные слова: «Новый мессия!» «Гений!» «Видали украинского Ньютона?[14]» Это заставляет его еще больше смущаться.

— Достопочтенная академия! Уважаемые господа! Я осмеливаюсь предложить сегодня вашему вниманию свой реферат, полностью осознавая необходимость данного шага. Кое-кто из уважаемых господ-членов академии относится к моим трудам с недоверием, но я попросил бы всех на некоторое время забыть о моей особе и думать исключительно о деле. Мои слова продиктованы лишь стремлением к научной истине, поводом же для нынешнего моего доклада является только любовь к родной стране и страх перед ее туманным завтра, ее будущим.

Его голос окреп, звучал отчетливо и ровно. Вся аудитория напряженно слушала: одни смотрели на него с неприкрытым любопытством, на лицах других проступала злобная усмешка.

---

[14] Примечания: 14

Благодаря открытию законов всемирного тяготения Исаак Ньютон (Newton, 1642–1727) считается одним из величайших гениев человечества.

— Уважаемые господа! Известно ли вам, что Украина стоит над пороге хозяйственной катастрофы? Неожиданным ростом нашей промышленности мы обязаны исключительно природным богатствам нашей земли, в первую очередь колоссальным залежам угля. Но эти запасы нельзя считать неисчерпаемыми. В ряде статей, с какими вы могли ознакомиться в различных научных журналах, я показал, что если развитие нашей хозяйственной жизни и дальше пойдет такими же темпами, через несколько лет от этих сокровищ и воспоминания не останется, даже при условии прекращения весьма значительного экспорта угля за границу. Следовательно, нам рано или поздно придется заняться поисками того, что могло бы заменить уголь.

— Вопрос только, правильны ли ваши вычисления! — отозвался голос из зала.

— Ошибка в вычислениях не изменит положения вещей. Я допускаю, что угля нам хватит еще на десять лет, а если запретить вывоз его за границу — на дополнительное десятилетие. Предположим, что катастрофа, о которой я говорю, наступит не через двадцать, а через пятьдесят и даже сто лет. Но все же эта катастрофа когда-нибудь случится, и мы ее не остановим. И если

уже сегодня в нашем распоряжении имеется источник энергии, способный заменить уголь, было бы непростительным грехом отказываться от работ в этом направлении. Более того, священный долг перед родиной и человечеством в целом призывает нас всеми силами взяться за дело. Подумайте только, как укрепится наше положение среди других государств, если Украина сможет поставлять энергию для всей Земли!

В зале раздались кое-где робкие аплодисменты, но вскоре смолкли. Роздвянский продолжал:

— После многолетних опытов мне посчастливилось напасть на след очень важного открытия. Как вам известно, радиоактивные — то есть лучистые — вещества, помимо прочих лучей, испускают еще один вид лучистых частиц, которые я назвал «лучами омега». Излучение «омега» выделяется своей необычайной мощностью и обилием частиц и по этим показателям в десять раз превосходит «сигма-лучи». Мне удалось установить, что в соответствующих условиях некоторые вещества вбирают в себя данные лучи, которые затем нетрудно извлечь. Медь, нагретая до необходимой температуры в сосуде с особой смесью газов, за десять дней поглощает такое количество «лучей омега», что после может

отдавать энергию на протяжении двух месяцев.

— Признайтесь, что и здесь вы ошиблись в вычислениях! — раздался тот же голос в зале.

Высказывание было встречено несколькими взрывами натужного смеха.

— Мои вычисления я предоставлю для оценки профессиональной комиссии, и она скажет свое слово, а до тех пор должен предостеречь вас от подобной критики, — спокойно ответил Роздвянский.

Он уже погрузился в любимую тему и обрел уверенность и смелость. Волнение бесследно исчезло.

— Но пойдем дальше. Я обнаружил «лучи омега» также в составе светового излучения Солнца и придумал способ их выделять. Опытным путем были найдены вещества, вбирающие и отдающие «лучи омега» лучше меди. И, что самое важное — эти вещества, без заметных потерь, способны сохранять в себе энергию «лучей омега» в течение целого полугода. Одним словом, я изобрел самый экономичный аккумулятор солнечной энергии, который в нашем случае куда ценнее природного, то есть каменного угля. Для возникновения залежей угля — а они, как я говорил, уже на исходе — потребовались миллионы лет.

Солнце взрастило своим теплом гигантские леса; впоследствии эти леса оказались погребены под толстым слоем ила и окаменели. Но скажите, какое поколение дождется образования новых угольных залежей из зеленеющих сегодня лесов? А при той неразумной хозяйственной деятельности, что в наших лесах повсеместна — останутся ли вообще какие-либо леса на Земле?

— Прекрасно! Да здравствует первооткрыватель новой украинской Америки! — в третий раз прервал тот же голос.

— Мои заслуги оценит будущее, а пока что я попросил бы господина президента оградить меня от такого рода нападок со стороны аудитории, — сказал Роздвянский, поворачиваясь к президенту.

— Господа, — неохотно отозвался президент, — прошу не перебивать докладчика. После выступления состоится дискуссия и каждый получит возможность высказать свое мнение.

— Я обращаюсь к достопочтенной академии за помощью в этом важнейшем деле. Прошу избрать комиссию, которая рассмотрит мои исследования и обратится к академии с ходатайством о практическом воплощении моих проектов, каковые я передам комиссии либо представлю

вместе с ней нашей уважаемой организации. Простите, господа, но я — как и всякий изобретатель — вынужден до поры до времени держать подробности экспериментов в строгом секрете. Не сочтите это знаком моего недоверия к вам.

Роздвянский сошел с трибуны. В зале воцарилась тишина — свидетельство недовольства и разочарования слушателей. Все ожидали чего-то другого. Противники Роздвянского точили зубы, готовясь к дискуссии с ним, — но он преподнес им такую неожиданность, как предложение назначить комиссию, которую он — очевидно — также обяжет хранить тайну. Комиссия может прислушаться к его доводам, выступить с соответствующим ходатайством, и игра будет проиграна.

Посетители на галерее, являвшиеся на чинные академические заседания лишь изредка и в ожидании какой-либо сенсации, также были разочарованы. Докладчик изложил всего-навсего несколько сухих фактов, отчасти общеизвестных, отчасти не представлявших никакого интереса для широкой публики.

Только маленький кружок друзей Роздвянского оценил всю весомость его краткого доклада; однако они составляли среди аудитории ничтож-

ное меньшинство и потому молчали.

В зале была такая духота, что вентиляторы мало помогали.

Президент открыл дискуссию. Первым потребовал слова профессор химии Хрущенко, самый ярый враг Роздвянского. Переваливаясь на коротеньких, кривых ножках, он добрался до трибуны и, с немалым трудом неся пузатый живот, поднялся по ступенькам. Его отталкивающее лицо поросло седовато-рыжей бородкой, лысая голова отражала солнечные лучи. Маленькими, чрезвычайно подвижными глазками профессор несколько раз обвел аудиторию и, удостоверившись, что симпатии разочарованных рефератом слушателей на его стороне, торопливо заговорил писклявым голосом, полным яда и злобы:

— Какое счастье, что в греческом алфавите всего 24 буквы и последняя из них — омега! Иначе нам пришлось бы еще не раз выслушивать здесь подобные мудреные рефераты о все новых лучах! Из уст многоуважаемого референта, — тут он с иронической улыбкой чуть поклонился в сторону Роздвянского, — в течение нескольких минут прозвучали все греческие буквы от сигмы до омеги, и мы необыкновенно благодарны, что он дошел наконец до конца алфавита. Но мо-

жет — не дай Бог — в нем пробудится вдобавок преклонение перед иудаизмом и он, по примеру некоторых математиков, возьмет на вооружение еврейские буквы, начав новую серию открытий «лучами алеф[15]?»

В зале раздались смешки. Хрущенко, довольный своей остротой, продолжал:

— Господа, вы меня не первый день знаете. Я в науке пуд соли съел. Вспомните, как десять лет назад я высказал мнение, что за исключением «лучей каппа» в радиоактивной материи не может быть каких-либо других составляющих. Вспомните также, что крупнейшие ученые, как местные, так и зарубежные, согласились с моими выводами. У меня сердце болит, когда я слышу с этой высокой трибуны научную ересь наподобие россказней о «сигма-лучах» и «омега-лучах». Должен ли я это терпеть, будучи уверен, что подобные доклады наносят вред доброму имени нашей академии, позорят ее перед всем научным миром?

С болью и страданием в голосе, укоризненно покачивая головой, профессор затянул:

— Уважаемая Академия не раз потакала таким

---

[15] Примечания: 15

Математик Кантор (Cantor) обозначил один из типов чисел еврейской буквой «алеф».

— позвольте воспользоваться резким определением — богохульным идеям и поддерживала псевдонаучные эксперименты разных лиц… И каковы последствия? Последствия таковы, что господин Роздвянский смеется над нами и хочет весь мир перевернуть с ног на голову! Он хочет опровергнуть все прежние научные теории и снискать себе большую славу, чем все члены академии, вместе взятые! Мы все, товарищ, уважаем и ценим вас как умелого авиатора и несравненного директора нашего главного авиационного завода, но в радиоактивности вы не разбираетесь. К тому же, выше чрезвычайное недоверие к нам^ Неужели мы, члены академии, не заслуживаем того, чтобы вы хотя бы вкратце изложили нам суть ваших открытий? А если вас, господин Роздвянский, смущает посторонняя публика, почему вы не потребовали закрытого заседания? Не знаю, как коллеги это расценивают, но лично я чувствую себя оскорбленным. По указанным причинам я убедительно прошу уважаемую академию не допустить всемирного посрамления себя и всей нашей науки и вношу предложение отвергнуть притязания господина референта.

— А вам, товарищ Роздвянский, — проговорил он, уже сходя с трибуны, — я искренне советую:

бросьте ваши лучезарные фантазии и держитесь своей работы, которая делает вам честь. Стройте самолеты, летите себе на северный полюс — а по мне, хоть на Луну — и ограничьтесь этим. Когда вы будете в годах и выйдете на покой, вы вспомните слова вашего профессора и поймете, что он не был таким уж беспросветным глупцом, каким вы его считали.

Сторонники профессора громкими аплодисментами дали понять, что разделяют мнение Хрущенко. Роздвянский ощутил глубокую обиду. Его, такого добросовестного и знающего ученого, обвиняют в невежестве, нерадивости, называют мальчишкой!

Он уже не слушал дальнейшей дискуссии. Понимал, что на пренебрежительные замечания Хрущенко должен ответить решительно и твердо. Волевым усилием старался взять себя в руки, чтобы говорить спокойно и по делу. Не мог дождаться конца обсуждения. Видел, как во сне, что после профессора и двух сторонников последнего выступал и один из его друзей, но не слышал и не понимал их — настолько был поглощен своими мыслями. Наконец его терпение иссякло, и он попросил слова.

— Достопочтенная академия! Удивительно,

что уважаемый господин профессор Хрущенко предпочел обойти суть вопроса и вместо этого обрушился на меня с упреками, обвиняя в незнании предмета и неподобающей молодости. Так что же? Какое отношение к предмету обсуждения имеет наличие или отсутствие у меня седой бороды? Изменит ли что-нибудь тот факт, что я не изучал радиоактивность по методике господина профессора? Господин профессор противопоставляет научным доказательствам свой опыт, знания и юмор. Я всецело уважаю труды господина профессора, но в свою очередь требую понимания, а прежде всего беспристрастности. Господин профессор обиделся на меня, решив, что я питаю к нему недоверие. Но доверял ли он сам широкой общественности, когда объявил результаты своих недавних исследований? Получил ли научный мир разъяснение известных неясностей в его теории «радиоцеллюлозы»?

— Это не относится к теме! — воскликнул профессор. — Говорите о себе и своих трудах, а мою персону оставьте в стороне!

— Извините, господин профессор, что я распространил дискуссию на вас и ваши работы. Мне жаль, что с научных материй мы так быстро перешли на личности, но в этом нет моей

вины. Я хотел говорить о нашем предмете, вы же заговорили лично обо мне, приводя в положительный пример себя самого и собственные заслуги. Так что вам не стоит удивляться, если я поневоле обратил внимание аудитории на темные места вашей теории. Именно они заставили вас бросить эту интересную тему, а ведь теория ваша отличалась широким охватом и подавала большие надежды в той же области, что и мой сегодняшний реферат. И только этим «темным местам» я обязан тем, что сегодня на академической трибуне проект использования природной энергии представляю я, а не вы!

Профессор с досады покраснел и вскочил с места.

— Еще раз прошу вас: оставьте в покое мою теорию! — закричал он. — Вы не доросли еще меня попрекать! Я вам в отцы гожусь, если не в деды!

— Выманили волка из леса — так взгляните ему в глаза, — пылко ответил Роздвянский. — Вы сами накликали беду. Позвольте мне сделать необходимые выводы и найдите в себе смелость их выслушать!

— Замолчите! — затопал ногами Хрущенко. — Замолчите немедленно! Не доводите меня до крайности!

Он дрожал от злости. Глаза светились зловещими огоньками. Роздвянский тоже рассердился.

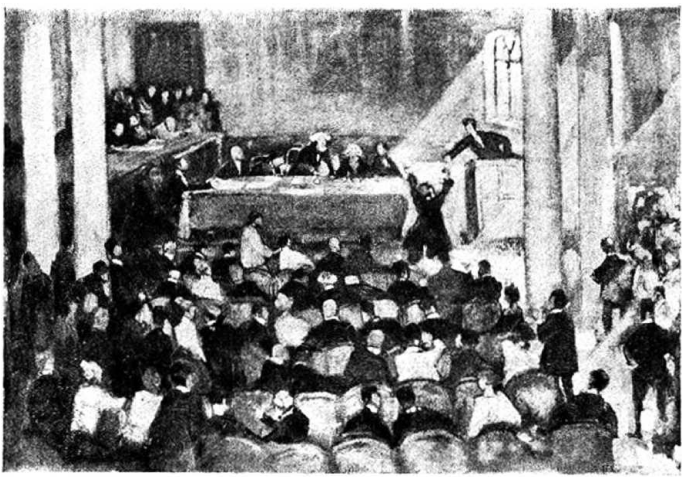
— Вы не имеете права приказывать мне молчать. Никто не может запретить мне говорить. Думаете, все уже забыли о смерти Кружляка?

Профессор дернулся, будто в него вонзилось осиное жало. Он подбежал к самой трибуне, замахал на Роздвянского кулаками и бешено завопил:

— Молчите, если вам жизнь дорога! Не напоминайте мне об этом негодяе! Из-за него едва не пострадало мое достоинство. Это отъявленный преступник!

Роздвянский вскипел. Он чувствовал, что должен теперь произнести решающее слово. Знал, что одним этим словом уничтожит своего противника. Он не хотел так поступать; из уважения к академии не желал предавать гласности историю, о которой только недавно узнал. Но увидев, что Хрущенко задумал похоронить его проект, а вместе с ним все заветные мечты, — понял, что должен защищаться. Должен разоблачить профессора, раз и навсегда лишить его уважения и научного имени. Пусть враг пеняет на себя. В начале заседания он думал, что без этого обойдется, но теперь твердо решил покончить с Хрущенко.

— Господа! Оскорбительное замечание, каким профессор Хрущенко очернил память моего несчастного покойного друга, вынуждает меня исполнить дружеский долг.



Я намеревался промолчать, особенно сегодня, но вижу, что это невозможно. Итак, я прилюдно

заявляю, что…

— Господин президент! Господин президент! — во весь голос закричал Хрущенко. — Лишите его права голоса! Он меня презирает! Он ищет скандала! Он позорит нашу академию!

Поднялся крик. В общем шуме президент несколько раз неслышно призвал аудиторию к порядку, а затем лишил Роздвянского права голоса и в сопровождении секретарей покинул зал заседаний.

— Итак, я прилюдно заявляю, — громовым голосом, покрывая все крики, повторил Роздвянский, — что создателем теории «радиоцеллюлозы» является не профессор Хрущенко, а его ассистент, мой покойный друг Кружляк!

— Ложь! Ложь! — с пеной на губах кричал Хрущенко.

— Профессор Хрущенко — виновник его смерти!

— Ложь! — заверещал Хрущенко. — Не верьте ему! Не слушайте его! Это недостойная ложь!

— Кружляк пал жертвой интриги профессора Хрущенко! Теорию «радиоцеллюлозы» разработал Кружляк! Профессор присвоил авторство открытия. А затем, чтобы обезопасить себя, Хрущенко ложно обвинил Кружляка в хищении

золота из государственного золотого запаса и довел несчастного до самоубийства! Я располагаю всеми доказательствами!

Произнеся эти слова, он сошел с трибуны и быстро вышел из зала.

Неведомо когда и как очутился в саду — поблизости от своего завода, далеко за городом. Было уже, вероятно, за полдень. Он выбрал уютное местечко и подставил ветру лицо. Ветер развевал его волосы и понемногу приводил в чувство.

Почти оправившись, Роздвянский зашагал к заводу.

II
На заводе и дома

Рабочая обстановка завода и дружный стук машин вернули ему уверенность в себе. Здесь он оживал, здесь были его сторонники; он чувствовал, что все они — инженеры, администраторы и рабочие — были искренне ему преданы и готовы стать на его защиту. Ведь он — их лучший друг, он знает радости и горести каждого. Он не раз оказывал им услуги, заступался за них перед кураторами завода и выторговывал для своих людей лучшие условия работы.

Завод был его детищем; он подвел фундамент под это исполинское здание, начертил его подробные планы, а сегодня организовывал и распределял работу, задавал направление деятельности, и все, выходившее с завода, несло на себе печать его духа. Все, начиная с чертежей каждого самолета и заканчивая пробными полетами готовых аппаратов, проходило через его руки, на его глазах рождалось и росло. Он и «Первый государственный авиационный завод» — эти понятия были неразделимы.

Но тщеславная заносчивость была Роздвянскому чужда, и он охотно делился славой со своими работниками.

— Не будь их здесь, — говорил он знакомым, — не было бы ничего. Перед вами появляется только инженер, изобретатель, конструктор, — но вы не видите той черной работы, которая лежит между замыслом и его окончательным воплощением. Вы даже не представляете, что это значит: иметь прекрасный, удачно подобранный, исполнительный заводской персонал. Это словно хорошо сыгранный оркестр. Каждый из музыкантов делает свое, досконально изученное и привычное дело, но все они стараются угадать невысказанные мысли дирижера, все так и живут желанием их воплотить. Таковы и мои товарищи, мои сотрудники. Все они понимают, что самый невзрачный, ничем не примечательный труд — например, отделка какого-нибудь металлического колесика, — является звеном большой работы, которую выполняет завод, и в конечном счете станет виден, как мы слышим игру целого оркестра. Каждый из сотрудников — тоже творец, и очень часто они — даже простые рабочие — приходят ко мне со своими проектами и улучшениями. Вот почему я называю их своими

товарищами и с радостью разделяю с ними все похвалы в свой адрес.

И действительно, Роздвянский, по примеру Эдисона, допустил всех работников к участию в доходах завода. Тем не менее, завод приносил владельцу, то есть государству, громадную прибыль.

Роздвянский пересек обширный заводской двор и просторные машинные цеха. Повсюду кипела работа, всюду на него с уважением смотрели благодарные сотрудники. Знакомая картина помогла ему восстановить внутреннее равновесие, которое он ненадолго утратил на заседании.

Он вошел в кабинет и велел пригласить своего заместителя, главного инженера Павла Покотенко.

— Друг мой, — сказал, крепко сжимая его руку. — Вы уже, вероятно, слышали о моем приключении в академии.

— Слышал, директор, и должен выразить вам искреннюю признательность за то, что в таких тяжелых условиях вы не побоялись выступить в защиту оболганного Кружляка. Я знал его и глубоко сожалею о его разбитой жизни, хоть мне и неизвестны все подробности трагедии. Ни минуты не сомневался, что он ни в чем не виноват.

— Он и вправду невиновен. Это был честный

человек. В письмах ко мне покойный часто жаловался на профессора, но только его прощальное письмо из лечебницы объяснило мне все. Если профессор вздумает довести дело до суда, у меня будет возможность доказать правдивость моих слов. Однако сейчас я хотел вам сказать, что на неделю оставляю завод на ваше попечение. Мне необходимо на какое-то время уехать на хутор и отдохнуть, а затем подготовить материалы для защиты себя и Кружляка.

— Поезжайте, директор. В добрый час! — ответил Покотенко.

Не успел он договорить, как в кабинет вошли еще два приятеля Роздвянского: инженер Антон Коробка и профессор геологии Григорий Шевченко. Они тоже высказали ему свою благодарность и рассказали, что произошло в академии после его ухода. Через несколько минут президента призвали вернуться в зал. Тот вновь открыл заседание и торжественно объявил, что во время его отсутствия Роздвянский нанес тяжкое оскорбление многоуважаемому профессору Хрущенко. Исходя из этого, президент внес предложение исключить Роздвянского, как человека, порочащего честь академии, из членов организации. К обсуждению своего предложения президент не

допустил никого; за это предложение голосовали все, кроме Коробки и Шевченко. Так академия наказала Роздвянского, а Хрущенко праздновал победу.

После этой беседы Роздвянский распрощался с друзьями и вскоре уже сидел в своем маленьком самолете. Аппарат был способен летать в воздухе, плавать по воде и ездить по суше. Запустил мотор и поднялся в воздух, пролетел над Киевом и Днепром. Когда Киев исчез из виду, опустился на воду и спокойно поплыл дальше…

***

На небе показались звезды — одна, и вторая, и третья. Солнечный свет на западе померк и стало совсем темно. Правый берег Днепра угадывался лишь по острым очертаниям утесов, прибрежных лесов и одиночных домов.

Наконец, вдали выступил из темноты высокий силуэт креста — то была могила Шевченко. Отсюда уже недалеко было до хутора. Роздвянский достаточно успокоился и отдохнул и мог позволить себе взлететь. Движение рычага — и самолет начал подниматься в небо, бросая вперед два длинных световых луча: загорелись ночные прожекторы, мощные электрические лампы с

рефлекторами.

Вскоре широкий Днепр превратился в узенькую светлую полоску; затем летчик повернул аппарат на запад, и река скрылась из глаз.

***

В приветливой комнате летай-орловского[16] хутора сидела за столом молодая и красивая женщина и заплаканными глазами в отчаянии смотрела на чрезвычайный вечерний выпуск «Каневского листка». В голове не умещалось прочитанное в новостях; уговаривала себя, что это просто чья-то злобная выдумка. Ни на секунду не могла поверить, что сообщение соответствовало действительности. Сердцем чувствовала, что все это неправда.

Телеграмма из Киева гласила:

«Скандал в Инженерной академии. На сегодняшнем утреннем заседании Инженерной академии дошло до бурных сцен, какие прежде не знала ни одна академическая институция. Известный инженер, директор “Первого государственного авиационного завода” Михаил Роздвянский должен был зачитать сенсационный

---

[16] Примечания: 16

Орловец — селение к западу от Канева (Прим. перев.).

реферат, посвященный использованию солнечной энергии в практических целях. Но вместо этого его краткое выступление свелось к нескольким загадочным фразам о неких “радиоактивных лучах сигма и омега ”, существование которых не признает ни один уважаемый ученый. Разумеется, вся академия единодушно высказалась против гипотез Родзвянского и в лице профессора Хрущенко выразила удивление тем обстоятельством, что такой заслуженный ученый взялся не за свое дело и тратит драгоценное время на подобные беспочвенные фантазии. Обиженный этими замечаниями инж. Роздвянский выступил с резкой критикой академии в целом и набросился с площадной бранью на проф. Хрущенко. Он не остановился даже перед клеветой на Нестора украинской науки, выставив проф. Хрущенко виновником смерти бывшего ассистента профессора, Кружляка (последний, как известно, похитил часть золотого запаса государственного банка и позднее наложил на себя руки в ***-ском заведении для умалишенных, куда был переведен из тюрьмы). Проф. Хрущенко немедленно подал судебный иск против своего обидчика и потребовал ареста Роздвянского, указывая, что тот может скрыться от правосудия на своем само-

лете. В настоящее время Роздвянский, вероятно, уже находится под арестом…»

Молодая женщина встала из-за стола и нервно прошлась по комнате.

— Нет, этого не может быть! — произнесла вслух. — Это не более чем обыкновенная газетная сплетня!

Но внутреннее чувство подсказывало ей, что в сообщении могла содержаться доля правды. Поздний вечер, а его все нет, хоть и обещал сразу вернуться…

Галина Роздвянская знала, что муж не из тех, кто не умеет сдерживаться. А значит, его слова, — если только газета не врет, — должно были на чем-то основываться.

В невиновности Кружляка, не будучи с ним лично знакома, она была уверена: по рассказам мужа у нее сложилось впечатление, что в жизни ассистента произошла какая-то страшная трагедия, бросившая тень на невинного человека.

Но как сможет Михаил доказать перед судом его невиновность и подтвердить вину профессора Хрущенко? И если известия об аресте мужа правдивы, как вызволить его из тюрьмы?

В безысходной печали и грусти снова заплакала. Потом вытерла слезы, подошла к открытому

окну и стала вглядываться в темноту ночи. Кругом было тихо…

Далеко за полночь раздался приглушенный перезвон и двор перед домом засиял электрическими лампочками. Это было изобретение Роздвянского — автоматический сигнал оповещал, что самолет приближается к хутору. В окрестностях хутора особые радиосигнализаторы приводили в действие электрические звонки и зажигали вокруг дома целую гирлянду ламп. Таким образом, становилось возможным садиться ночью в таком опасном месте, как здесь, среди деревьев и зданий.

Галина вертела головой, обводила взглядом небо, но сперва ничего не заметила. Наконец на какую-то секунду вокруг стало светло, как днем. Галина знала и этот сигнал: выстрел осветительной ракеты. Следом за ним в небе мгновенно появились два ярких световых луча — рефлекторы самолета.

Сердце Галины забилось быстрее.

— Да! Это он! Он на свободе, а я напрасно так волновалась.

Опрометью выбежала из дома.

Самолет дважды описал круг над хутором, будто ища подходящее место для посадки, а затем

спокойно и медленно опустился на землю. Въехал на узкую дорожку между двумя рядами больших ламп и остановился перед самым домом. Через несколько минут Роздвянский уже стоял на пороге дома и держал в объятиях Галину.

— Ах, где ты так задержался? — спрашивала она. — Как я за тебя переживала! С тобой ничего плохого не случилось?

— Тьфу, ерунда какая-то стряслась. Добрых два часа где-то блуждал, сбился с курса и никак не мог добраться домой. Такое со мной впервые, хотя я не раз летал по ночам. Видимо, нервы сегодня никуда не годятся. Думал, придется до рассвета кружить в небе — в потемках я не решился бы сесть…

Поздоровавшись с женой, Роздвянский тотчас возвратился к самолету и завел его в небольшой ангар, как заботливый хозяин ставит лошадь в конюшню. В ангаре осмотрел радиомотор[17], достал из него остаток радиоактивного металла и осторожно спрятал в отдельную коробочку. Затем вынул из ящика с инструментами маленькую дорожную сумку и дальнейший уход за самолетом поручил прислуге. Войдя в комнату,

---

[17] Примечания: 17

Мотор, который приводится в движение энергией радиоактивных веществ (художественный вымысел).

Роздвянский бросил взгляд на стол и заметил «Каневский листок», где жена прочитала злополучную телеграмму.

— Ты плакала, голубка моя? Бедняжка, ты так печалилась из-за меня, а виной всему людская глупость и злоба! Как бессмысленно описано заседание! Сама подумай! Тебе ведь лучше, чем кому-либо другому, известны мои работы, мои мечты; ты поймешь, что я не мог поступить иначе. А в отношении остального — неужели пресловутый «Нестор украинской науки» видится тебе таким всесильным, что государственная власть встанет на защиту его достоинства? Ты даже вообразить не можешь, что это за негодяй. До сегодняшнего заседания, правда, и мне ничего подобного не пришло бы в голову. Вот, смотри!

С этими словами он вынул из сумки толстый пакет в конверте, адресованном Михаилу Роздвянскому. Пакет был отправлен из канцелярии ***-ского заведения для душевнобольных.

В конверте лежало следующее письмо:

«*Глубокоуважаемый господин инженер!*

Занимая должность директора нашего заведения, я приводил в порядок канцелярию и архив и обнаружил прилагаемый пакет, который долго пролежал у нас. Исполняя последнюю волю

несчастного автора, незамедлительно пересылаю его Вам. Находясь у нас, Иван Кружляк покончил свою злосчастную жизнь самоубийством.

Мне было искренне жаль этого сломленного человека, которого я близко узнал и полюбил, будучи в то время помощником директора. Я догадывался, что в его жизни произошла, очевидно, какая-то чудовищная трагедия. Если моя догадка верна, не откажите в просьбе сообщить мне об этом. Я был бы рад удовлетворить свое любопытство, исходящее из искренней привязанности к бедняге Кружляку.

Примите мое глубокое уважение,
Степаненко».

Помимо письма, в пакете был второй конверт с надписью:

«Моя исповедь — прошу вручить моему другу, инженеру Михаилу Роздвянскому. — Иван Кружляк».

Галина Роздвянская достала из конверта пачку листов и начала поспешно читать.

III
Исповедь

«Заведение для душевнобольных, в день моей смерти.

Друг мой единственный!

Вскоре я перестану существовать. Всего лишь несколько часов отделяют меня от смерти. Враги объявили меня сумасшедшим и упекли сюда, откуда люди либо не возвращаются совсем, либо выходят моральными и физическими калеками. Продолжать и дальше жить здесь невозможно. И днем, и ночью встают перед глазами моя любимая жена и дети, и я понимаю, что ничем не смогу облегчить их участь, будь то здесь или на воле. Эти видения так измучили меня, что я не в силах описать тебе ад, в котором я пребываю.

И в эту, самую трудную минуту жизни я вынужден просить тебя, мой старый, испытанный друг: не откажи несчастному в последней услуге. Я оставляю жену и двух малых деток. Жене, я думаю, и так недолго осталось жить на этом свете, но дети! Одна мысль о них доводит меня до отчаяния! Что с ними станется? С каким клеймом

они выйдут в мир? Отец — вор…

Заклинаю тебя всем на свете, всем, что тебе дорого и свято, нашей давней дружбой, твоим семейным счастьем и счастьем твоих детей, если они у тебя есть — друг мой, Михаил, в тебе одна моя надежда! Когда-нибудь, быть может, тебе удастся очистить мою память от постигшего меня позора. Возврати моим детям честное имя! Пусть не стыдятся своего отца! Пусть не винят его в том, что в жизни им придется трудно — виновен не он, а сломившие его злодеи!

Прими же мою исповедь, выслушай меня, несчастного, и поверь мне. Надеюсь, настанет день, когда моя невиновность будет доказана!

В последний раз мы виделись с тобой много лет назад: я тогда поступил ассистентом к профессору Хрущенко, а ты собирался за границу. Позднее переписка наша сошла на нет, а затем я и вовсе потерял тебя из виду. Но недавно я увидел твое имя в одном научном журнале — и сказал себе, что только с тобой я могу поделиться своей тайной, только твое сердце могу тронуть судьбой своих детей.

Я начал работать в лаборатории Хрущенко, помогал профессору в его трудах, а попутно занимался собственными исследованиями.

Специальность Хрущенко — как тебе известно — радиоактивность. Вполне понятно, что и я обратился к этому заманчивому полю деятельности. Я надеялся, что узнаю у профессора много нового и под руководством такого виднейшего ученого сумею внести свой вклад в эту область знаний.

Сперва Хрущенко очень обрадовался моему решению. Он все время только и делал, что ходил за мной и излагал свою теорию; за месяц я ознакомился с ней в таких подробностях, какие не дал бы и год чтения книг. Но когда Хрущенко добрался до места, на котором остановился в своих экспериментах, прервались и лекции. Однажды он сказал мне, что наука дошла здесь до последнего рубежа и что за этими Геркулесовыми столбами искать более нечего. Меня очень удивило столь ненаучное высказывание профессора, и я попытался ему возразить. Произошло это впервые, так как прежде я лишь выслушивал его и ни в чем не перечил.

Хрущенко страшно рассердился и дал мне понять, что возражений не потерпит, а если я хочу жить с ним в мире, то должен ему подчиняться. С этого момента наши отношения изменились до неузнаваемости: Хрущенко придирался ко мне,

злился и постоянно мне досаждал. Понимая, что упрямством ничего не добьюсь, я старался во всем ему угождать. Я был слишком слабоволен, чтобы противостоять его самодурству, а вдобавок боялся потерять место. Именно тогда заболела моя жена, и хорошие отношения с профессором были для меня очень важны. Об этом я, кажется, в свое время тебе писал.

Занятия в лаборатории мне наскучили. Моя живая мысль рвалась вперед. В воображении начали возникать новые концепции, замыслы, идеи. Мне захотелось поставить ряд собственных экспериментов.

Вначале я боялся профессора, но в конце концов приступил к работе в кабинете ассистентов. Работа шла сперва вяло, после все глаже; но все-таки она была лихорадочной, прерывистой. Я не мог, как другие ассистенты, позволить себе открыто проводить опыты в свободные от обязательных занятий часы. Приходилось скрываться и тайком, под бдительным оком профессора, раздобывать необходимые приборы. И тогда я решился сказать Хрущенко, что стою на пороге важного открытия и прошу разрешения работать в его лаборатории.

Хрущенко лукаво улыбнулся и принялся вы-

пытывать у меня подробности моей теории, которую я описал ему в общих чертах. Он сделал несколько иронических замечаний и наконец согласился, но по его словам я понял, что этот поступок мне дорого обойдется.

Предметом моих трудов была «теория радиоцеллюлозы[18]», получившая известность после того, как о ней написал профессор Хрущенко. Но написанное Хрущенко — вовсе не моя теория. Его изложение прервано на середине и настолько сумбурно, что в нем потерялась моя главная мысль: бесплатное получение неисчислимо больших объемов солнечной энергии! Статья Хрущенко описывала только начало длинной серии проделанных мною опытов. Я распределил их на много лет вперед и собирался посвятить им всю свою жизнь. Судьба распорядилась иначе…

Рассказываю дальше. Я получил возможность работать, не оглядываясь по сторонам — и работал так, как только может работать молодой, энергичный человек, горящий святым огнем великого дела. Каждую свободную минуту я посвящал своим экспериментам и ежедневно, пусть ненамного, продвигался вперед. Я чувствовал

---

[18] Примечания: 18
Художественный вымысел.

себя безгранично счастливым, особенно после того, как в течение нескольких месяцев мне удалось завершить первую серию опытов. Я начал готовить к печати первую статью.

В те дни Хрущенко снова переменился и вдруг сделался со мной сладким, как патока. Сперва я вел себя очень осторожно, но природное добродушие победило, и я забыл, что мне следует его опасаться. Профессор не раз расспрашивал меня о моей работе. Конечно же, я рассказывал ему больше, чем следовало бы, а Хрущенко выслушивал и уходил с очень довольным видом.

Однажды я обнаружил в лаборатории настоящий разгром. Кто-то залез в ящик моего стола, где я держал заметки о своих исследованиях, вытащил их и так перемешал, что я несколько часов приводил их в порядок. Но я ничего не подозревал. Я распорядился поставить на ящик замок понадежней и на этом успокоился.

Через некоторое время я на несколько дней уехал из Киева. Когда вернулся и зашел в лабораторию, застыл как вкопанный: мой стол был сломан, дно ящика выбито, а от рукописей остались только два листка… Я тут же созвал всех служителей и узнал, что за время моего отсутствия в комнату никто, кроме профессора,

войти не мог, так как ключ от моего помещения хранился у него в кабинете. Я пошел к Хрущенко и рассказал ему о своей беде. Профессор принял меня довольно холодно и осведомился, почему я обращаюсь к нему с подобным вопросом.

Я сильно смутился и ответил, что хотел только поделиться с ним своим горем, ведь до сих пор он с большим интересом относился к моей работе — и получил язвительный ответ, что мое несчастье его ничуть не беспокоит.

Я вышел из кабинета Хрущенко с твердым убеждением, что уважаемый профессор приложил руку к этому делу.

Беда придавила меня. Вся моя работа пропала впустую. Я вложил в нее столько труда, столько усилий, что теперь не мог заставить себя повторить все заново.

Прошло немало времени, прежде чем я оправился от этого удара и вновь приступил к работе.

Хрущенко ходил нахмуренный и мрачный, как туча. Однажды он застал меня за работой в лаборатории и принялся разоряться: как я посмел делать что-либо без его ведома? Я пробовал объяснить, что лишь продолжаю начатое ранее, но никакие оправдания не помогали. Профессор ругался и твердил, что я порчу оборудование, а

после не отваживаюсь показывать людям свою никчемную работу и потому устраиваю какую-то трагикомедию с бандитским нападением…

Упреки профессора задели меня за живое. Я хотел было ответить ему, как подобает, но сейчас же напомнил себе, что у меня больная жена, а сам я так разбит, что не сумею найти другого занятия — хоть и понимаю, что это было бы для меня единственным выходом. И потому я снова проглотил тяжкую обиду.

Покорность вновь сослужила мне хорошую службу. Профессор опять подобрел, а спустя какое-то время даже раз и другой зазвал меня в гости. Позже я стал бывать у него почти ежедневно.

Не стану описывать компанию, в которой я каждый вечер вращался. Это были в основном старые холостяки (профессор надеялся подцепить среди них мужа для своей неказистой дочери). У меня не могло быть ничего общего с этими людьми. Одни играли в карты, другие развлекали мадмуазель Эвелину, а я крутился между ними, не находя себе места. Этим-то и пользовался профессор: как правило, он ловил меня где-нибудь в уголке и весь вечер хвалился своими великими научными достижениями.

Я не раз удивлялся и спрашивал себя, что я ищу в этой компании, не раз клялся, что больше туда не пойду. Но наступал вечер, и я снова плелся к профессору. Хрущенко буквально загипнотизировал меня. Когда, прощаясь со мной в лаборатории, он говорил со сладкой улыбкой: «Сегодня увидимся у меня, правда же?» — я не находил в себе сил ему отказать.

В его доме я познакомился со своим заклятым врагом — человеком, который украл золото и навлек на меня подозрение… Это был, как ты знаешь, Семен Бовдур, молодой чиновник из “Днепровского банка”. Он умел быть милейшим товарищем, сочувственно выслушивал других, интересовался их жизнью.

Сперва меня совсем не тянуло к Бовдуру; я даже испытывал к нему какое-то необъяснимое отвращение и обходил его стороной. Но после нам несколько раз довелось вместе возвращаться от профессора — и мы разговорились. На первых порах я был с ним очень осторожен, но он незаметно покорил меня своей притворной искренностью.

Он был гулякой; сколько денег высыпалось из его карманов на зеленое сукно! Однако он выдавал себя за богатея, рассказывал о своих доходах, и я не удивлялся тому, что деньги у него

водились.

Как-то профессор сказал, что нашел для меня прекрасную должность: заведующего отделом золота в “Государственном институте эксплуатации природных ресурсов Украины”. Он пояснил, что на эту должность требуется хороший специалист-химик, но при том человек безукоризненно честный и порядочный, каким он и считает меня. Сгоряча я подумал, что поработаю какое-то время, приобрету некоторые приборы и химикалии и вернусь к научным трудам.

Я принял должность. Работы было очень много. Мне был доверен надзор над всеми запасами золота, стекавшимися в отдел из рудников, до поступления их в Государственный банк. Кроме того, под строгую личную ответственность я должен был проверять все химические анализы, которые проводили мои сотрудники.

Я радовался, что перестану видеть Хрущенко. Но вскоре он стал изо дня в день наведываться в институт и просиживать у меня по несколько часов…

В тяжелом труде прошел месяц. Мне предстояло подводить первый месячный баланс. К несчастью, как раз в это время заболел наш главный бухгалтер. Дело было слишком важным, чтобы

поручить его кому-то другому, и я был вынужден заняться им самостоятельно. Поначалу мне было нелегко; я обратился за помощью к Бовдуру. Он охотно согласился помочь — и я был чрезвычайно рад, когда придирчивая комиссия с благодарностью приняла мою работу.

Бовдур увидел, какие богатства хранятся в золотом отделе, и стал заходить ко мне чаще. Хрущенко, напротив, появлялся все реже. Это удивило меня: Бовдур и профессор поддерживали близкие отношения, и Бовдур каждый день бывал у Хрущенко.

Однажды мы с Бовдуром сидели вдвоем в моей канцелярии. Я только что принял большое количество золота и записывал поступление в книгу. Золото лежало на столе, а рядом стоял открытый ящичек с образцами, приготовленными для анализов.

Внезапно в соседней комнате зазвонил телефон, и я побежал туда, оставив золото на попечение моего товарища. Я пробыл у телефона недолго. По возвращении мне бросилось в глаза, что Бовдур — против обыкновения — расхаживает по комнате и потирает руки. Мне показалось, что на его лице было написано необычайное довольство. Бовдур посидел еще минутку, но разговор не кле-

ился, и он распрощался, а на прощанье крепче, чем обычно, пожал мне руку.

Этот эпизод быстро стерся из моей памяти. Я вновь вспомнил о нем два дня спустя, когда утренние газеты принесли известие о бегстве кассира “Днепровского банка”, скрывшегося с большой суммой денег. В меня закралось зловещее предчувствие. Я едва дождался окончания рабочего дня, а когда все сотрудники разошлись, бросился взвешивать и пересчитывать золото. Это продолжалось всю ночь, и результат поразил меня, как гром с ясного неба: недоставало значительного количества золота… Я понял, что Бовдур обокрал меня, когда я говорил по телефону!

Я был близок к безумию. Что мне оставалось делать? Я всегда был беспомощен в практических делах и теперь избрал худший путь, на который только мог ступить. Я не мог признаться, что допустил кражу золота, и должен был любой ценой залатать эту дыру. Но как? Куда обратиться? У кого просить совета? Я отчаянно искал выхода, никому не рассказывая о случившемся — даже жене я не сказал ни слова. Ко всему, от горя я стал неосторожен и перестал посещать по вечерам профессора, чем привлек к себе внимание. Связь между бегством Бовдура и моим смятением труд-

но было не заметить.

А тем временем месяц подходил к концу и приближался срок очередной ревизии. В смертельной тревоге я пошел к Хрущенко и рассказал ему все. Со слезами на глазах я молил его о спасении и клялся в своей невиновности. Профессор, услышав мои слова, побледнел и задрожал, а после накинулся на меня, будто готов был убить. Он обвинил меня в сговоре с Бовдуром: мол, мы вместе растратили золото, только Бовдур оказался умнее, бросил меня и вовремя сбежал, а мне придется отвечать за двоих. К тому же, я покрыл таким позором седую голову профессора, наш университет и все ученое сословие, что любого наказания для меня будет мало.

Через час состоялась ревизия. Не успел председатель ревизионной комиссии подписать со мной протокол, как явилась полиция, и меня отвезли в холодную…

Ах, друг мой, что я пережил в те первые дни в тюрьме — никаким пером не описать… Нет сил рассказывать о первом тюремном свидании с женой…

Мой защитник, Яковленко, сделал все, что мог, для моего спасения. Но выхода не было: мне грозило длительное заключение с лишением всех

прав и клеймом вора на мне и моих детях…

Однако незадолго до суда меня посетил — кто бы ты думал? Хрущенко! Он выразил мне свое сочувствие и сказал, что может вытащить меня из тюрьмы и избавить от суда, поскольку надежды на оправдательный приговор нет никакой. И предложил мне дорогу к спасению — желтый дом! У него, — пояснил Хрущенко, — есть друг, профессор психиатрии, который признает меня душевнобольным, так что до суда даже не дойдет. В сумасшедшем доме я пробуду недолго; постепенно мое дело забудется, и тогда при помощи того же психиатра он освободит меня и предоставит возможность уехать далеко, на Зеленый Клин[19], где я смогу найти занятие себе по душе.

Сперва я испугался и попросил у Хрущенко несколько дней на размышление. Он ничуть не возражал, только предостерег, что я не должен обмолвиться ни словом ни жене, ни адвокату. Я обещал молчать.

Я долго не мог решиться, но в конце концов принял предложение. Этот страшный человек играл со мной, как с механической куклой! Но

---

[19] Примечания: 19

Зеленый Клин — неофициальное украинское название южной части дальневосточного региона Российской империи, где проживало много украинских переселенцев (Прим. перев.).

тогда я видел в нем своего спасителя и превозносил его доброту и заботу о моей семье. Представь себе, Михаил, я упал перед ним на колени и со слезами благодарил его за спасение!

Жену и детей я видел после этого один-единственный раз. По ходатайству Хрущенко они смогли провести почти целый день у меня в камере. Я рассказал им, что появилась надежда на освобождение, но, помня предостережения Хрущенко, не стал раскрывать никаких подробностей. Прощаясь, мы плакали от радости: скоро мы все снова будем вместе, на свободе.

На следующий день я оказался в сумасшедшем доме. Директор, приятель Хрущенко, знал обо всем и не терзал меня расспросами, ограничившись формальностями. Однажды меня вновь посетил Хрущенко и сказал, что дело мое в суде уже закрыто, а общественное мнение изменилось и склоняется на мою сторону. С тех пор я больше не видел никого из старых знакомых.

Сразу после этого визита меня повезли куда-то далеко: ночью перевезли в закрытой машине на железнодорожный вокзал, там посадили в вагон — и я поехал неведомо куда. К вечеру очутился здесь, где мне суждено распрощаться с жизнью.

Вначале мне думалось, что здешнее “гигиени-

ческое" существование вернет мне душевное спокойствие, и все было бы хорошо, не будь моего окружения, сотен товарищей по несчастью, попадавшихся мне на каждом шагу, с их безумными выдумками и маниями. Я с нетерпением ждал освобождения. Однажды я заговорил об этом с одним из врачей — и его ответ раскрыл мне всю правду. Меня навеки упекли сюда как неизлечимого и опасного больного, который время от времени впадает в буйство… Моя судьба была решена…

У меня начались приступы тоски. Однако, стараясь убедить врачей в безосновательности моего диагноза, я вел себя примерно и ничем не выдавал свое угнетенное состояние. Даже смотрители стали поговаривать, что мне здесь не место.

Начальником отделения, куда меня поместили, был молодой врач. Мы с ним не раз беседовали, и наши отношения становились все более дружескими. Он вел себя со мной участливо, и во мне зародилась искра надежды.

Как-то я попросил у него книг. Он с радостью согласился удовлетворить мою просьбу и с тех пор стал приносить мне много новинок научной литературы. По целым дням я читал, а в свободные минуты дискутировал с ним.

Больше всего меня интересовали научные журналы. Мой новый приятель так привязался ко мне, что за свой счет выписал наш “Химический сборник”. Как я обрадовался, когда впервые взял его в руки! Кажется, никогда в жизни я не читал ничего так внимательно, как эти тетради “Сборника”! И в один прекрасный день, просматривая свежий выпуск журнала, я увидел изложение своей “теории радиоцеллюлозы”, подписанное автором открытия — Хрущенко.

В один миг я понял все. Понял, куда исчезли мои бумаги, почему профессор устроил меня приглядывать за золотом, зачем оставлял меня наедине с Бовдуром и откуда нашел в себе столько милосердия, что вызвался спасти меня от суда, а мою семью от голодной смерти! Он желал избавиться от опасного свидетеля, который мог разоблачить его незаслуженную славу, и придумал весь этот дьявольский план, чтобы навсегда запереть меня здесь!

Я утратил власть над собой, забыл о всякой осторожности и начал биться и кричать. Дежурный врач был поражен моим поведением. Когда я воскликнул, что Хрущенко украл мой труд, и произнес злосчастное слово “радиоцеллюлоза”, он принялся меня успокаивать, а сам тем време-

нем подмигнул смотрителям. Так я оказался в смирительной рубашке и минуту спустя был уже в отделении буйнопомешанных. Три дня я действительно бесновался, бился головой о стены, а смотрители безжалостно колотили меня. Затем я сообразил, что слезами горю не поможешь и лучше будет поговорить с врачом и объяснить ему случившееся. Но я не был знаком с начальником нового отделения и не питал к нему доверия. Тогда-то я и нашел выход — смерть. Хотел только оставить тебе свою исповедь и просить тебя присмотреть за моими детьми и очистить мое имя от позора. Но для этого мне требовалось время — и покой.

Месяц я вел себя спокойно и осмотрительно и смог вернуться в отделение моего друга-врача. Помогло письмо — я передал его через одного смотрителя. В письме я просил доктора принять меня обратно, вспоминал наши разговоры и обещал вести себя примерно. И этот добряк освободил меня.

Вернувшись в старое отделение, я чувствовал себя собачкой, которую побили и выбросили на улицу, а после снова пустили в дом… Я был покорен и подавлен. Мною овладела теперь настоящая меланхолия, и я ощущал, что мое

здоровье со дня на день ухудшается. Поэтому я решил поторопиться со своей исповедью, пока мой разум еще не затуманен.

Я собрался с духом и перечитал хрущенковскую статью о “радиоцеллюлозе”.

Читал — и вновь переживал недавние минуты… Перед глазами вставала моя работа; я припомнил мельчайшие подробности своих экспериментов. Наконец я вспомнил все. Я снова и снова перечитывал статью Хрущенко — и видел, что он не сумел разобраться как следует в моей теории, а просто скопировал рукопись и опубликовал ее под своим именем. К примеру, я натолкнулся на одно неясное место, где был отчетливо заметен какой-то пробел в рассуждениях. Но именно это место бросало яркий свет на все дальнейшие выводы, именно там я развивал смелые планы использования “радиоцеллюлозы” для эксплуатации энергии Солнца.

Внезапно я понял причину: похитивший мои бумаги в спешке выронил два листа. Вероятно, они и содержали выводы, которых недоставало в статье.

А как искусно уважаемый профессор обошел эту небезопасную Сциллу и Харибду! Как остроумно переработал темные места! Он залатал их,

как хороший хирург рану — заживет, и следа шва не останется. Но он не обратил внимания на одну мелочь. С двух утраченных листов начинался новый раздел; а наш ученый, переписывая чужой труд, этого не заметил и пропустил заголовок. В результате окончание раздела в его статье не соответствует сказанному в начале. Этого должно быть достаточно: верю, что ты найдешь способ смыть позор с моего имени.

Вчера я раздобыл веронал; его используют здесь как снотворное для успокоения буйных. Несколько граммов избавят меня от тяжких страданий. Засну, чтобы больше никогда не проснуться.

Вот и конец моей исповеди. Если она попадет к тебе в руки, ты защитишь меня и моих детей от клеветы.

Я заканчиваю письмо. Теперь мне стало легче. Я верю, что моя семья обретет в тебе преданного защитника. Прощай, Михаил, мой настоящий, искренний друг. Одному тебе я доверил эту долгую исповедь. С женой и детьми я прощаюсь короткой запиской. Помни, что они обессилены, сломлены и не могут за себя вступиться.

Если тебе доведется когда-нибудь встретить моего друга-врача, расскажи ему мою историю.

Поминай иногда добрым словом твоего несчаст-

ного друга
Ивана Кружляка».

IV
Защищая умершего друга

Михаил Роздвянский поспешил в адвокатскую контору Петра Сотенко, рассказал ему все и просил его взять на себя роль защитника на судебном процессе по иску Хрущенко. Сотенко внимательно выслушал Роздвянского и сразу же велел разыскать Яковленко, защищавшего в свое время Кружляка. Однако Яковленко, как выяснилось, не так давно скончался.

Сотенко прочитал предоставленные ему бумаги и призадумался.

— Дело будет сложным. Письмо человека, официально признанного душевнобольным, — слабоватое доказательство для суда. Лично я убежден, что он говорит правду. Но сможет ли это письмо опровергнуть сложившееся мнение о профессоре, который в глазах широкой публики продолжает оставаться большим авторитетом?

— Я приведу профессиональное, научное доказательство того, что в одном месте статьи Хрущенко имеется очевидный провал в рассуждениях.

— Суд направит ваши доказательства на экспертную оценку, а экспертами — по всей вероятности — будут назначены сторонники Хрущенко. Вам требуется что-то еще. Лучшим доказательством, — добавил адвокат, помолчав, — были бы два утраченных листа из рукописи Кружляка. Вы виделись с его вдовой?

— Да, я побывал у нее, как только получил письмо. Она живет очень бедно. Письмо покойного стало для нее неожиданностью. Она была уверена, что Кружляк в самом деле сошел с ума. Ее не пускали к мужу и говорили, что навещать его опасно, потому что он бросается на всех. Когда Кружляка увезли из Киева, она даже не смогла узнать, где он содержится. Яковленко также не удалось раскрыть эту тайну.

— А статью Хрущенко вы читали?

— Конечно, сразу по ее появлении в печати. Она меня очень заинтересовала, поскольку я шел к той же цели, что и Кружляк, но совершенно иным путем. Кроме того, меня удивило, что этот старый гриб Хрущенко выступил с такой передовой теорией. После письма Кружляка мне удалось без труда найти в статье упомянутый им пропуск.

— Прежде кто-либо на этом останавливался?

— Некоторые слабые стороны работы заметили

вскоре после ее появления. Статья Хрущенко никого не удовлетворила. В следующем выпуске «Химического сборника» об этом говорилось.

— И что ответил Хрущенко?

— Промолчал. С тех пор вышло еще несколько тетрадей «Сборника», однако тема больше не поднималась.

— Видели ли вы Хрущенко после того, как получили письмо Кружляка?

— За день до злополучного заседания в академии я случайно встретил его на улице. Заговорил с ним и перевел разговор на его статью. «Господин профессор, — сказал я Хрущенко, — недавно я перечитывал ваше ценное изложение “теории радиоцеллюлозы” и очень обрадовался тому, что вы не успели опередить меня в вопросе использования энергии Солнца. Но я заметил в статье одно весьма неясное место. Не пропустили ли вы часом пару страниц рукописи?» Хрущенко побледнел и спросил: «Как это понимать?» — «Вам лучше знать», — ответил я и распрощался. Думаю, Хрущенко инстинктивно понял, что я ему враг, чем я и объясняю его поведение на заседании.

— А о Бовдуре ничего не слышно?

— Ничего. Исчез, как сквозь землю провалился.

— В таком случае я не вижу иного выхода, кроме как отыскать потерянные листы рукописи. Но поторопитесь, времени остается мало.

На этом они расстались. Роздвянский пошел к жене Кружляка, чтобы просмотреть оставшиеся от покойного бумаги.

***

Большой зал Киевского суда, как некогда Инженерная академия, был переполнен. Здесь разбиралось дело Роздвянского: профессор Хрущенко обвинял инженера в оскорблении чести и достоинства. Публика, слышавшая бурную дискуссию на памятном заседании академии, собралась и сегодня: всем было интересно узнать, чем закончится дело.

Роздвянский спокойно и уверенно выступил в свою защиту. Он раскритиковал статью Хрущенко, выделил неясные места и процитировал рецензентов, указывавших на недоработанность статьи. Затем убедительно показал, что в статье недостает третьего раздела; за вторым — чрезвычайно длинным — следует четвертый, а окончание второго по своему содержанию не соответствует заголовку.

— Все это приводит меня к выводу, — подвел

итог Роздвянский, — что уважаемый профессор, переписывая чужой труд, где-то потерял как минимум две страницы рукописи.

Он пристально посмотрел на Хрущенко. Тот опустил глаза и беспокойно заерзал в кресле.

Далее в качестве свидетельницы защиты выступила вдова Кружляка. Сломленная и убитая горем женщина выглядела старше своего возраста, но ее измученное лицо все же несло на себе отпечаток былой красоты. Она рассказала всю историю своей жизни: как молодой студент Кружляк, сразу после окончания университета, женился на ней — бедной сироте, — как они вдвоем преодолевали трудности и глядели в будущее с чаяниями и надеждами. Кружляк, человек мягкий и непрактичный, как ребенок, был способен найти в себе неисчерпаемые запасы энергии, когда дело касалось работы. Получив место ассистента Хрущенко, он был счастлив. К тому времени он уже опубликовал некоторые научные труды и надеялся многое почерпнуть, работая со знаменитым профессором.

— Вскоре, — продолжала она, — с ним произошла необъяснимая перемена. Его прежняя веселость исчезла без следа, он стал угрюм и молчалив. Я понимала, что это объяснялось дур-

ным влиянием Хрущенко, и догадывалась, что профессор ведет себя с ним некрасиво. Однако муж не говорил ни слова о своих отношениях с профессором, и я не могла дознаться, куда он ходит вечерами. Но худшее было впереди: он познакомился с Бовдуром. Я Бовдура никогда не видела, но сердцем чувствовала, что нас ждет беда. Дошло до того, что известие о его аресте меня даже не удивило… После ареста мужа, — тут она расплакалась, — я поверила, что профессор Хрущенко искренне озаботился его и нашей судьбой. Он был со мной так добр и ласков. В тюрьме я в последний раз встретилась с мужем, а на следующий день с ужасом узнала, что его, по требованию суда, перевели в сумасшедший дом. Там мне не позволили с ним видеться; сперва сказали, что судья запретил кого-либо к нему допускать, а после стали рассказывать, что мне опасно идти туда, потому что муж впадает в приступы бешенства и бросается на всех, кто попадется под руку. Затем мне сообщили, что он переведен в другое заведение. Куда его увезли — ни я, ни адвокат Яковленко не смогли узнать. После я получила известие о его смерти, но в кратком прощальном письме ничего не говорилось о причинах самоубийства.

Слово предоставили научному эксперту, профессору Шелудько, приятелю Хрущенко. Эксперт в патетических тонах описал заседание академии и немедленно заявил, что многоуважаемый и заслуженный профессор Хрущенко никоим образом не мог совершить вменяемое ему в вину преступление; в что-либо подобное он никак не может поверить. Голосом, полным негодования, сказал затем, что Роздвянский сам не знает, чего хочет, и перешел к профессиональному анализу статьи Хрущенко. С помощью прикладной диалектики обошел все ловушки неясных мест и заключил, что статья о «радиоцеллюлозе» безупречна — подвела типографская корректура… Завершил он свое выступление словами:

— Я во всеуслышание заявляю, что нет ни малейших оснований сомневаться в авторстве профессора Хрущенко.

После выступления Шелудько симпатии судей и аудитории стали явно клониться на сторону Хрущенко. Однако защитник Роздвянского заявил:

— Мы, юристы, в академических дискуссиях профаны. Убедительность научных доказательств, представленных сторонами, мы оценить не в состоянии и вынуждены опираться в сво-

их выводах исключительно на юридические аргументы. Поэтому я прошу разрешения представить некоторые из таких аргументов.

Затем адвокат зачитал письмо директора ***-ского заведения для душевнобольных и предсмертную исповедь Кружляка.

Исповедь произвела на слушателей глубокое и страшное впечатление. Весь зал словно замер. Давно отзвучали последние слова письма, но никто не шевелился.

— Господин профессор Хрущенко, — нарушил тишину председатель суда, — что вы можете сказать об этом письме?

Глаза всей аудитории обратились на Хрущенко. В нем трудно было узнать человека, который только что иронически улыбался, слушая речь адвоката защиты. Его красное лицо побледнело, маленькие подвижные глазки уставились в угол, руки мертво свисали с подлокотников. Он забился глубоко в кресло, и не понять было, живой это человек или статуя.

Прошла добрая минута, прежде чем он встрепенулся и с трудом поднялся с места. Хотел что-то сказать, но только дергал ртом. Голоса не было слышно.

Вместо Хрущенко заговорил адвокат про-

фессора, который моментально разобрался в ситуации:

— От имени уважаемого профессора Хрущенко заявляю, что прочитанное здесь письмо ничего не доказывает. Прежде всего, у нас нет никаких оснований верить, что его действительно написал Кружляк. Но если даже и так, хотелось бы напомнить, что он был душевнобольным. Прошу учитывать, что и до ареста покойный страдал манией преследования, испытывал приступы меланхолии и вел себя весьма загадочно. Его письмо сложно принимать всерьез.

— Господин профессор, что вы можете сказать по поводу письма покойного Кружляка? — снова спросил председатель суда.

— В нем нет ни слова правды! — пытаясь напустить на себя бодрый вид, пропищал Хрущенко.

Слово вновь взял защитник Роздвянского:

— Прибегать к такого рода аргументам чрезвычайно удобно — достаточно отрицать все, что говорит противная сторона. Но я отвечу следующее: во-первых, к письму прилагается также свидетельство почтенного врача, директора заведения, где умер Кружляк, и ему мы не можем не верить. Во-вторых — я располагаю показаниями эксперта-графолога, подтверждающими,

что письмо действительно написано рукой Кружляка. И наконец, в качестве вещественного доказательства, я передаю суду два листа из рукописи Кружляка, утерянные по небрежности профессором Хрущенко. Вероятно, они помогут нам прояснить темные места статьи. Поскольку я в этом вопросе не компетентен, прошу позволить директору Роздвянскому объяснить, как соотносятся эти страницы со статьей в целом.

Роздвянский стал объяснять связь между найденными страницами и темными местами статьи; на этих страницах, доказывал он, содержится все, чего недостает в статье. Наглядные доводы Роздвянского звучали понятно и убедительно.

Шелудько попросил слова и опять вступил в научную дискуссию с Роздвянским. Председатель суда и его заместители проявляли все большее нетерпение, считая дискуссию излишней. В это время Сотенко подали какое-то письмо. Адвокат вскрыл конверт, пробежал глазами письмо и подошел к судейской скамье в тот момент, когда председатель суда уже собрался лишить Шелудько слова. Он шепнул председателю несколько слов, и тот прервал ученое выступление Шелудько, предоставив слово адвокату.

— Я только что получил письмо из детективного бюро, откуда узнал, что Семен Бовдур, растративший банковские средства и обокравший Кружляка, был недавно задержан в Буэнос-Айресе, — сообщил Сотенко. — Там он несколько месяцев жил на широкую ногу и выманивал у различных людей деньги. С учетом того, что настоящее дело тесно связано с делом Кружляка, которое было прекращено судом, и с будущим процессом Бовдура, я вношу предложение прервать заседание и отложить его до тех пор, пока не прояснится эпизод с Бовдуром.

Аудитория заволновалась. Две таких сенсации, как письмо Кружляка и известие об аресте Бовдура, совершенно изменили положение дел. Присутствующие шепотом делились впечатлениями. Хрущенко застыл, как мертвый; возле него стоял Шелудько и пытался успокоить профессора. Роздвянский подошел к вдове Кружляка и ободряюще пожал ей руку. Несколько сторонников Роздвянского радостно окружили его жену, сидевшую в зале.

Председатель суда прервал заседание.

***

V
На новом положении

«Киев, *** года.

Инженеру
Михаилу Роздвянскому,
директору Государственного авиационного завода,
летай-орловский хутор.

Поручая Вам управление заводом, Куратория была убеждена, что Вы используете все Ваши глубокие познания и энергию на благо завода и что под Вашим руководством предприятие достигнет высокого уровня развития. Однако возложенные на Вас надежды не оправдались. В последние месяцы завод на глазах приходит в упадок; производство никак не соответствует количеству заказов и спросу. Вина в создавшемся положении лежит исключительно на Вас: пренебрегая Вашими обязанностями как директора, Вы занимаетесь приватными научными трудами. Мало того, Вы в частном порядке пользуетесь таинственными “радиомоторами”, каковые, од-

нако, Вы не желаете предоставить нам для блага общественности. Тем самым Вы нарушаете известный пункт нашего соглашения, по которому Вы обязались все Ваши изобретения в области авиации передать в исключительную собственность вверенного Вам завода.

И последнее: исключение Вас из числа членов Инженерной академии бросает пятно на возглавляемое Вами предприятие и компрометирует его до такой степени, что Куратория считает необходимым поблагодарить Вас за проделанную работу и просит Вас со дня получения данного письма оставить должность директора завода».

Это письмо Роздвянский получил несколько дней спустя от Куратории, ведавшей авиационным заводом. То была уже вторая ласточка бури, которую готовил в Киеве профессор Хрущенко. Незадолго до этого пришло письмо из Инженерной академии, где сообщалось о его исключении из числа членов академии.

Прочитав письмо, Галина Роздвянская приуныла. Материальные соображения были здесь ни при чем: она хорошо знала способности мужа и верила в ценность его изобретений. Больно было думать, что его вынуждают бросить место, с которым он тесно сжился, в которое вложил

так много труда, столько собственного «я». Лишь ему одному завод обязан своим существованием и развитием. Это он применил в строительстве самолетов «антоль», новоизобретенный металлический сплав, что был намного легче и прочнее ранее использовавшегося алюминия[20]. Это он изобрел складные крылья — они сворачивались, как ставни на магазинных витринах, а после в одно мгновение распрямлялись и были готовы к полету. Располагая ими, он совершил следующий шаг и разработал универсальное средство передвижения: аппарат был способен летать по воздуху, как самолет, плыть по воде с помощью небольших поплавков и ехать на колесах по суше — все равно, по гладкой ли дороге или снегу и грязи.

А радиомоторы? Бензиновые и газонефтяные двигатели в ближайшем будущем останутся лишь в музеях древностей, ибо будущее принадлежит его радиомотору. Маленький, ладный моторчик обладает неслыханной мощностью и потребляет крайне мало расходного материала. Не приходится возить с собой бензин и воду для охладителей, а следовательно, отпадает и

---

[20] Примечания: 20
Художественный вымысел.

опасность взрыва бензина; исключена и такая неприятность, как закончившееся посреди пути горючее.

В радиомотор достаточно поместить только небольшой кусочек металла, как правило меди, предварительно подвергнутый воздействию солнечных лучей и тем самым прошедший «радионацию» лучами «омега»[21].

Процесс радионации был тайной Роздвянского и его жены. Хотя доступ в его мастерскую, где производилась радионация, был разрешен всем, и каждый мог подробно разглядывать оборудование и присматриваться к методам работы — Роздвянский был убежден, что тайна надежно скрыта от посторонних глаз. В последнее время при выделении «лучей омега» он пропускал солнечные лучи через особое «черное стекло», а один из ингредиентов этого стекла было не так-то легко обнаружить. Даже если прогресс аналитической химии позволит другим напасть на след, он мог быть уверен, что пройдут долгие годы, прежде чем они сумеют повторить его открытие.

И наконец, новейшие изобретения, радиосигнализация и приборы для ночных полетов — все

---

[21] Примечания: 21
То же

это его заслуга. Как можно говорить, что его труды в области радиоактивности не имеют ничего общего с конструированием самолетов?!

Галина ужасно волновалась за мужа. Теперь ему придется отказаться от привычного положения, от товарищей по работе, с которыми он так сблизился. Только ради них он в прошлом году отверг заманчивое со всех точек зрения предложение: перейти в Одесский университет на кафедру радиологии. Он уже окончательно решил принять приглашение университета, как вдруг к нему явилась делегация инженеров и рабочих. От имени всех сотрудников они просили Роздвянского не бросать завод, тем более сейчас, когда он стоит на пороге важного открытия. Они обещали и дальше всеми силами помогать ему в работе и говорили, что больше нигде он не найдет таких работящих и преданных товарищей. Их доводы убедили и тронули Роздвянского — и он ответил Одесскому университету отказом.

А теперь его насильно срывают с места, а следовательно, заставляют прекратить начатую работу. Галина понимала, что теперь ему придется уступить.

Прочитав письмо Куратории, Роздвянский стал раздумывать над способами реализации своих

замыслов.

Вспомнил и об одесском приглашении. Неплохо было бы, подумал он, перебраться туда и на новом месте заново начать работу. Но как получить должность, от которой он уже один раз отказался? Не станет же он напрашиваться?

Мысли текли одна за другой. В течение нескольких часов Роздвянский наметил дальнейшие шаги.

В Одесском университете работал один его давний знакомый и приятель. Он решил обратиться к нему и, посоветовавшись с Галиной, наутро вылетел в Одессу.

В голубой дали блестело Черное море; Роздвянский приближался к большому приморскому городу. Посадил самолет на землю, сложил крылья и поехал прямо в Ботанический институт университета. Здесь спросил профессора Ивана Коростеля и направился к нему в кабинет. Напомнил о давнем знакомстве, и между старыми приятелями началась дружеская беседа.

Коростель был достаточно подробно посвящен во все киевские события. Поведение академии и Куратории его возмущало, и это давало Роздвянскому надежду на благоприятный исход. Не откладывая, он заговорил о цели своего приезда.

— Ты, наверное, знаешь, — сказал он, — что в прошлом году ваш университет приглашал меня на должность профессора радиологии. Я вынужден был отказаться: работа была в самом разгаре, а я знал, что профессорские обязанности, по крайней мере в первые месяцы, отнимут все мое время и на самостоятельные труды его уже не останется. Сегодня дело обстоит иначе. Я свободен — во-первых, мой проект разработан до мельчайших деталей, а во-вторых, я не обременен должностью и готов в любую минуту перебраться на новое место. Я хотел спросить, не смог бы ты повести дело так, что университет повторит свое приглашение? Обращаюсь с этим к тебе, а не к кому-либо другому, потому что хочу посвятить тебя во все свои замыслы и вместе с тобой их воплотить.

После этого вступления Роздвянский в общих чертах изложил Коростелю свои планы. И без лишних слов было видно, что сказанное очень заинтересовало одесского профессора. Коростель согласился вновь поговорить о кандидатуре Роздвянского со своими университетскими коллегами.

Его усилия принесли плоды: университет пригласил Роздвянского занять кафедру — но не

радиологии, поскольку та была уже занята — а технической физики и авиатики.

Той же осенью Роздвянский перебрался в Одессу и немедленно приступил к академической деятельности.

А следующей весной крупнейшие одесские газеты принесли сенсационную новость:

«**Научная экспедиция**. По предложению профессора ботаники нашего университета Коростеля, организуется новая научная экспедиция для изучения растительности центральной Сахары. В экспедиции, помимо нескольких видных ученых, также примет участие известный физик и летчик, проф. Роздвянский, недавно прибывший в Одессу из Киева. Он возьмет на себя техническое руководство экспедицией. Экспедиция отправится на место воздушным путем и воспользуется особым аэропланом, который строит проф. Роздвянский».

VI
Экспедиция

Михаил Роздвянский собрал у себя в кабинете всех участников будущей экспедиции. Это было их первое совместное заседание.

Роздвянский поздравил товарищей и сказал:

— Я хочу еще раз напомнить всем о первой и важнейшей предпосылке успеха нашей экспедиции: мы обязаны хранить все ее подробности в тайне. Для всего мира я выступаю лишь как технический сопровождающий и летчик, и широкой общественности не следует знать ничего, кроме этого. В глазах публики руководителем экспедиции является профессор Коростель. А в доказательство того, что мои опасения не лишены оснований, я поведаю вам об одном событии.

Вы знаете, когда и при каких обстоятельствах я приехал в Одессу. Из-за профессора Хрущенко мое положение в Киеве стало очень шатким. Он еще не успокоился и в дальнейшем будет пытаться мне вредить. Однако надо мной — а точнее, над всей нашей экспедицией — нависла еще одна, куда более серьезная и грозная опасность, о кото-

рой я до сих пор молчал. Вкратце: перед отъездом в Одессу меня посетил необычный гость — представитель одной крупной японской фирмы. Он был хорошо осведомлен о моей работе и от имени своей фирмы выразил готовность помочь мне в реализации моего проекта. Я не отказался продолжить разговор с гостем — главным образом потому, что меня чрезвычайно интересовало, как оценивают мои труды за границей.

Он предложил хорошие условия. Но это значило продать душу иностранцу: мое изобретение навсегда становилось исключительной собственностью японской фирмы, ее монополией. Кроме того, от меня требовалось обязательство до самой смерти хранить молчание. В обмен на это мне, помимо громадного оклада, был обещан высокий правительственный пост. После недолгих размышлений я понял, что обещанный «высокий пост» в Японии был равнозначен пожизненному заключению на островах Восходящего Солнца.

Но предложение японцев не давало мне покоя. Я раздумывал над ним так и эдак, не зная, на что решиться. Не ради денежной выгоды хотелось мне продать изобретение, у меня была иная цель: показать соотечественникам, что в то время, как они меня презирают, иностранцы умеют лучше

ценить достижения науки. С другой стороны, я твердо намеревался подарить свое изобретение родине, для которой оно и было предназначено.

У меня сложился следующий план: до отъезда поделиться тайной, известной только моей жене, с двумя-тремя друзьями и обязать их молчать до тех пор, пока в родной стране отношение ко мне не изменится.

Но решиться было нелегко. А что, если я не сумею передать на родину свои новые находки, уйду в работе далеко вперед? Тогда Украина, вместо того, чтобы быть первой, будет плестись позади и сильно отстанет от Японии. А потом — вопрос этики. Что скажут в мире и на родине о таком поступке? Как отнесется к нему моя собственная совесть?

Наконец, после долгих колебаний и разговоров с женой, я решил отказать японцам. Я чувствовал в себе достаточно сил и готов был и дальше работать самостоятельно.

Следствием этого решения стала очень живописная сценка, которая произошла несколько дней спустя. Я складывал вещи в своей частной мастерской на киевском заводе, собираясь забрать их домой. Мастерская — маленькое здание в дальнем углу заводского двора. Итак, я скла-

дываю вещи, как вдруг в дверях появляется мой любезный гость в компании своего соотечественника.

Начинаем разговор. Я нарочно тяну их за язык и пытаюсь еще что-нибудь выяснить, — и тут мой японец подает мне на подпись уже составленное соглашение. Я читаю — и глазам своим не верю: перехитрил меня желтый брат! Он, видимо, сразу понял причину моих колебаний и взял быка за рога!

В соглашении значится, что с момента подписания я перестаю распоряжаться собой и немедленно отправляюсь в закрытом автомобиле по маршруту Киев-Челябинск-Владивосток, а оттуда — прямо в Токио.

Я прочитал соглашение и без единого слова вернул его японцу. Он вторично подсунул мне бумагу и с вежливой улыбкой проговорил:

— Извольте подписать!

— Прямо сейчас?

— Да, милостивый государь. Сейчас же, немедленно!

— Но позвольте, на это я не могу согласиться! Начнем с того, что я должен прежде покончить с делами. Должен обеспечить семью, позаботиться об имуществе — если вообще соглашусь на ваше

предложение.

— Не извольте беспокоиться о семье, — бросил японец, лукаво улыбаясь. — Семья будет при вас, так как поедет вместе с вами!

— Моя жена никуда не поедет! — сказал я твердо. — Мы об этом еще не говорили, но мне известно, что она не думает покидать Украину!

— С женой вы успеете наговориться: дорога длинная, ехать не день и не два. Поглядите, какой красивый автомобильчик повезет вас на восток!

Я выглянул в окно. Перед зданием стоял автомобиль, внешне напоминавший грузовик; дверца кузова была открыта, и я заметил, что внутри кузов был обставлен на манер спального купе.

— Мы сказали вашему служителю, что вы заказали грузовик для перевозки вещей с завода на хутор.

Я отошел от окна. Японец продолжал:

— Говорите, ваша жена не поедет? А я говорю, что поедет. Вот, читайте! — и вытащил из кармана записку, написанную рукой жены.

Она писала, что с радостью соглашается ехать и просит, чтобы и я не очень упрямился. Далее говорилось, что она уже в пути, а эту записку пишет, сидя в автомобиле.

Все это показалось мне крайне подозритель-

ным. Дрожащий почерк подсказывал, что жена согласилась ехать без особой радости, да и стиль записки в целом был очень странным. Я достал из кармана трубку радиотелефона[22] и стал вызывать Галину. Звонил минут пять, но никто не отвечал.

Японец терпеливо стоял и ждал. Когда я наконец бросил трубку, он произнес:

— Вы думаете, милостивый государь, что нашего брата так легко поймать? От вашего хутора уже только пепел остался! Мы имели причины опасаться, что там могли находиться какие-либо ваши записи или приборы. Кто-нибудь из ваших друзей, получив их в свое распоряжение, мог продолжить ваш труд! А все ваши бумаги, хранящиеся здесь, мы также предадим огню.

— Что это?! Разбой! Как вы смеете? — закричал я. — Я сейчас вызову полицию!

Я нажал кнопку электрического звонка, и мой гость с улыбкой показал мне на стену. Провод был перерезан. Оба японца громко рассмеялись, а мой старый знакомец произнес:

— Не кричите так громко, сударь, не то люди могут подумать, что мы вас обижаем. Вы должны

---

[22] Примечания: 22

Термин «трубка радиотелефона» авторский — и полный аналог современного мобильного телефона (Прим. перев.).

подписать это соглашение по доброй воле — не годится ведь начинать новую дружбу ссорой.

— Я не подпишу! Ни за что на свете!

— Подпишете, милостивый государь, — совершенно спокойно проговорил японец и посмотрел мне в глаза таким взглядом, что я весь похолодел. — Подпишете, даю вам руку на отсечение!

С этими словами он протянул ко мне свою худощавую, длинную руку. Я был так смущен, что невольно хотел пожать ему руку, однако пальцы японца сомкнулись чуть выше моей кисти, на запястье. Я машинально отдернул руку, мигом сообразив, какая опасность мне грозит. Своим невозмутимым и пронзительным взглядом противник пытался меня загипнотизировать, лишить сил — и тогда я пропал… Этого нельзя было допустить.

— Предлагаю, господа, обсудить все спокойно, — произнес я, стараясь и сам сохранить хладнокровный тон. — Садитесь, прошу вас.

Я сел и жестом предложил моим гостям сделать то же. Мой знакомый сел, а его товарищ неподвижно застыл у двери.

— А задумывались ли вы, господа, над тем, что случится, если я подпишу соглашение и поеду с вами, но там, на месте, откажу вам в своих услу-

гах? Вам ведь не удастся меня принудить, потому что средневековые пытки здесь не годятся. Для успеха в моей работе трудиться необходимо с полной охотой. Я могу также обвести вас вокруг пальца, натворить какие-нибудь глупости, а потом заявить, что изобретение оказалось нежизнеспособным.

— Мы предусмотрели и это, милостивый государь. Вы верно говорите, что пытками не достичь результата, и такие методы мы не употребляем. Но никакие глупости вам не помогли бы: мы прекрасно сознаем ценность вашего изобретения и понимаем, в чем она заключается. Впрочем, я убежден, что мы обойдемся без насилия.

Японец проговорил это твердо и решительно и снова посмотрел на меня тем же пронзительным взглядом. Я понял, какое «добровольное» согласие имел он в виду: мне предстояло работать под гипнотическим воздействием моих нанимателей.

Еще минута — и он подчинил бы меня своей воле. Я отвернулся, сжал голову руками и задумался. Необходимо было что-то предпринять, пока не поздно, иначе мне не вырваться из лап японцев.

Я вспомнил, что в ящике стола лежит заряженный револьвер. До сих пор он был мне ни к чему,

но сейчас воплощал надежду на спасение.

Я взял перо и подписал соглашение. Японец, торжествуя, спрятал документ и собрался встать. Тогда я попросил его минутку подождать, выдвинул ящик и начал перебирать бумаги. Долго не мог я найти револьвер; почудилось даже, что в ящике его нет. Кровь застыла у меня в жилах…

Наконец я сжал револьвер в руке и, продолжая другой рукой перебирать бумаги, молниеносно выхватил свое единственное оружие, направив дуло в грудь врага.

— Вон! Прочь! Оставьте меня в покое, не то умрете!

Не успел я произнести эти слова, как второй японец очутился возле меня, помахивая собственным револьвером у моего уха. Оба незваных гостя рассмеялись.

— Ха-ха-ха! Вы думали, мы этого не ожидали? Ха-ха-ха!

Все было без толку. Я швырнул револьвер на стол и обессиленно откинулся на спинку кресла. Товарищ моего «дипломата» стал складывать в стопку мои бумаги.

В этот миг у меня мелькнула еще одна мысль. Я встал и направился в соседнюю комнату. Японец преградил мне дорогу.

— Куда? — спросил он. — Нам пора. Собирайтесь!

— Хорошо, только позвольте мне взять несколько склянок с ценными растворами, необходимыми для работы. Без них и ехать не имеет смысла.

— Милостивый государь, у нас найдется все. Прошу вас поторопиться и не тратить слишком много времени на поиски. Кому-нибудь может показаться, что наш визит затянулся, и нам могут помешать.

— Раз уж вы доверяете мне такой важный правительственный пост, поверьте и в этом: вещества мне действительно нужны. Не бойтесь, я не отравлюсь. Я не теряю надежды рано или поздно освободиться. А огнестрельного оружия у меня при себе больше нет.

Японец пропустил меня, но все же зашел следом, подозревая, что я что-то задумал. Он пристально и недоверчиво следил за каждым моим движением. Я не мог ни присмотреться к склянкам, ни понюхать содержимое: как только я подносил какую-нибудь склянку к носу, японец сейчас же хватал меня за руку.

За чем же я, собственно, сюда пришел? Ага! Вот она, моя спасительница!

Снял с полки небольшую бутылку с распы-

лителем, я начал рассказывать японцу всякие небылицы о чудодейственном составе. Он слушал меня с большим сомнением.

Я сделал вид, что увлекся рассказом, словно бы ненароком встряхнул бутылку, нажал на распылитель — и внезапно направил раструб прямо в лицо назойливого гостя. С несказанной радостью я увидел, что глаза японца закрылись и он зашатался. Я подвел его к креслу, усадил и позволил спокойно заснуть. Потом проделал то же с его соотечественником, который уже собрался бросить мои бумаги в печь. Тот заснул, стоя на коленях у печи.

Я был спасен!

А знаете, что меня спасло?

Самая безобидная вещь. С юных лет я был заядлым велосипедистом и очень страдал от вечно нападавших на меня деревенских собак. И тогда я придумал специальную смесь — стоило брызнуть ею на собак, как они засыпали. Я страшно радовался, когда несколько часов спустя, на обратном пути, видел на том же месте настырную дворнягу, едва очнувшуюся от тяжелого сна!

Незадолго до появления японцев я составил эту микстуру для одного знакомого, но он забыл ее забрать — и средство против злых собак спасло

меня от гораздо более злобных людей!

Оба незадачливых похитителя спали; в ближайшие несколько часов мне ничего не грозило. Я достал из кармана моего знакомца только что подписанное соглашение, разорвал бумагу в клочки и вдруг услышал звонок. Я кинулся к второму японцу и обнаружил у него в кармане свою радиотелефонную трубку. Приложил ее к уху. Говорила жена. Она рассказала, что ранним утром к ней заявились японцы и заставили написать под диктовку записку, угрожая в случае отказа расправиться со мной. Когда она попыталась позвонить мне, один из японцев выхватил у нее из рук трубку и спрятал. Два японца, забрав записку, вылетели на самолете в Киев, а двое других остались ее сторожить. Тем временем жене удалось найти запасную трубку, с помощью которой она и связалась со мной. Наш хутор не сгорел, он цел — японец солгал. Я позвал служителя и велел ему перенести спящих японцев в грузовик. Их заговор провалился[23].

Я решил не сообщать о случившемся в полицию, опасаясь огласки. Но я уверен, что японцы продолжают следить за моей деятельностью.

---

[23] Примечания: 23

Автор не объясняет, однако, куда подевались остававшиеся на хуторе японцы (Прим. перев.).

Теперь вы понимаете, почему нам необходимо сохранять все работы в тайне и почему я вынужден скрывать свою роль в экспедиции, оставаться в тени и выступать просто как летчик, — закончил свое повествование Роздвянский.

Все дружно рассмеялись и стали обсуждать подготовку к экспедиции.

***

Частная мастерская Роздвянского в Физическом институте Одесского университета превратилась в «святая святых», куда имели доступ только ближайшие соратники профессора. Для всех остальных Роздвянский стал почти недосягаем. Он понимал, что должен соблюдать осторожность — и потому жил отшельником, сторонясь любопытных глаз.

В мастерской работала Галина и один из ассистентов, приехавших вместе с Роздвянским из Киева, Самуил Берестецкий; ему помогал киевский механик Гаврила Грушко. Еще один киевский ассистент, Семен Покотило, и новый сотрудник Иосиф Завала строили новый, гигантский аэроплан в фабричном цеху, расположенном далеко за городом, у лиманов. Самолет строили на государственные средства за счет

денег, выделенных на экспедицию Коростеля.

Роздвянский делил свое время и силы между мастерской и цехом; с утра он трудился в университете, а после полудня — в цеху. Требовалась незаурядная энергия, чтобы справиться с обеими задачами. Но Роздвянский давно к такому привык. Еще в Киеве, занимаясь одновременно постройкой самолетов и радионацией металлов, он жил, как говаривал в шутку, «на две души».

В мастерской Роздвянского имелась и стеклоплавильная печь, и литейное оборудование, и «химическая кухня». Была и еще одна, секретная комната, ключ от которой всегда находился у Галины. Там проходил самый таинственный этап подготовительных операций — создание примесей для «черного стекла».

Кипела лихорадочная работа. В мастерской отливали большое количество линз разной величины и формы и изготавливали жестяные емкости для «радионации» металлов. Металлические отливки, с которыми не справлялась мастерская, производились в цеху, где над ними работал один знающий киевский специалист.

Но сердцем мастерской была «химическая кухня». Здесь готовили особую смесь, а затем перетапливали ее в стекло черного цвета, сильно

преломлявшее свет. В растопленную массу Галина подливала определенное количество своего таинственного вещества, после чего из этой массы отливались линзы.

На «химической кухне» также наполнялись смесью газов — будущей начинкой сосудов для радионации — прочные антолевые трубки.

Экспедиции, наконец, требовались значительные запасы жидкого, а то и замороженного воздуха для охлаждения аэроплана в жаркой атмосфере пустыни; Роздвянский придумал собственный способ перевозки жидкого и замороженного воздуха в закрытых сосудах[24].

Работа так и горела в руках, но для стороннего человека была совершенно незаметна. Все внимание научного и технического мира было приковано к новому самолету. Роздвянский не делал из него никакой тайны. Всякому, кто интересовался аппаратом, он с такой искренностью и готовностью излагал технические подробности, что могло показаться, будто эта машина — смысл

---

[24] Примечания: 24

Жидкий воздух имеет очень низкую температуру, а при обычной температуре быстро испаряется и оттягивает тепло из своего окружения. Его можно хранить лишь недолгое время, всего несколько дней, в сосудах с клапанами (для сброса пара); для этого лучше всего подходят т. наз. сосуды Дьюара. Они снабжены двойными стенками, покрытыми тонким слоем серебра, отражающим свет и тепло; между стенками нет воздуха, что препятствует теплопроводимости.

всей жизни профессора.

Только о двигателе Роздвянский говорил с некоторой осторожностью, а на вопросы любопытных отвечал, что у него еще не все окончательно доработано; это никого не удивляло.

В прессе время от времени появлялись сообщения о ходе строительства самолета и интервью с другими участниками экспедиции, которые развивали прямо-таки фантастические планы будущих работ в Сахаре. Читая их, некоторые ученые, возможно, недоуменно пожимали плечами, но не более того — ведь всем известно, что газетчики имеют привычку преувеличивать.

За работой незаметно пролетела зима и наступила весна; а когда все было готово к отлету — истинная цель экспедиции оказалась надежно скрыта. Публика ожидала лишь занятных новостей о Сахаре, ее животном и растительном мире.

VII
«Украинский орел»

Последний предотлетный месяц Роздвянский целиком посвятил постройке своего аэроплана. Химическую мастерскую он оставил на попечении Галины, а сам с раннего утра до поздней ночи пропадал в цеху за городом.

Все составные части самолета были уже готовы, их нужно было только собрать воедино. Эта задача и являлась главным полем деятельности Роздвянского; рядом со своим самолетом он превращался в придирчивого инженера, контролирующего все этапы работ, ибо малейшая оплошность могла погубить все дело.

Сборка самолета происходила на фабричном дворе. Прежде всего подготовили основание — две длинные антолевые трубы, соединенные несколькими поперечинами; в задней части трубы сужались и загибались вверх.

На передних и задних концах труб поднимались четыре вертикальные стойки, а на них крепились такие же, как нижние, продольные трубы; в хвосте они загибались вниз и почти

сходились с трубами основания. Вместе с многочисленными косыми распорками и проволокой все это представляо собой скелет будущего фюзеляжа.

Антолевый «скелет» был новым и чрезвычайно ценным изобретением. Антоль, сплав нескольких металлов, легкий, как сосняк и прочный, как сталь, превосходно заменял материалы, использовавшиеся ранее для постройки самолетов — бамбук и алюминий. Роздвянский одним из первых применил в авиастроении эту новинку; но поначалу, в Киеве, ему с трудом удавалось раздобывать антоль. Зато в Одессе антоля было с избытком: Одесский университет приобрел на Кубанщине единственный рудник, поставлявший руду для производства составляющих сплава.

Экспедиция должна была стать первым триумфом антоля.

Когда был готов фюзеляж, начали крепить крылья. Каркасом двух пар крыльев также служили антолевые трубы, соединенные более тонкими ребрами. Эти трубы, у фюзеляжа довольно широкие в диаметре, затем сужались, и концы их могли выгибаться, подобно настоящим птичьим крыльям. Покрытием крыльев служили широкие листы антолевой жести.

После этого приступили к отделке самолета, в первую очередь стенок. Днище было однослойным, из толстой антолевой пластины; двойные стенки состояли из антолевых рам, на которые натянули сетку из антолевой проволоки и залили все стеклом. Опыты показали, что такое «антолевое стекло» было прочнее старого стекла на железной сетке; к тому же оно было почти прозрачным. Таким же был и изогнутый, как свод, потолок. В задней стене центрального отсека имелась дверь, ведущая в хвостовую часть фюзеляжа, походившую на коридор с иллюминаторами из антолевого стекла. Он заканчивался темной «хвостовой каморкой», которая была отведена под химическую мастерскую и фотографическую лабораторию.

До сих пор все шло гладко. Наибольшие трудности возникли при креплении носовой гондолы. Здесь требовалось перейти от прямоугольного сечения фюзеляжа к круглому и постепенно сужавшемуся, наподобие носа торпеды. Пришлось не раз переделывать и модель, и саму носовую часть самолета, прежде чем конструкция стала безупречной. Гондола была обшита толстой жестью с окнами на три стороны.

Самолет уже стоял на колесах. Двенадцати-

колесная рама располагалась прямо под центральным отсеком фюзеляжа; хвост опирался на четыре колеса поменьше.

Внутри самолет был оборудован со всеми удобствами. Центральный отсек был разделен на четыре помещения, идущие анфиладой. Первое, непосредственно за торпедообразной гондолой, служило библиотекой и кабинетом для научной работы. Второе — самое просторное — было отведено под спальню; посередине и вдоль стен стояли в три яруса, как в корабельных кубриках, 24 койки. В третьем была устроена столовая, она же гостиная, в четвертом кухня с продуктовой кладовой.

Коридор служил складом научного оборудования. Оно было размещено вдоль стенок, оставляя посередине проход.

Не хватало лишь последнего и самого важного: моторов. Для них предназначалась гондола. На носу установили два громадных радиомотора; по мощности они превосходили все двигатели, построенные до сих пор Роздвянским. Моторы запускались попеременно; при этом резервный мотор был всегда готов к работе. Роздвянский вложил в двигатели все свои знания и опыт и был уверен, что они выполнят свою задачу.

Энергия моторов передавалась на симметрично расположенные пропеллеры.

За моторами располагалась кабинка для летчиков с двумя креслами. Здесь должны были постоянно находиться два члена экипажа: один обслуживал мотор, второй находился в резерве и помогал товарищу в управлении самолетом.

Перед глазами летчика находились два важнейших прибора: годограф[25] и гипсоскоп[26]. Годограф представлял собой черное прямоугольное окошечко со схематической картой местности, над которой пролетал самолет, и проложенной линией курса. По карте перемещалась светлая точка со стрелкой, указывавшей местоположение самолета и направление движения. Это была словно живая фотография, кинематографический образ полета. Белые линии карты ярко светились в темноте.

Гипсоскоп показывал две цифры: абсолютную высоту полета — то есть высоту над уровнем моря — и высоту относительную, т. наз. подъем над рельефом местности.

Равновесие поддерживали автоматические

---

[25] Примечания: 25
Прибор для определения курса

[26] Примечания: 26
Прибор, указывающий высоту

устройства — стабилизаторы. Под полом кабины проходили отдельные трубы, где помещались тяжелые железные шары; они сами собой перекатывались в ту сторону, где отмечалось волновое уменьшение тяжести, иначе говоря, нарушалось равновесие. Кроме того, между двойными стенками самолета были размещены большие металлические гиростаты[27], тяжелые волчки, которые приводились в действие отдельными моторами и быстро вращались. Они придавали самолету устойчивость и исключали опасность перевернуться в воздухе.

К услугам путешественников была уютная домашняя обстановка, электрическое освещение, шторы на всех стеклянных стенах — и небольшая терраса на «крыше» самолета, вмещавшая двух-трех человек. Поднявшись туда по лесенке, можно было наслаждаться чудесной панорамой.

По окончании постройки Роздвянскому предстоял изрядный труд: необходимо было испытать самолет, самому привыкнуть к нему и научить

---

[27] Примечания: 27

Простейший вид гиростата — детская игрушка, юла. Если ее быстро раскрутить при помощи свернутого шнура, она будет дальше вращаться, сохраняя прямое положение, т. е. не изменяя ось вращения; когда скорость упадет, юла завалится набок. Большие гиростаты приводятся в движение электрическими моторами; при большой скорости вращения они обеспечивают значительное постоянство оси вращения и поэтому хорошо помогают сохранять равновесие.

нескольких профессиональных пилотов-авиаторов управлять аппаратом. По требованию Роздвянского, азам управления должны были также научиться все участники экспедиции; поэтому, пока «Украинский орел» строился, они брали уроки у опытных летчиков.

***

«Украинский орел» готов к старту. Роздвянский, его ассистенты и два первых пилота поднимаются по трапу в аэроплан и запускают мотор. «Орел» трогается с места и начинает почти незаметно ползти по широкой площадке. Ворота фабричного двора растворены настежь. Машина выкатывается на летное поле. Сперва Роздвянский испытывает аэроплан на земле; огромный крылатый дом бежит по полю и поворачивает в разные стороны.

Внезапно летчик дает машине приказ подняться в воздух. Руль движется, крылья выгибаются, колеса отрываются от земли. Летит великан — грандиозное творение человеческой науки и техники. Летчиков и собравшихся зрителей охватывает восторг. На миг забывается вся будничная суета. Все, кто видит это достижение человеческого гения и человеческих рук, радуются, как дети

— человек преодолел все преграды и воцарился не только на земле и море, но и в воздухе.

Летит «Украинский орел», поднимается все выше, уменьшается на глазах и наконец исчезает в облаках…

Через полчаса Роздвянский, под рукоплескания собравшейся толпы, сажает аэроплан у фабрики.

После первого испытания полеты продолжаются. В них по очереди принимают участие все члены экспедиции, а также посторонняя публика. Вся Одесса только и говорит об «Украинском орле» и его создателе, профессоре Роздвянском.

Тем временем кладовые самолета постепенно заполняются съестными припасами и продукцией университетской мастерской.

***

«Одесский экспресс», 2 апреля.

«**Вылет “Украинского орла” в Сахару**. Вчера Одесса провожала научную экспедицию под руководством проф. Коростеля, которая отправилась для исследований в Сахару на аэроплане конструкции проф. Роздвянского, получившем от своего создателя гордое имя “Украинский орел”.

Прекрасный весенний вечер привлек на побережье и летное поле на лиманах, близ цеха, где

строился “Орел”, почти все население нашего города. Любопытные окружили толпой место старта “Орла”. Аэроплан еще днем выкатили на просторное поле, необходимое для разгона аппарата, и до вечера лихорадочно готовили к вылету. К вечеру собрались участники экспедиции со своими семьями и близкими друзьями, а также представители всех публичных учреждений: городская управа во главе с председателем, начальник гарнизона вместе со штабом, представители центральной власти, высшие местные чиновники, профессора нашего университета и делегаты других украинских и зарубежных университетов.

Когда стало совсем темно, вокруг фабрики засияли сотни лампочек. “Орел” был увенчан, — но не цветами, а венком из электрических светильников; его фюзеляж и крылья были так ярко освещены, что можно было хорошо разглядеть весь аэроплан. На трибунах, выстроенных по соседству, играл оркестр.

Начались торжественные проводы. Музыка стихла. На трибуну поднялся городской голова. В нескольких теплых словах он напомнил о большой чести, выпавшей на долю Одессы, отметив, что уважаемый инициатор, руководитель

и душа экспедиции, профессор Иван Петрович Коростель, является уроженцем нашего города, в Одессе вырос, учился и стал наставником молодого поколения ученых. Оратор пожелал ему наилучших успехов в путешествии и научной работе.

Затем выступил ректор университета, также провожавший своих коллег в дальний путь. Он остановился на выдающихся научных заслугах некоторых участников экспедиции, а особенно проф. Коростеля, у которого родилась блестящая мысль открыть перед отечественной наукой новые широкие горизонты, и проф. Михаила Антоновича Роздвянского, которого он назвал «отцом современной украинской авиации».

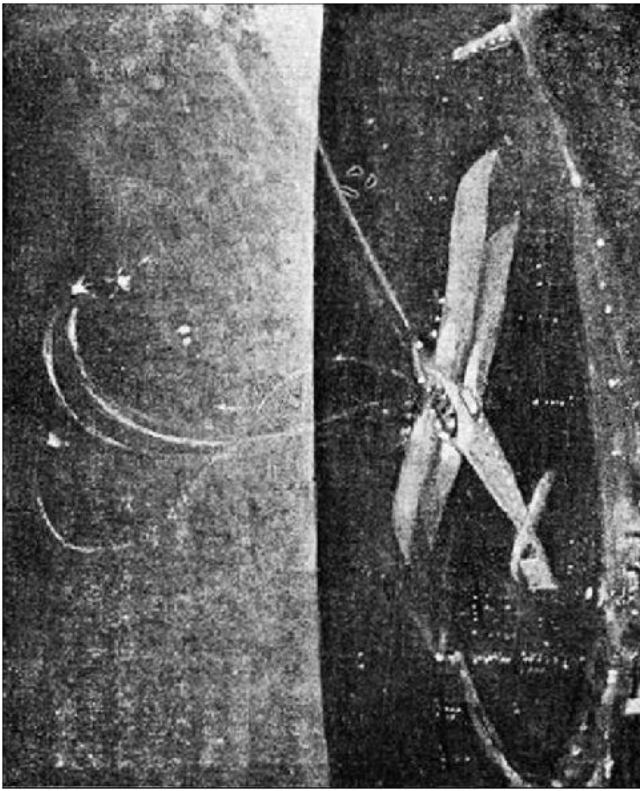
После еще нескольких речей провожавших от имени путешественников выступил руководитель экспедиции проф. Коростель. Он поблагодарил ораторов за добрые пожелания и указал, что экспедиция стала возможна только благодаря тесному сотрудничеству всех участников.

Оркестр заиграл марш: “Счастливого пути, украинские орлы”.

Над аппаратом вдруг появляется ослепительный световой луч — с верхней террасы аэроплана выпустили ракету. “Орел” готов к вылету. В тот

же миг раздаются залпы береговых и корабельных орудий и слышится рев сирен.

“Орел” медленно и величественно трогается с места. Бежит по земле все быстрее, скрывается из виду, однако через несколько минут мы замечаем его в воздухе, высоко над нашими головами. Одна за другой взлетают ракеты, но и сам “Орел” весь горит огнями. Два глаза в передней части аэроплана испускают длинные снопы света, электрические огоньки подчеркивают контуры фюзеляжа. Аэроплан проносится над морем, начинает уменьшаться и исчезает за горизонтом.



В этот тихий, погожий вечер у берега снуют сотни лодок и катеров, празднично украшенных разноцветными лампочками. Они провожают улетающего “Орла” ракетами. Почетный эскорт, ярко освещенный пароход “Галич”, уходит вслед за аэропланом далеко в море и возвращается поздно ночью.

Летите же, украинские орлы! Летите далеко, парите высоко, выше облаков! Выше взвивайте крылья вашей могучей мысли — пусть все народы увидят ваш полет, проникнутся силой украинского духа и украинской науки! Принесите нам из горячих песков пустыни не жемчуга, не алмазы и золото, но богатство знаний и великую славу!

Летите, украинские орлы! Счастливого пути!»

***

Бурные излияния почтенной газеты, которые на следующий день зачитала в радиофонограмме Галина, были лучшим доказательством успеха: публика восприняла экспедицию именно так, как хотел Роздвянский. Он очень радовался, что сумел так удачно скрыть любые намеки на истинную цель путешествия, и был искренне благодарен своему другу Коростелю, чья помощь

в этом деле оказалась неоценима.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

VIII
В Сахару!

Из дневника Федора Ткаченко, самого младшего участника экспедиции.

2 апреля, вечером

Мы уже в Константинополе. Хороший, замечательный — просто волшебный полет в эту первую ночь! Таких впечатлений я еще не испытывал и хочу как можно подробней рассказать о них тебе, мой верный друг, мой дневник.

Ты свидетель моего первого славного путешествия. Ты узнаешь о всех моих победах, если по пути мне удастся сделать какое-нибудь открытие.

Мы вылетели вчера поздно вечером. Вся Одесса торжественно провожала нас музыкой, речами, пушечными выстрелами и светом. Сперва мы летели над землей, затем сделали круг над городом и полетели над морем. Мы еще долго видели и слышали прощальный салют родного города. Со всех сторон падал на нас свет; после он потускнел и наконец совсем исчез. Тогда и на аэроплане погасили праздничную световую

гирлянду, роскошно озарявшую весь фюзеляж; сияли только два больших рефлектора спереди и окна нашего «дома».

Все были очень веселы; спать никому не хотелось. Ночной полет над морем был для всех в новинку. Мы по очереди поднимались на террасу и любовались видом. Над нами — звездное небо, под нами — черная пропасть, в которой отражаются только яркие огни самолета.

Летим почти строго на юг, лишь немного отклоняясь к западу. Позади, на севере, откуда мы вылетели, еще виден отблеск яркого сияния: это Одесса. Маяк бросает во все стороны длинный луч света. Наконец все исчезает — и нас окружает темнота.

На небо выкатывается луна. Странно она здесь выглядит, отчего-то иначе, чем на земле. Добирается до середины небосвода и отражается в зеркале моря — далеко внизу. Отражение кажется очень маленьким, потому что мы летим в полутора километрах над морем.

Но на террасе невозможно долго стоять; холод пробирает до самых костей. Спускаюсь по узким ступенькам вниз и наслаждаюсь теплом комнаты. Как здесь уютно! Комната обогревается радиокалориферами. Я даже забываю, где

нахожусь. Ничто не говорит о том, что мы летим так высоко, и не над землей, а над морем; камень, брошенный в воду, падал бы не меньше 20 секунд! Скорее можно подумать, что нас несет куда-то легкий автомобиль, что мы едем по твердой земле, по гладкой дороге, а не мчимся по воздуху. Ощущается только слабое покачивание.

Я пошел в столовую. Там я застал веселую компанию; все сидели за столом и разговаривали. Меня встретили дружеским смехом и начали спрашивать, как мне мечталось под луной на такой высоте над морем. Я сел на свободное место и стал прислушиваться к разговорам; мне самому разговаривать не хотелось.

Повар приносит еду. Ненадолго забегают два наших пилота, мигом проглатывают свой ужин и возвращаются в кабину. Мне хочется заглянуть туда хоть на минутку, но приходится ждать. По нашему «закону» — мы все перед вылетом поклялись соблюдать правила и во всем слушаться нашего воздушного «атамана», Михаила Антоновича — в кабине летчиков недопустима теснота и шум. Пилотам не позволено вести пустые разговоры и обмениваться громкими фразами. Их ничто не должно отвлекать от управления; поэтому и дверь в кабину пилотов сделана из толстого

двойного стекла и не пропускает никакого шума из «внешнего мира».

Через час в кабине освободилось место, и я этим воспользовался. В кабине царит полумрак, и только внизу, под рулем, светятся маленькие лампочки. Перед креслами пилотов — окошко годографа. На черном фоне выделяются светлые линии — карта местности, над которой мы пролетаем, то есть западного побережья Черного моря от Одессы до Константинополя. Эти города соединены почти прямой линией, по которой ползет яркая точка, отображающая наш полет. Можно видеть, что пилоты твердо держат курс, точно не летят в воздухе, а едут по рельсам железной дороги.

Сбоку от годографа — указатель высоты полета. Цифры показывают, что мы летим ровно, на постоянной высоте.

Пилоты сидят в очень удобных креслах с мягкими спинками. Их ноги прикрывают теплые полости. Один из них пилотов занят управлением, второй отдыхает и в случае нужды помогает товарищу. Они сменяются каждый час.

Я еще долго следил за их работой и рассмат-

ривал приборы в кабине. Видел тахометр[28], показывавший 70 км в час, часы, на которых была почти полночь, барометр, термометр и прочее, а также указатели остатка заряженного металла в каждом из моторов. Все это так ярко светится, что в полумраке, если поднести книгу поближе, можно даже читать.

В «моторную кабину» действительно не доносятся веселые голоса из столовой. Здесь слышен только гул радиомоторов и гиростатов; даже шум пропеллеров не долетает сквозь толстые стекла.

Я провел там около часа, а потом зашел в гостиную. Компания уже начала расходиться. Отправился спать и я, забрался на свой «второй этаж», разделся и вытянулся на удобной постели — но еще долго не мог заснуть…

Спал я тоже недолго, проснулся первым, как только стало светать. Никак не мог понять, где я: меня смущал свет, пробивавшийся внутрь сквозь неплотно задернутые шторы. Когда вспомнил, мне сделалось жутко; так высоко — и добро бы над землей, а то над бездонным морем!

Я пришел в себя, оделся и вышел, потому что в окнах не мог ничего разглядеть. Поднялся на

---

[28] Примечания: 28
Прибор, указывающий скорость.

террасу и увидел внизу густой, белый туман, окутывавший все море; лишь кое-где проглядывала темная вода. На небе одна за другой гасли последние звезды, а восточная часть небосклона розовела.

После я заметил внизу длинную, узкую полосу; она разрезала море белого тумана и понемногу продвигалась вперед. Нетрудно было догадаться, что это корабль… Берегов нигде не было видно…

Резкий холод прогнал меня с террасы. Внизу все еще спали. Я зашел в моторную; здесь по-прежнему сидели Михаил Антонович и первый пилот Корченко. Годограф показывал, что до Константинополя остается не меньше половины пути. Высота и скорость полета оставались неизменными.

Тем временем становилось все светлее. Я стоял позади пилотов и удивлялся: как они могут неподвижно сидеть за приборами всю ночь, не произнося ни слова?

Неожиданно Михаил Антонович нажал кнопку звонка. Вскоре в кабину вошел второй, резервный пилот Бадьорый и занял его место. Михаил Антонович взял меня за руку, мы вышли и направились в столовую. Здесь никого не было. Михаил Антонович принес горячей воды и налил

нам чая. Несмотря на очевидную усталость, он был очень оживлен и весел.

Пока мы пили чай, взошло солнце. В спальне началось движение. Люди слезали со своих насестов, мылись в ванных комнатах и собирались в столовой. Пришел и заспанный повар Рукавичка и стал подавать завтрак.

Я снова зашел в кабину — и увидел что-то новое. Стало уже совсем светло, и цифры и обозначения на всех приборах, включая годограф, гипсоскоп, тахометр и так далее, — выделялись теперь черным на белом фоне. Согласно годографу, до цели нам оставалось полторы сотни километров. Мне стало скучно стоять там без дела, и я возвратился в столовую.

Вдруг с террасы к нам спустился профессор Слушкевич и провозгласил: «Товарищи, разрешите приветствовать вас волшебным словом, все значение которого поймет только тот, кто плывет по морю или летит над облаками: Земля! Земля!» Все вскочили и стремглав бросились к лестнице, ведущей на террасу; но там не могли поместиться все и внизу осталось немало недовольных. Я оказался на террасе одним из первых.

Перед нами, в направлении нашего полета и вправо до горизонта тянулась земля. До нее было

еще очень далеко, однако в сильный бинокль уже можно было различить равнины, горы и леса. Слушкевич стал объяснять: справа виднеется болгарская крепость Варна; далее гористый мыс Эмине и последние отроги Малых Балкан, дальше — залив Бургас. Затем шли низменные побережья Болгарии и Турции, на горизонте вырисовывались какие-то горы, а прямо перед нами море сужалось в узкую полосу — Босфор. Вдалеке, слева, мы видели плоский берег Малой Азии с горами позади. Еще дальше мерцало море.

Очертания земли становились все более четкими. Мы уже видели длинную светлую ленту Босфора, а справа от нее показались самые высокие холмы Константинополя.

Наш самолет снизился; мы этого не почувствовали, только заметили, что земля будто придвинулась. Мы летели теперь на высоте одного километра. Вскоре мы, как на ладони, увидели весь Константинополь. За ним кончалась узкая лента Босфора и широко разливалось Мраморное море.

Сперва вместо города мы видели только холмики, покрытые зелеными садами, и минареты магометанских мечетей. Затем мы начали различать отдельные здания; но времени разглядывать

их у нас уже не было: оставшиеся внизу ругались и требовали, чтобы мы спустились и позволили им хоть что-нибудь увидеть. Пришлось нам покинуть террасу…

Мне повезло: я вовремя заскочил в пилотскую кабину, и никто не успел меня опередить. Отсюда тоже открывался хороший вид на город; мы уже летели над Босфором. И справа, и слева картина была великолепна, но лучше всего было просто смотреть вперед.

Город был словно перерезан надвое Золотым Рогом. Ближняя к нам часть лежала в низине, дальше высились холмы. Показалась величавая Айя-София, султанский сераль, мечеть Ахмеда и много других примечательных зданий, которые я узнавал по фотографиям и описаниям.

Константинопольский рейд был полон жизни. Повсюду сновало множество маленьких, больших и совсем крупных судов и пароходов. Наш аэроплан спустился до 400 метров и полетел над сушей. Удивительный был полет; складывалось впечатление, что земля поднимается вверх и летит на нас, а самолет будто стоял неподвижно.

Наконец мы зашли на посадку. Михаил Антонович управлял самолетом как-то необычно — он все время смотрел вниз и словно выискивал на

земле какой-то знак. Нашел его, когда мы уже спустились довольно низко: на высоком минарете реяли сине-желтые флаги (я забыл сказать, что из Одессы заранее оповестили Константинополь о нашем прибытии). Михаил Антонович внимательно поглядел на годограф, остановил двигатели и снизился почти до земли. На высоте метров 20, не более, мы пролетели над громадным полем, усеянным человеческими головами; сверху оно выглядело как муравейник.

Вдруг мы оказались над свободным от людей участком, где стояло какое-то красивое здание, и не сразу поняли, что наш «Орел» уже не летит, а катится по земле. Мы сели так мягко, что никто не заметил, как это произошло и когда под нами сработали пружины колесной рамы.

Самолет подъехал к большой трибуне и остановился. Михаил Антонович затормозил у самых ступенек, ведущих на трибуну. Он управлял этим воздушным великаном так умело, словно аэроплан был хорошо объезженным конем. И сел точно в назначенный час, не опоздав ни на минуту!

Люк аэроплана открылся, и вниз выдвинулся трап. Мы услышали крики толпы и музыку. Вчера с нами прощалась Одесса, а сегодня приветствовал на своей земле древний Царьград.

Мы стали спускаться. Даже не верилось, что мы уже не летим в воздухе, а ступаем ногами по матери-земле…

Нас вновь ожидало почтенное общество: делегаты от правительства, городских властей и научного мира. Начались речи и ответные выступления. Представитель университета произнес в заключение несколько слов на нашем языке, а наш «полиглот», профессор Лоснячен-

ко, ответил ему по-турецки. Толпа завопила от восторга.

Михаил Антонович вернулся в самолет, отправил жене в Одессу радиотелефонный привет и тщательно запер люк. К самолету приставили почетную стражу — похоже, гвардейскую сотню: все, как на подбор, рослые, темноволосые парни. Комендант заверил нас, что все будет в порядке, и мы отправились на автомобилях в город. Михаил Антонович придумал для нас такую программу: осмотр города, затем официальный прием у ректора университета, отдых в отелях или в самолете, вечером театр. Ночуем в городе или в самолете, с утра и весь день осматриваем достопримечательности, а вечером отправляемся в путь.

У меня все еще кружится голова от увиденного. Как трудно все описать! Что за невероятный город этот Константинополь! Что за смешение Азии с Европой, современной и древней, консервативной цивилизации! Роскошь и комфорт в европейской части, теснота и грязь в турецкой — удивительно ли, что у человека, на которого в одну ночь обрушилось столько впечатлений, голова идет кругом!

***

Ночь с 3 на 4 апреля, в воздушных просторах

Летим дальше. Мне что-то не спится. Сижу за столом и пишу: хочется записать все, что я видел и пережил вчера и сегодня.

Я уже упоминал, что мы были в опере. Там в нашу честь давали «Рождественскую ночь» Лысенко[29]. После театра мы провели еще несколько приятных часов с представителями нашей здешней общины.

Сегодня утром мы плавали по Босфору до Мраморного моря, побывали на Принцевых островах, затем осмотрели азиатское предместье Константинополя, Скутари, видели танцы «вертящихся дервишей» и большое магометанское кладбище. Около полудня возвратились в Пера и были на обеде у нашего посла, а потом вернулись на самолет.

Вечером нас посетили некоторые местные знаменитости, остававшиеся на самолете до самого отлета.

Провожала нас намного более многочисленная

---

[29] Примечания: 29

Опера Н. Лысенко (1842–1912) по повести Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством»; премьера 3-ей ред. состоялась в 1883 г. (Прим. перев.).

публика, так как весть о нашем отъезде разнеслась по всему городу. Снова играла музыка и опять говорились речи.

В Константинополе к нам присоединился еще один участник экспедиции: молодой техник Стопескул, родом из Бессарабии, который учился в Киеве и затем поселился в Турции. Берестецкий был с ним когда-то знаком и посоветовал взять его с нами, так как экспедиции может пригодиться хороший технический специалист. Не могу сказать, что Стопескул мне понравился, по крайней мере с первого взгляда. В его глазах есть нечто такое, что никак не вызывает доверия к его особе. Надо будет держаться с ним настороже.

Таким образом, наша компания выросла до 24 человек.

Летим теперь прямо в Александрию; сперва над Малой Азией, затем над Средиземным морем до самого Египта. Длина данного отрезка пути 1100 километров; согласно плану, мы должны покрыть это расстояние за 16 часов.

Днем, пока было светло, мы могли любоваться разными интересными видами; пролетели над малоазийским Олимпом, горой высотой в 2500 метров, поднявшись выше, чем до сих пор — на 3500 метров. Некоторые вышли на террасу, но им

пришлось вскоре вернуться: там чувствовался сильный холод и было трудно дышать. Очень странно смотрится среди зелени высокая гора, с которой еще не сошел зимний снег. Потом мы перестали что-либо видеть: под нами сгустились тучи. Медленно наступали сумерки, и окрестности понемногу тонули во мраке ночи.

Мы собрались в столовой за ужином и стали делиться константинопольскими впечатлениями. В этой увлекательной беседе принял участие и наш новый товарищ, который оказался необыкновенно разговорчивым и веселым. Когда все разошлись, я засел за дневник.

Теперь, когда все спят, я познакомлю тебя, мой дневник, со всем нашим обществом — и со мною самим.

Прежде всего, представлю моего благодетеля, опекуна и лучшего друга, профессора Ивана Петровича Коростеля. Он очень хороший человек. Еще не стар, но невольно вызывает уважение. Высокая, крепкая фигура, копна черных волос и длинные казацкие усы. Голос громкий, говорит неторопливо. Глаза такие, что словно заглядывают тебе в душу. Когда говорит, хочется без конца его слушать и наслаждаться звучанием его слов, а каждое его высказывание западает в сердце.

Нет ничего лучше, чем его лекции по ботанике. Держит в руке самую простую травинку, засушенный сорняк, а говорит такие вещи, что перед глазами встает яркий и живой образ. Видишь всю жизнь этой травинки; кажется, слышишь биение ее пульса, тешишься ее радостями и грустишь над ее невзгодами.

Никогда не забуду, как впервые его увидел. Приехав в Одессу, я поступил на медицинский факультет и записался на обязательный курс биологии растений. Со средней школы я хорошо знал ботанику; помнил латинские названия нескольких тысяч растений, умел подробно описать любой увиденный цветок и мог долго рассказывать о каждом кусте или дереве всякому, кто готов был меня слушать. Поэтому мне было очень любопытно послушать лекцию по ботанике в университете. Я был уверен, что профессор не сможет поведать мне ничего нового.

Но первые же слова профессора захватили меня. Я знал растения лишь поверхностно, видел только внешние, бросавшиеся в глаза черты; а профессор рассматривал их внутреннюю жизнь и раскрывал тайну их существования. Я услышал, что все живые существа — как бы единая большая семья, в которой каждое создание имеет

свое предназначение и место, что внешний вид и образ жизни любого растения указывают, по каким причинам оно выглядит так, а не иначе… Я настолько заслушался словами профессора, что и не заметил, как прошел час. С этого дня я стал одним из прилежнейших студентов Ивана Петровича и начал постепенно сближаться с ним. Во втором полугодии я бросил медицину и всем своим существом отдался ботанике. Начал работать в лаборатории. Здесь я воочию увидел то, о чем до сих пор только слышал от профессора. Микроскоп раскрыл передо мной жизнь растений.

Мои незаурядные успехи в лаборатории обратили на себя внимание профессора. Иван Петрович хвалил мои работы, в основном рисунки и микрофотографии. Вследствие этого я уже в третьем полугодии стал демонстратором и подавал ему на лекциях необходимые препараты, а сейчас — на пороге четвертого семестра — направляюсь вместе с ним в научную экспедицию, в Сахару!

Дело было так: я сидел за микроскопом и рисовал. Подходит ко мне Иван Петрович и спрашивает, не полечу ли я с ним в Сахару. Я только глаза на него вытаращил. Должно быть, у меня был очень дурацкий вид, потому что он, против обыкновения, громко рассмеялся и повторил

свой вопрос. Я не понял, говорит он всерьез или шутит, но быстро убедился, что он действительно хочет взять меня с собой. Я не знал, как благодарить профессора. Он сразу же повел меня к профессору Роздвянскому и представил как своего помощника.

А что за человек Михаил Антонович! С Иваном Петровичем целуются, как родные братья, хотя характерами совсем не схожи. Михаил Антонович — живой, веселый, вечно шутит и много говорит. Он так дружески и весело обратился ко мне, что я сразу к нему привязался. Когда Иван Петрович представил меня, он сказал: «Ну что, товарищ, собираетесь с микроскопом в руках изучать буйные заросли песков Сахары?» Я засмущался: вдруг он смеется надо мной? Тогда Михаил Антонович приветливо потрепал меня по плечу и добавил: «Я очень рад, что наша экспедиция приобрела такого достойного сотрудника. В этом путешествии вы почерпнете много больше, чем сидя дома».

С нами едут еще несколько специалистов-профессоров. Географ Слушкевич, долгие годы занимавшийся Африкой — человек страшно нервный и крикливый и ни у кого не вызывает большой симпатии. Он помогал Михаилу

Антоновичу разработать детальный план путешествия. Зато профессор геологии Сегобочный чрезвычайно молчалив; на всех наших заседаниях он не произнес ни слова, будто его ничего не волновало. Далее имеем археолога Василенко: он готов перекопать всю Сахару, только бы найти какие-то следы доисторических людей, которые, по его мнению, некогда там жили. Он так увлечен своим предметом, что ни о чем другом и думать не в состоянии, уже успел изложить нам полную первобытную историю северной Африки и заранее просит всех помогать ему в поисках и раскопках. В экспедиции также принимает участие лингвист Лосняченко. Он говорит почти на всех восточных языках, много лет путешествовал по Востоку, а теперь будет служить нам переводчиком; без него наш кружок был бы неполон. Есть и врачи: бактериолог Хомец и Нестеренко, по специальности хирург, а по совместительству знаменитый летчик и известный одесский спортсмен. Маленький, худенький — но очень сильный и выносливый, с неслыханно крепкими нервами.

С профессорами путешествуют ассистенты. Михаил Антонович привез из Киева в Одессу всех своих давних помощников: Покатило, Берестец-

кого и Завалу. Они помогали ему в постройке аэроплана и подготовке экспедиции, а теперь отправились в путь вместе с нами. Ассистент Василенко — Гучко, такой же увлеченный археолог. Врачи взяли с собой фельдшера Павлюка, которому поручен уход за аптекой. К научному персоналу экспедиции принадлежу, наконец, и я.

Технический персонал включает одного одесского радиотелеграфиста, Онищенко, работавшего в Киеве на заводе Михаила Антоновича, искусного механика Яворенко (тоже с киевского завода), четырех опытных пилотов, повара Рукавичку — весьма комического персонажа — и двух служителей: Тхора и Грушко. Всего нас вылетело из Одессы 23 человека; двадцать четвертый, ассистент проф. Слушкевича, незадолго до отлета заболел и остался дома, а вместо него мы в Константинополе приняли на борт Стопескула. Еще с нами летит большой пес Ивана Антоновича, Бублик. Вот и все, что следует знать о личном составе экспедиции.

«Украинский орел», наш самолет, описывать не стану, но по возвращении вклею сюда его фотографию, которая вместе с описанием была помещена в последнем номере одесского научно-

технического журнала «Космос». А здесь я лучше расскажу о том, чего люди не знают: о его ровном и уверенном полете и о наслаждении, какое испытывает каждый, кто летит над землей.

***

4 апреля, полдень. Селение Мандра, в Греции

Вот куда загнала нас проклятая буря! Вместо Египта мы отклонились в сторону и очутились в Греции, лежащей чуть ли не в 500 километрах от намеченного пути! Но это еще мелочи; не будь Михаила Антоновича, мы все погибли бы, а наш самолет разбился о прибрежные скалы Средиземного моря!

Мне не описать весь ужас воздушной бури. Она намного страшнее любго морского шторма. Там-то хоть чувствуешь, что под тобой что-то есть, что ты не провалишься вниз, а здесь не понять — не то падаешь, не то вихрь тащит тебя вверх; оглянуться не успеешь, как самолет расплющится о скалу. Страшно, что говорить!..

А началось все как-то незаметно. Когда я ложился спать, небо чуть хмуилось, но такой непогоды никто и не ждал.

Помню, я крепко заснул, как вдруг меня разбудила странная качка, громкие голоса и топот

ног в гостиной. Я вскочил, оделся и пошел туда. В гостиной уже собрались все, и я узнал, что приближается буря. Михаил Антонович уверял нас, что в самолете совершенно безопасно и бояться нечего; но все же он посоветовал нам оставаться за столом, чтобы легче было сохранять равновесие. Сам он отправился в кабину.

Аэроплан бросало во все стороны, влево, вправо, вверх и вниз. Но это покачивание было незначительным; казалось, мы слышали, как вращались наши могучие гиростаты, не позволяя вихрям опрокинуть аппарат. Ветер дико ревел, свистел в крыльях и заглушал шум моторов. Мы сидели молча. На всех лицах отражались если не ужас и тревога, то по меньшей мере волнение и беспокойство. Снаружи едва начало светать; у нас горел свет.

Мы летели на высоте 4000 метров; там был сильный ветер, но Михаил Антонович считает, что в таких случаях предпочтительней подняться выше. Иначе в тумане, говорит он, можно столкнуться с какой-нибудь горой и разбиться.

Стало светать. Утро было очень неприветливым. Вокруг не было видно ничего, один серый туман. Туман сверху, туман снизу, туман по бокам… Даже солнечные лучи были не в силах его

пробить.

Мы сидели уже добрых два часа, кивая головами и покачиваясь в такт ветру, и время от времени хватались руками за стол, привинченный к днищу. Вдруг за стенкой по правому борту послышался страшный треск, словно там сломался какой-то массивный предмет, и самолет резко закачался. Мгновенно вновь раздался треск, звук сильного удара, и одна стеклянная стена с грохотом разлетелась. Через образовавшийся проем в гостиную вкатился громадный шар, с разгона ударил в ножку стола и разнес ее на куски. Мы все вскочили, но не смогли удержаться на ногах из-за жуткой качки. Пришлось снова сесть и схватиться за стол. Тем временем обезумевший шар носился, как дикий зверь, по всей комнате и перекатывался от стены к стене; счастье еще, что он никому не переломал ноги.

Наш механик Яворенко моментально понял, в чем дело. Он подскочил к шару, закатившемуся в угол, и стал изо всех сил удерживать его руками. Но сил его не хватало; на помощь к нему бросились Нестеренко и я. Втроем мы, упираясь ногами в стол, удерживали шар в углу. Яворенко сказал, что это один из гиростатов правого борта, расположенных между стеной и обшивкой аэроплана;

видимо, его ось не выдержала сильных порывов ветра и сломалась. Нужно было что-то делать, но никто не знал, что именно. Ясно было одно: шар необходимо где-то прикрепить, чтобы он не разрушил все стены. Яворенко кивнул Грушко, тот заменил механика, и Яворенко побежал к Михаилу Антоновичу за советом.

Вскоре он вернулся и сказал, что шар надо закатить на ее место. Там его нужно вновь прикрепить к оси, а если это сделать не удастся, то хотя бы где-то привязать; в противном случае он будет кататься по самолету и нарушать равновесие. Аэроплан тем временем все заметней кренился и шатался из стороны в сторону. Яворенко объяснил это тем, что Михаил Антонович остановил движение всех гиростатов — боясь, что сломаются и остальные — и пытался собственными силами бороться с ветром.

Сколько труда стоило нам вкатить шар на его место за стеной! Мы толкали его впятером, и у всех пот ручьями лился со лба, несмотря на свист холодного ветра в дыре. Наконец у нас получилось; Яворенко открутил крепления оси, пропустил через них какую-то цепь и приковал шар к месту. Механикам пришлось еще немало поработать, чтобы залатать дыру в стене

— оттуда тянуло таким холодом, что мы едва не заледенели.

Нас трясло, кое-кто уже ждал приступа морской болезни, но страх превозмог, и все обошлось. Тем временем Михаил Антонович парировал все удары ветра. Стоило хвосту самолета подняться почти на 45°, как гондола сразу подскакивала, точно резиновый мяч, столкнувшийся с твердой поверхностью, и поднималась вверх метров на сто. При любом крене пилот сейчас же наклонял самолет в противоположную сторону — и вновь выходил из сражения победителем. Михаил Антонович старался постоянно держать самолет носом к ветру, страшась боковых ударов, которые были для нас наиболее опасны. Работали все четыре мотора — иначе аэроплан не устоял бы против такого вихря! На земле подобный ураган ломает самые могучие дубы!

На часы мы не смотрели; голода тоже никто не ощущал. Страх подавлял все остальные чувства. Наконец ветер начал стихать. Ужасная качка прекратилась, а гиростаты снова пришли в движение. Казалось, чья-то сильная рука внезапно схватила наш аэроплан и твердо направила его полет.

В гостиную вошел измотанный Михаил Анто-

нович и сказал: «Черт его знает, где мы теперь… Не летим ли обратно в Одессу?» Мы все недоуменно посмотрели на него, а он пояснил, что годограф соединен с гиростатами[30]. Когда гиростаты остановились, точка-указатель прибора также застыла на месте, как стрелка часов со сломанной пружиной, — и мы сбились с пути.

Небо над нами прояснилось, показалось яркое солнце — мы все еще летели над облаками. Был десятый час утра. Мы стали советоваться, как определить наше местоположение и посадить самолет. Ситуация была очень опасной, так как в тумане мы могли налететь на высокую гору, а облака и не думали расходиться. Больше всех кипятился нервный археолог Василенко. Он жалел, что Михаил Антонович уговорил его отправиться в такое опасное путешествие, и клялся, что при первой возможности покинет самолет и всю нашу компанию. Михаил Антонович, несмотря на усталость, начал шутить: до Сахары, сказал он, теперь уже не сядем, а оттуда можно выбраться лишь на самолете. Василенко разозлился еще больше и стал наскакивать на Михаила

[30] Примечания: 30

Гиростат, как упоминалось, сохраняет положение своей оси и поэтому может использоваться вместо магнитного компаса для ориентации при морском плавании или полете в воздухе.

Антоновича. Недоволен был и наш «полиглот» Лосняченко: зачем только, твердил он, человеку вздумалось летать? Не лучше ли ходить по земле пешком или ездить по твердой дороге? А если уж взлетел, сумей и сесть! Мы посмеивались, но хорошо их понимали: оба были склонны к морской болезни.

Спокойней других — помимо Михаила Антоновича — вели себя Иван Петрович, профессор Слушкевич, д-р Нестеренко и новый товарищ, Стопескул. После долгого совещания решили осторожно спускаться вниз. Михаил Антонович посоветовал подкрепиться; все уселись за столом и с удовольствием выпили горячего чая. Повар Рукавичка ночью очень настрадался, ходил с завязанной головой, стонал и жаловался, а мы над ним подшучивали.

Наши профессора собрались в кабине и стали выбирать место для посадки. Вскоре мы очутились в густых, темно-серых облаках. Нам казалось, что они стремительно летят вверх — так быстро мы спускались. По каплям на стеклянных стенах мы поняли, что попали в полосу дождя, а когда спустились еще ниже, увидели справа море и какой-то пролив с гористыми берегами. Под нами, довольно близко, проплывали высокие горы.

Потом пролив остался позади и мы полетели на высокогорьем; тут и там поднимались лесистые холмики, то повыше, то более низкие. Наконец мы оказались над широкой долиной, которую пересекали несколько рек. Вошел Слушкевич и объявил, что мы летим над Грецией и находимся где-то около Афин.

Михаил Антонович решился сесть на просторном поле, и почти в полдень наш аэроплан коснулся земли; колеса увязали во влажной грязи и самолет катился не так плавно, как в Константинополе.

Мы вышли. Перед нами была маленькая, нищенская деревушка. Под холодным дождем Лосняченко пошел в разведку и возвратился с вестью, что мы действительно в окрестностях Афин, до столицы четыре мили, а деревушка называется Мандра.

Мы посовещались, не зная, стоит ли оставаться здесь или сразу лететь в Афины. Постановили, что прежде всего нужно пообедать. Затем мы разделились: одни остались в самолете, а другие на телеге, нанятой в селении Лосняченко, потащились по размокшей дороге в город. Я остался в деревне.

***

8 апреля, вечер. Афины, кофейня «Акрополь»

Уже пятый день мы отдыхаем в Греции — попеременно в деревушке Мандра, нашем «порту прибытия», и в Афинах. Все это время моросил холодный дождь. Скучно было до одури! Ни сидеть дома, то есть в самолете, ни бродить в дождь по незнакомому городу, прямо хоть плачь. Даже спать не хотелось. Мы запрягли Лосняченко учить нас арабскому или какому-нибудь другому языку, чтобы суметь объясниться с туземцами Сахары. За учебой нам стало веселее; сегодня мы уже знаем довольно много арабских и канурийских фраз[31].

Зато наши механики время зря не теряли. Сперва соорудили новую стеклянную стенку, а затем починили эти злосчастные гиростаты, причинившие нам столько бед. Михаил Антонович признался, что сильно переживал за самолет, особенно в тот момент, когда сломался гиростат. Не хотелось бы, сказал он, повторить этот опыт.

Он и механики два дня советовались и рисо-

---

[31] Примечания: 31

На языке «канури» говорят суданские племена; однако в египетской части Сахары используется т. наз. «вульгарно-арабский» язык.

вали какие-то чертежи; окончательно к чему-то пришли и отправились в город, где закупили материалы и заказали различное оборудование. Теперь они работают в самолете.

Город начинает интересоваться нами. Сегодня на поезде (на нем можно добраться до станции в Элефсисе) приехали университетские профессора, и Михаил Антонович подробно рассказывал им о нашем «Орле». Сразу после них появились представители Авиационного общества и тоже осмотрели аэроплан; Михаил Антонович со своими ассистентами был в городе, и гидом выступил я. После стали прибывать все новые группы любопытных; эти уже говорили в основном по-гречески, и сопровождать их пришлось Лосняченко. Он объяснял все подробности устройства аэроплана, а слушатели внимательно кивали — хотя, боюсь, едва ли что-нибудь поняли, потому что сам профессор очень плохо разбирается в технике.

Сегодня мы все выбрались в Афины на какой-то национальный праздник. Весь город был убран флагами. Нас пригласили в театр, куда мы скоро пойдем. Завтра будем осматривать город.

***

11 апреля, около полуночи. На пути из Афин в Александрию

Наконец-то самолет исправен; погода тоже исправилась, и вечером мы вылетели из Греции в Египет. Мы могли бы полететь прямо в Сахару, но важные причины заставляют нас сделать остановку в Александрии: необходимо заручиться рекомендациями для «шейхов»[32] пустыни.

Уже в третий раз нас провожало сборище любопытных. Официальные круги были представлены только некоторыми учеными и техниками, но многолюдность толпы превысила все ожидания. На всех дорогах, в садах и полях кишел человеческий муравейник; казалось, на высоте нескольких сотен метров мы еще слышали радостные возгласы собравшихся людей.

Мы миновали городок Элевсис, после невысокие горы Скараманги, оставив справа красивый остров Саламин. Затем оказались над морскими воротами Афин, Пиреем, и археолог Василенко, стоя на террасе, стал рисовать перед нами образы

---

[32] Примечания: 32

Шейх — арабское слово, означающее «старик», также: «старший начальник». Это вожди пустынных племен.

древнего мира. Он рассказывал, как когда-то вместо современных пароходов воды Пирея бороздили древние триеры[33], и очень жалел, что эти прекрасные времена канули в прошлое. Люди, говорил он, покорили природу, подчинили своей воле пар и электричество, даже летать научились. И что с того? Легче ли стало жить на свете? Лучше ли сделались люди? Какое там! В старину не было столько упадка, не проливалось так много крови, как теперь, и люди имели право думать, что они близки к идеалу — как и мы сегодня. Но что есть идеал? Это недостижимая мечта. Сегодня мы думаем, что достигли идеала, построив нашего «Орла»; Дедал точно так же был уверен, что его идеал осуществился в крыльях, которые он склеил воском и прикрепил к плечам — своим и сына. И что же? Чуть пригрело солнце и растопило идеал Дедала; а сегодня достаточно одной бури, чтобы превратить наш идеал в груду обломков. Сломалась лишь ось гиростата — и мы уже были одной ногой на том свете…

За неимением другого занятия, мы с уважением слушали эти философские рассуждения; смотрели, как все дальше убегает земля, а перед

[33] Примечания: 33

Также триремы, большие (относительно своего времени) военные корабли, на которых гребцы сидели в три ряда.

нами открывается простор синего моря. Мне было искренне жаль нашего милого историка, живущего в неправильное время; ему бы родиться во времена Перикла и Сократа — но как знать, быть может, он и тогда тосковал бы об ушедших веках или тысячелетиях и идеализировал жизнь кочевников доисторических времен.

Дневной свет померк; стало совсем темно. Мы сели ужинать и только тогда заметили, что летим как-то необычно: аэроплан легонько покачивался, как корабль на морских волнах, но шел уверенно. Михаил Антонович объяснил, что причиной были изменения, внесенные в конструкцию наших гиростатов. Для защиты от таких неожиданностей, как поломка оси гиростата, эти оси были укреплены в пружинных подвесах. Сейчас ось может немного наклоняться во все стороны, но пружина возвращает ее в первоначальное положение. Порывы ветра, таким образом, становятся для нас менее опасными: аэроплан будет чуть качаться, но ось не сломается. Кроме того, Михаил Антонович приобрел гирокомпас и обычную магнитную буссоль.

Завтра рано утром мы будем уже в дельте Нила, в Александрии.

***

14 апреля, полдень. В самолете, близ Ливийской пустыни

Двадцать пять часов в самолете! Ну и путешествие нам предстоит: из Александрии до Бардая, столицы страны Тибести[34] в Сахаре! Долетим ли мы туда живыми — через море раскаленных песков, через дикую безводную пустыню? Как нас встретят туземцы, полудикое племя тиббу? Преодолеем ли мы все трудности жизни в пустыне, к которым так долго готовились?

Вот какие мысли мелькают у меня в голове — впервые за все путешествие. До сих пор я считал, что наши ученые проводники все предусмотрели, и даже не думал, что нас могут ждать приключения, о каких только в книгах читаешь. Как же я ошибался! По пути в Александрию главной темой разговоров стала жизнь в пустыне. Петр

---

[34] Примечания: 34

Тибести — нагорье в центральной Сахаре, на севере современного Чада и юге Ливии, площадью свыше 100 000 кв. км., населенное народом тубу (тиббу); здесь имеются мелкие оазисы, а сухие вади периодически наполняются водой благодаря относительно высокому для Сахары количеству осадков. Жители занимаются земледелием (просо, ячмень, финиковые пальмы, овощи) и скотоводством — разводят верблюдов, коз и овец. Авторское описание плохо изученного в то время Тибести далеко не всегда отличается точностью (Прим. перев.).

Харитонович Слушкевич, который хорошо знает этот край и его этнологию, и Аким Филиппович Лосняченко, переживший в своих путешествиях не одно приключение, рассказывали нам разные страшные истории. Немало европейцев погибли в Сахаре — не столько по вине тяжелых природных условий, сколько из-за ненависти туземцев-магометан ко всем чужакам, будь то христиане или иудеи! Ислам, распространенный в этой бедной и неурожайной стране арабами, вполне соответствует характеру и нраву жителей пустыни: знать лишь «кисмет[35]», судьбу, волю Аллаха, и без ропота, с одинаковым спокойствием принимать все, что он дает. А поскольку пришлые европейцы только и мечтают подчинить своей власти свободных сынов пустыни и опутать их сетью всевозможных налогов — долой их! Недаром заповедал Магомет ненавидеть и убивать всех «джавров[36]»! Убивая христианина, правоверный мусульманин может очиститься от всех грехов и заслужить себе место в раю.

И среди людей, живущих в такой атмосфере ненависти к нам, мы должны поселиться! Ка-

---

[35] Примечания: 35
Арабское слово: фатум, судьба.

[36] Примечания: 36
Арабское слово: неверный, немагометанин.

кая-то сумасшедшая смелость! Чем мы можем обороняться? У нас всего лишь несколько винтовок и револьверов и один пулемет! Кто знает, как вооружены нынче туземцы, нет ли у них винтовок новейшей системы, а то и пушек?

Эх, уничтожат они наш «Орел», — одна надежда на хитрые уловки наших знатоков Востока.

В Тибести, недалеко от столицы Бардай, есть небольшой оазис Адур. Там обитает Майна Али Бен-Сиди, близкий родственник и добрый друг «марабута[37]» Кохема Абу Эль-Гарами из мусульманского монастыря ордена Эс-Се-нусси, расположенного неподалеку от Александрии. Среди соплеменников он пользуется даже большим уважением, чем сам «дардей[38]» Тибести, Майна Кафеле, живущий в Бардае. Так вот, александрийский приятель Бен-Сиди обеспечил нас отличным рекомендательным письмом. Раздобыл его наш неоценимый Лосняченко. Он выдал себя за араба, который много лет прожил в Европе, а теперь вернулся в Египет, чтобы распространять свет мусульманской веры в краях, где она угасает. Он, мол, хочет учредить в Ти-

---

[37] Примечания: 37
Святой человек; магометанский духовный наставник.

[38] Примечания: 38
Султан

бести духовную школу и монастырь, а до этого ему нужно получить рекомендации от такой святой личности, какой является Кохем. Тот с радостью согласился помочь и выдал ему желанное письмо, а также несколько талисманов для своего друга. О существовании в Тибести этого Майны и его связях с александрийским марабутом Лосняченко узнал от одного купца в Александрии, с которым познакомился во время прежних путешествий на Восток. Он тотчас купил себе арабскую одежду — белый бедуинский плащ и большой тюрбан того же цвета — запряг в повозку мула и отправился в монастырь. Поездка Лосняченко, как я уже говорил, удалась, но вылет пришлось отложить еще на день.

Кроме того, Михаил Антонович и Иван Петрович запаслись рекомендательными письмами различных европейских консульств на случай встречи с представителями европейских держав.

Может, все и обойдется! Может, издалека все кажется страшнее?

А что, если кончится вода? Что будет, если мы не найдем источник, не сможем пробить колодец в скале?

***

15 апреля, ранним утром

Пустыня!.. Жутко становится, как вспомню, что мы уже столько часов летим над пустыней! Напрасно я успокаивал себя доводами разума: во сне мне мерещились разные ужасы, о которых я столько наслушался, и бескрайние просторы, что тянутся под нами со вчерашнего утра, с той минуты, когда мы вылетели из Александрии.

Чуть свет я вскочил и выбежал на террасу; надеялся увидеть что-нибудь, что хоть немного успокоило бы меня. Но где там! Мы пересекаем громадную Ливийскую пустыню; пространство величиной с половину Украины лишено всякой жизни. Как тут не испугаться?

Когда-то, еще в детстве, я представлял себе пустыню как колоссальную ровную площадку, засыпанную песком, словно безграничная цирковая арена. Но я жестоко заблуждался. Пустыня не гладкая, и не везде покрыта песком. По разнообразию форм мало какой ландшафт может с ней сравниться. Общая характеристика одна: здесь нет никакой органической жизни, ни растений, ни животных, не говоря о человеческих жилищах. А причина тому — нехватка дождей. И хотя,

возможно, под поверхностью земли вода кое-где есть, жизнь не расцветет, пока она не пробьется наверх. Сама же почва такая урожайная, что стоит попасть куда-нибудь небольшому количеству влаги, как все мгновенно начинает зеленеть.

Мы постоянно летим на высоте 2000 метров, следовательно, дальность обзора составляет около 160 километров — а это означает, что взглядом можно охватить пространство в 25000 квадратных километров. Какой величественный вид!

Итак, прежде всего — песчаная пустыня. Это песочные гряды, дюны, называемые по-арабски «эль арег». При взгляде сверху кажется, что это какое-то взбаламученное море, которое в один миг застыло, окаменело. Дюны намного выше самых высоких морских волн; некоторые поднимаются до 100 метров. Они тянутся длинными рядами с северо-запада на юго-восток, то есть перпендикулярно направлению пассатных ветров[39],

---

[39] Примечания: 39

Пассаты — постоянные ветры, дующие в приэкваториальной полосе, примерно между 6° и 30° обеих широт; в северном полушарии они дуют с северо-востока, в южном — с юго-востока. Они возникают вследствие того, что воздух над экватором чрезвычайно нагревается и поднимается вверх, а на его место поступает холодный воздух с севера и юга. Однако вращение Земли меняет направление этих ветров и делает его более западным. Они получили название «пассатов» потому, что давали возможность парусным кораблям плыть из Испании в Америку («passare»).

что гонят перед собой и все время перемещают песок.

Не все дюны имеют одинаковую величину и вид. Чем дальше летим мы над пустыней (а летим мы в направлении пассатов), тем теснее громоздятся дюны; очевидно, с незапамятных времен ветры приносили сюда колоссальные массы песка и заставляли их смыкать ряды. Одни из них выше, другие совсем низкие. Тут и там гряда прерывается и образуется как бы горный провал.

Кое-где песчаные просторы переходят в каменную пустыню, «гамма-ду». Местами видны пласты больших или меньших размеров, гладкие или изрезанные расселинами, то узкими, то широкими, как настоящие горные пропасти. Это преимущественно песчаник. От ветра и солнца он крошится, пополняя мельчайшими осколками песчаные гряды, чем и объясняется большое количество песка в пустыне.

В других местах, — с высоты не разглядеть, песок там или каменистые пласты, — можно заметить множество холмиков, напоминающих наши курганы. Эти песчаные горбы невесть почему называют «горами-свидетелями».

Но отнюдь не везде камень выступает в виде пластов. Здесь есть и горы, дикие и романтиче-

ские, с примечательными ущельями, которые были когда-то руслами рек. В Сахаре, — рассказывает профессор Сегобочный, — некогда пышно цвела жизнь; еще в исторические времена — греческие и римские — обитаемые человеком земли простирались много дальше в глубь пустыни. Впоследствии жизнь эта сошла на нет вместе с запасами воды. Реки высохли, источники и колодцы засыпал песок. Свидетельством исчезнувшей жизни и являются русла бывших рек, называемые по-арабски «уади», а в краю Тибести — «эннеди». Зачастую в них еще можно найти следы растительного и животного мира, пальмовые и мимозовые рощи, колодцы и водоемы с останками воды. Следует также знать, что здесь по временам, хотя и очень редко, случаются страшные бури с громами и ливнями; быстрые потоки воды до краев наполняют «уади» и размывают берега. В одно мгновение снова расцветает жизнь, пробуждается растения и вся земля покрывается зеленью. Но этот рай недолговечен. Несколько дней солнечного пекла — и жизнь замирает, а нового дождя иногда приходится ждать несколько лет…

Стоя на террасе, я увидел на горизонте прямо перед нами, то есть на юго-западе, силуэты да-

леких гор; до них было, вероятно, около 200–300 километров. Согласно показаниям годографа, мы уже пересекли границы Тибести и приближаемся к конечному пункту нашего путешествия. Через 3–4 часа будем на месте.

Светает, но рассвет здесь не такой, как у нас. Очень быстро становится светло; а сумерки, как я заметил вчера, здесь короткие.

***

В тот же день, позднее

Еще полчаса — и мы сядем. Перед нами высокие горы, под нами — пустынная равнина. Миновали несколько гористых цепей пониже, изрезанных глубокими ущельями; теперь под нами полоса песчаной пустыни. Слева — довольно большой оазис; сквозь пальмовые ветви, кажется, проглядывают хижины. Мы летим так низко, что можно различить отдельные деревья. Чем ниже, тем горячее становится воздух. Солнце быстро выкатывается на небо и начинает немилосердно припекать.

Я весь дрожу: чем встретит нас земля Тибести?

Садимся!

IX
В стране Тибести

«Украинский орел» совершил посадку 15 апреля в 8 часов 23 минуты утра, под 17°5′32″ восточной долготы от Гринвича и 21°8′35″ северной широты, близ оазиса Адур, расположенного в 40 километрах на запад-се-веро-запад от Бардая, столицы страны Тибести. Посадка прошла гладко, без происшествий. Аэроплан сел на обширном каменном плато, почти горизонтальном, с небольшим наклоном к югу. Это плато, окруженное горами и балками, выступало, подобно холму, над песчаными грядами в 2–5 километрах от оазиса Адур; гипсометр показывал высоту в 973 метра над уровнем моря.

Путешественники остались в самолете. Наружу выбрался только Аким Филиппович Лосняченко, одетый по-бедуински. Загорелое лицо, массивный нос с горбинкой и черная борода придавали ему восточный вид. На нем был белый шерстяной плащ с длинными широкими рукавами; он подпоясался широким поясом и надел на голову большой красный тюрбан. На ноги натянул

кожаные сандалии, а за пояс заткнул два длинных кинжала, ножны и рукояти которых были обиты металлическими накладками и усеяны самоцветами (на самом деле — разноцветными стекляшками) и два так же пестро изукрашенных пистолета. На всякий случай, в карманах у него имелись два заряженных револьвера и острый длинный стилет. В руке он держал толстый посох. В подобном наряде высокий и широкоплечий Лосняченко выглядел внушительно и казался настоящим арабом.

Рядом с ним вдруг появился еще один араб, темнолицый и безусый человечек, одетый по-восточному, как и Лосняченко, но много беднее. В руках он нес деревянную шкатулку с подарками для новых друзей — султана Тибести, адурского марабута Бен-Сиди и их приближенных. Этим оруженосцем был не кто иной, как доктор Нестеренко. Ссылаясь на свой невысокий рост и темный цвет лица, доктор напросился сопровождать Лосняченко во время первого визита к туземцам.

Оба лже-араба, Ахмед Селим Бен-Изагура и его слуга Ага, двинулись к оазису, с любопытством осматриваясь. Они спускались с каменистой возвышенности, где стоял аэроплан, в широкое

ущелье между двумя грядами высоких гор Тарсо. На западе виднелось самое высокое скопление гор с горой Эми-Тусиде высотой в 2700 метров[40]. Вершины гор блестели на солнце так ярко, что приходилось отводить глаза. То был не снег или туман — дикие, обрывистые склоны были совершенно голыми, а свет ярко отражал песчаник. Каменные стены кое-где были темными, почти черными благодаря примесям железной руды.

Прямо на юге, в 100 метрах ниже, раскинулся оазис Адур; хотя до оазиса, как могло показаться, было не больше 2–3 километров, наши путники успели выбиться из сил, пока дошли до него. В чистейшем раскаленном воздухе с небольшой примесью водяных испарений все предметы выглядели ближе, чем в действительности, а пробираться по камням и расселинам было очень трудно.

На востоке, на небольшом взгорье, простирались песчаные гряды. Чуть подальше они резко обрывались, а за ними лежало широкое высохшее русло реки Эннеди Бардай, тянувшееся на 300 километров. Местами оно расширялось до 5 километров; на дне ущелья росли густые паль-

---

[40] Примечания: 40

На самом деле высота пика Туссиде — почти 3300 м (Прим. перев.)

мовые и мимозовые рощи. Воды в этой реке не было, однако изобилие растительности говорило о том, что земля была хорошо увлажнена.

Лосняченко и Нестеренко спустились с возвышенности и добрый час шли по равнине, прежде чем приблизились к жилищам. Солнце безжалостно обжигало руки и лица. Раскаленный песок под ногами, даже сквозь толстые кожаные подошвы, жег пятки, не привыкшие к такому жару. Воздух был настолько сух, что дыхание перехватывало. Путники обливались потом.

Не успели они подойти к первой хижине, как из-за пальм выступила группа людей. Невысокие туземцы были одеты в белые, длинные одежды со свободными рукавами. На плечи и грудь были наброшены светло-синие накидки, на головах — небольшие тюрбаны. Лица были прикрыты «литамами» из двух полос материи: одна закрывала лоб, а другая подбородок и нос, оставляя лишь узкую щель для глаз. В руках они держали длинные копья с острыми наконечниками и загнутыми назад зубьями и железные палицы в виде ветвистых оленьих рогов; этим метательным оружием они искусно поражают издали животных или врагов.

Заметив туземцев, чужестранцы также при-

крыли лица. Хозяева и гости молча и медленно сходились. В двадцати шагах туземцы сели на корточки и стали ждать; то же молча проделали чужестранцы. Первым торжественно заговорил Лосняченко:

— Лагалис инкеннаго?[41]

— Лагалис! — ответили туземцы хором, но каждый иным тоном.

Лосняченко продолжал спрашивать:

— Лаганини?

Последовал тот же ответ:

— Лагалис!

— Киллагани?

— Лагалис!

— Гита иннадуния?

— Лагалис!

— Игилла! — завопил во все горло Лосняченко.

Хор туземцев чуть глуше повторил: «Игилла!».

Тогда Лосняченко, понизив голос, завел вежливую беседу, вплетая в нее новые вопросы о здоровье и благополучии своих новых знакомых. Через каждые несколько фраз обе стороны ревели «Игилла!» и продолжали разговор все более низким тоном; мало-помалу все стали хрюкать,

---

[41] Примечания: 41

Эта фраза и все последующие — обычный способ приветствия

как свиньи.

Наконец один из тибестинцев снова громко заверещал: «Игилла!» Лосняченко счел это знаком, что можно приступать к делу. Он спросил святого марабута Майну Али Бен-Сиди.

Из рядов туземцев выступил человек; закрытое лицо не выдавало возраста, но по сгорбленной фигуре было видно, что он несет изрядный груз лет. Старик опирался на толстую суковатую палку.

— Великий «сиди[42]», — торжественно произнес Лосняченко. — Счастливы мои глаза, увидевшие тебя, счастливы уши, ибо Аллах позволил им услышать твой благозвучный голос. Приношу тебе поклон от твоего друга, святого марабута Кохема Абу Эль-Гарами, который всю свою жизнь посвятил служению Аллаху и его великому пророку.

— Где же ты его видел, чужеземец? — спросил марабут.

— Позавчера я имел счастье беседовать с ним в Искендерие[43]. Там встретил я его, когда он направлялся из своей святой и пресветлой «са-

---

[42] Примечания: 42
Господин — так титулуют магометан.

[43] Примечания: 43
Александрии.

вии»[44] в Сара-бубе на поклон священному камню в Мекке. В сороковой раз в своей долгой жизни отправился он, несравненный в добродетелях и познаниях, в богоугодное паломничество. Он очень обрадовался, увидев меня, твоего смиренного слугу, ибо некогда исцелил меня с помощью Аллаха; а узнав, что я еду к тебе, великий сиди, велел передать это письмо и эти святые дары.

С этими словами он поднялся на ноги подошел к туземцам, подавая старику письмо и талисманы. Али Бен-Сиди долго держал письмо в руках, затем распечатал его и начал читать, время от времени пристально взглядывая Лосняченко в глаза. «Литам» немного сдвинулся, и по выражению лица нетрудно было понять, что старик не верит словам профессора.

— Чужеземец, твои уста говорят неправду! — сказал он грозно. — Где Адур, а где Искендерие! Разве я не знаю, что за два дня невозможно пересечь пустыню? Что напрямик через пустыню человек один не ходит — лишь большие «кафиле[45]», да и те огибают ее? Горе тому, кто лжет слуге Аллаха и Магомета!

---

[44] Примечания: 44
Магометанский монастырь, соединенный с духовной школой.

[45] Примечания: 45
Караван.

— Святой Бен-Сиди, — смиренным голосом, склонив голову, сказал Лосняченко. — Неужто я, неустанно возносящий хвалу Аллаху и его святым марабутам за оказанные мне благодеяния, осмелюсь обманывать тебя, великий господин? Видел ли ты громадную птицу, что недавно спустилась на землю вот там, недалеко от широкого «уади»? Знай, что это не живая птица, какая летает в «гава[46]», а только воздушный «маркиб[47]». На нем прилетел я сюда в обществе нескольких «румие[48]» и…

— Что? — удивленно воскликнул старый марабут. — Ты прибыл сюда в обществе «куфар румие[49]»? Ты привез их в нашу пустыню?

— Мудрый сиди, — невозмутимо перебил Лосняченко, — выслушай меня. Позволь поведать тебе историю моей жизни, и пусть твой непревзойденный ум рассудит, хорошо ли я поступил, что прибыл с теми джаврами.

---

[46] Примечания: 46
Воздух.

[47] Примечания: 47
Корабль.

[48] Примечания: 48
Христиане.

[49] Примечания: 49
Кафир (множественно: куфар) — неверный.

— Говори, чужестранец, — уже спокойнее отозвался старик, — я слушаю.

— Благодарю тебя, сиди, — сказал Лосняченко. — Разреши смиренному слуге преподнести тебе этот подарок.

Произнеся это, он подал старику один из своих кинжалов. Марабуту, очевидно, подарок понравился: он стал с удовольствием рассматривать кинжал, не распознав, что самоцветы были фальшивыми. Все остальные с не меньшим любопытством разглядывали подарок. Али сдвинул «литам», показав старческое лицо с длинной седой бородой. На вид ему было лет девяносто.

— Прежде, чем я расскажу тебе историю своей жизни, мой господин, — а она весьма необычайна и поучительна для правоверных, — позволь нам напиться «мое[50]» из твоего «бор[51]», ибо гортань наша от жары пересохла, и язык прилип к нёбу.

Али встал.

— Ступайте со мной, чужеземцы. Мы сядем в прохладе пальм у моего «бет[52]», и ты поведаешь

---

[50] Примечания: 50
Вода.

[51] Примечания: 51
Колодец

[52] Примечания: 52
Дом

мне свою историю. Как зовут тебя?

— Мое имя — Ахмед Селим Бен-Изагура; родом я из Искендерие.

— А этот «валяд[53]»?

— Это мой раб, Ага, из султанских[54] негров.

Чужестранцы пошли за стариком и вскоре оказались посреди селения.

Выглядело оно довольно необычно. При обеим сторонам главной улицы стояли нищие хижины, выстроенные из акациевых столбов, соединенных плетенками из пальмовых листьев. Крыши, чуть наклоненные в сторону улицы, опирались на деревянные поперечины и были покрыты такими же циновками. Дверей и окон в хижинах не было и только у самой земли имелось отверстие, служившее входом и выходом.

Улица была очень извилистая, узкая и темная. Свет едва проникал сюда сверху, и в нескольких шагах невозможно было узнать человека. Лишь местами улица расширялась, образуя род площади; там перед домами стояли низкие каменные скамейки, на которых сидели мужчины и женщины. Все мужчины были одеты одинаково,

---

[53] Примечания: 53
Парень

[54] Примечания: 54
Так в тексте. Возможно, имелось в виду «суданских» (Прим. перев.).

наподобие тех, с которыми уже познакомились наши путешественники. Женщины прикрывали тело одной большой звериной шкурой шерстью наружу. Они пропускали ее под правой рукой и скрепляли деревянными заколками на левом плече и левом боку; обе руки и правое плечо оставались открытыми. Наплечники из слоновой кости, бусы из жемчуга или ракушек на шее и подвески в носу и ушах служили женщинам украшениями. Волосы они заплетали в высокую прическу, смазывали маслом и посыпали каким-то порошком. Все они, как и мужчины, были страшно худыми.

У хижин играли голые дети. Тут и там видны были обнаженные фигуры черных невольников, одетых лишь в набедренные повязки. При виде чужаков все живое выбегало на улицу поглазеть на неведомых людей. Толпа все росла, и когда чужестранцы и марабут дошли до широкой площади, где стояла хижина последнего, любопытные уже заполнили всю площадь.

Хижина Али была просторней и красивей других; стенами служили циновки из пальмовых веток. Неподалеку от дома находился колодец, обложенный камнями.

Из дома вышла молодая женщина, видимо,

внучка марабута. Али велел ей принести чужеземцам воды; она ушла и вернулась с двумя половинками выдолбленных тыкв, наполненными до краев. Вода оказалась вкусной и холодной. Молодая женщина подала марабуту кожаную подушку; тот положил ее на каменную скамью и уселся. Такую же подушку получил Лосняченко; он устроился на земле, подобрав под себя ноги по восточному обычаю. Рядом прямо на голую землю сел Нестеренко, с трудом пытаясь согнуть ноги по примеру Лосняченко и туземцев — последние сели в ряд, окружив полукругом чужеземцев и Али.

Лосняченко, не торопясь начать рассказ, поднялся с подушки, упал на колени лицом к востоку и, кладя поклоны, начал молиться:

— Слава тебе, великий Аллах! Ты привел меня в этот гостеприимный край, к милосердному хозяину, и он принял и напоил страждущих чужеземцев. Подари долгие лета твоему марабуту, святому Али Бен-Сиди, да процветают вечно он и его семья!

— Аминь, — торжественно добавил Али.

Лосняченко и Нестеренко, повторявший каждое движение профессора, снова сели. Наступила тишина. Лосняченко начал:

— Ты хочешь, святой Али Бен-Сиди, узнать мою историю. Слушай же.

***

Родом я из Искендерие. Мои семья была богата; отец мой был «тагир», торговал драгоценностями и держал «дуккан[55]» на одной из главных улиц магометанской части города. Я был единственным сыном. Меня воспитывали мудрые учителя; среди них был один марабут, Селим. Когда мне исполнилось пятнадцать, отец повез меня в Истамбул[56] учиться на муэдзина[57] и оставил жить у близких родственников.

Однако будущее занятие мне не нравилось, и я сошелся с европейцами. Я стал учителем арабского языка в семье одного «гакима[58]» — руми. Я влюбился в его дочь и хотел жениться на ней, но «гаким» сказал, что сперва я должен креститься. Зачем я только познакомился с этим «гакимом»!

---

[55] Примечания: 55
Лавка.

[56] Примечания: 56
Константинополь

[57] Примечания: 57
Магометанский священник.

[58] Примечания: 58
Врач.

Лучше бы я сломал ногу, прежде чем переступил порог его проклятого дома!

Лосняченко с минуту помолчал, задумавшись. Затем он продолжал:

— Я стал готовиться к безбожному деянию, и тогда приключилось со мной несчастье.

К моему «гакиму» приехали гости из Европы, и я показывал им город. Они осматривали разные интересные вещи, а напоследок захотелось им зайти в «джамию[59]». Однако у дверей они отказались разуться, к чему — признаюсь в своем великом грехе — подговорил их я сам, безбожник. Привратник не позволил им осквернить святыню, разгорелся спор, и я — окаянный — с такой силой ударил палкой по голове привратника, старенького «шейха[60]», что он упал на землю.

Но, о чудо! Едва опустилась моя правая рука с палкой, как я почувствовал, что она безжизненно повисла и я не могу ею даже пошевелить… В глазах у меня потемнело, я упал и не мог встать — и правая нога мне не повиновалась… Я превратился в калеку…

Вскоре приехал отец и стал возить меня по

---

[59] Примечания: 59
Мечеть.

[60] Примечания: 60
Старик

различным врачам Истамбула и Масра[61], но все было напрасно: мне ничто не помогало. Я оставался калекой двадцать лет и беспомощно лежал дома.

Но недавно явился предо мной наш великий пророк и молвил: «Грешник, тяжка провинность твоя. Если хочешь, чтобы милосердный Аллах даровал тебе силу рук и ног, ты должен очиститься от грехов, исправить все зло, что ты причинил! Ты должен посвятить себя служению Аллаху и распространять по миру истинную веру». Я ответил: «Великий пророк, верни мне здоровье, а я всю свою жизнь буду служить Аллаху и тебе». Так я поклялся, и Магомет — да одарит его Аллах безмерным блаженством — исчез.

Наутро я попросил моего доброго «абу[62]» отвезти меня в Сарабуб, в святую савию сенусситов. Отец согласился, и там я познакомился с твоим другом, святым марабутом Кохемом Абу Эль-Гарами, который взял меня под свою опеку. Три месяца провел я в молитве и постах и поклялся в присутствии Эль-Гарами перед Аллахом, что как только оправлюсь от болезни, стану нести в мир

---

[61] Примечания: 61
Египет, Каир.

[62] Примечания: 62
Отец.

истинную веру и закладывать в пустыне савии.

Стоило мне произнести эти слова, как я почувствовал, что в руке и ноге пробудилась былая сила. Я вновь владел рукой и мог самостоятельно вставать и ходить! Тогда я еще раз горячо помолился и поблагодарил Аллаха за спасение. Я тотчас начал собираться в дорогу и спросил у моего доброго опекуна, куда мне лучше направиться. Он указал мне путь к тебе, святой сиди; да ниспошлет ему Аллах долгие лета за то, что совет его привел меня в эту благословенную страну.

Но как мне было одному, без «кафиле», пускаться в такое далекое путешествие, когда вокруг кишат «гарамие[63]», которые не чтят божьи законы и презирают святых людей?

Долго раздумывал я над тем и не находил ответа. И вот однажды иду я по улице Искендерие и слышу, как два чужестранца — это были «ингелизе» или «ферансис», а может, «немшавие[64]», точно не знаю, — говорят между собой, что собираются в пустыню выращивать финики и знают

---

[63] Примечания: 63
Разбойники.

[64] Примечания: 64
Англичане, французы, немцы.

способ, как из «гагар[65]» добывать «мое». Я сейчас же подумал, что надо этим воспользоваться, подошел к ним и сказал, что знаю одну прекрасную местность, где растут финиковые пальмы, только воды там почти нет… Они согласились взять меня проводником и поехать туда, куда я укажу. И теперь, после долгих приготовлений, мы прилетели сюда.

Лосняченко закончил рассказ. Собравшиеся слушали его в глубокой задумчивости. Наконец старик Али произнес, грозно наморщив лоб:

— Зачем же ты, чужестранец, привез сюда проклятых джавров? Чтобы они отобрали горстку фиников, которыми одаривает нас всемогущий Аллах? Так-то ты служишь Аллаху и нашей вере?

Среди туземцев послышался недовольный ропот. Лосняченко спокойно обвел их глазами и ответил:

— Мудрый сиди и вы, честные, правоверные магометане! Неужто вы считаете араба таким глупым, таким простодушным? Разве вы не поняли из моего рассказа, что я намерен провести неразумных и опрометчивых европейцев?

Али и все остальные заинтересовались.

---

[65] Примечания: 65
Скала.

— Странны твои слова, чужеземец, — сказал Али. — Если мы сами не в силах уразуметь твой замысел, скажи сам, как ты собираешься использовать джавров во благо нашей веры.

— Слушайте. Я привел их к вам, во-первых, потому, что они позволили мне удобно и быстро сюда добраться. Во-вторых, они просверлят нам «бор», у нас появится много воды. Заведем «генана[66]» и пальмовую «рабе[67]». Здесь будет лучшее место для савии, что я хочу построить.

— А как ты поступишь со своими румие? — вновь спросил Али.

— С ними? Не беспокойся о них, мудрый сиди, предоставь их мне. Пусть только сделают для нас «бор», а я затем я от них как-нибудь избавлюсь. Не забывай, что я живу у них и могу в любую минуту их зарезать, не успеют они и глазом моргнуть. Думаю, и вы не откажете мне в помощи, если дойдет до войны с ними.

Эти объяснения успокоили туземцев. Али Бен-Сиди обещался во всем помогать Лосняченко, и все присутствующие поклялись исполнять любые их приказания. Туземцам казалось, что но-

---

[66] Примечания: 66
Сад.

[67] Примечания: 67
Плантация.

вый колодец превратит их страну в рай земной. В их изголодавшемся воображении уже вставали среди пустыни высокие финиковые пальмы с гроздьями вкусных плодов. Все радовались. Поначалу недоверчивые и хмурые, туземцы сделались дружелюбными и веселыми. Они тесно обступили чужеземцев и стали с интересом приглядываться к их одежде, а особенно к шкатулке в руках Нестеренко. Лосняченко это заметил, перевел разговор на их отношения с соседними племенами и спросил, в ходу ли у них европейское оружие. Один рослый туземец ответил, что им, скрепя сердце, приходится пользоваться этим «нечистым оружием»: хотя оно недостойно правоверного магометанина, в стычках с другими племенами не обойтись без ружей и пистолетов.

Лосняченко сделал вид, что очень обрадовался:

— Ах, как удачно складывается! Теперь я смогу тебя, добрый сиди, одарить еще и этим пистолетом. Я привез его, помышляя о тебе, — но боялся оскорбить тебя, даря нечистое оружие. Возьми!

Он протянул Али кинжал и пистолет — очевидно, не имевший никакой ценности — и сказал:

— А второй кинжал и другой пистолет пред-

назначены для вашего шейх-эль-беледа[68]. Он здесь?

— Это я, — ответил тот же высокий мужчина.

— Прими же от меня эти дары, сиди, и будь мне «габиб[69]», — сказал Лосняченко и низко поклонился.

Шейх-эль-белед с удовольствием принял подарки.

Тогда Лосняченко сделал знак своему спутнику, и тот подал ему шкатулку. Лосняченко принялся доставать из нее всякие безделушки: маленькие зеркальца, ножики, серьги для носов и ушей, игрушечные пистолеты, трубки, свистульки и так далее — и раздавать их кому попало. Туземцы толпились вокруг, вырывали друг у друга подарки, кричали и радовались.

Завязался веселый разговор; Нестеренко также засыпали вопросами. Но он, не понимая ни слова и не зная, что ответить, упорно молчал и только кивал головой на Лосняченко. Туземцы не отставали и даже начали толкать беднягу; тогда Нестеренко дернул товарища за полу одежды и посмотрел на него умоляющим взглядом. Лосня-

---

[68] Примечания: 68
Староста общины.

[69] Примечания: 69
Габиб (множественное: габаиб) — друг

ченко грозно зыркнул на него и отрицательно помотал головой. Нестеренко понурился.

— Почему твой Ага ничего не говорит? — спросили из толпы.

— Моему невольнику не позволено говорить, — ответил Лосняченко. — Надо вам знать, что этот «валяд», хоть он еще молод, большой грешник. Он родился и вырос у нас в доме. Однажды он в гневе убил свою «омм[70]», а когда я хотел наказать его смертью, стал молить меня оставить его в живых и наложить на него любое покаяние. Я согласился, и он поклялся всюду следовать за мной; в наказание же он должен до самой смерти молчать, а говорить лишь тогда, когда я позволю. Сегодня годовщина его преступления. В этот день и всю последующую неделю ему не разрешено произносить ни слова.

Туземцы оставили Нестеренко в покое и с презрением отвернулись от него.

В разгар непринужденной беседы кто-то крикнул:

— Люди, не верьте им! Это же «румие»!

В первое мгновение все замолчали и уставились на чужаков. Вскоре раздался глухой ропот

---

[70] Примечания: 70
Мать

недовольства. Лосняченко выпрямился во весь рост и грозно вскричал:

— Румие? Мы румие? Мы куфар? О Аллах, ты слышишь, что здесь говорят, как нас оскорбляют? Слышишь ли ты? Нас, твоих верных слуг, посвятивших тебе свою жизнь, называют христианами? О Аллах! Отомсти за нашу обиду! Ниспошли на них «гебли[71]», ниспошли грозных «гарамие»! Пусть высохнут их пальмы, пусть издохнут их козы! О Аллах!

Продолжая стенать, он повернулся лицом в сторону востока, упал на колени, стал бить поклоны и, дергая себя за бороду, пронзительно кричать:

— О Аллах! Акбар Аллах! Ты слышал, какую нам нанесли обиду?

Рялдом отбивал поклоны Нестеренко. Когда он наклонился к земле, Лосняченко шепнул:

— Повторяйте за мной!

Услышав это, Нестеренко забыл о годовщине своего преступления и тонким голосом запищал во все горло:

— О Аллах! Акбар Аллах! На румие?! На румие?![72]

---

[71] Примечания: 71
Зараза

[72] Примечания: 72
Мы христиане?!

Лосняченко приник головой к земле, после встал и, будто успокоившись, сказал своему товарищу:

— Пойдем, Ага. Оставим этих негодяев. Пойдем к нашему «маркибу»; нам здесь нечего делать. Мы пошлем на них проклятие Аллаха. Пошлем на них врагов и дадим им европейское оружие, и от тех, кого мы считали «габаиб», и следа не останется. Их оазис мы сожжем, и через два дня «дубу[73]» будут грызть их кости, а «гава[74]» развеет пепел их домов по пустыне. Пойдем, мой верный Ага!

Взял Нестеренко за руку и пошел прочь.

Толпа зашевелилась. Послышался шепот, затем все более громкие восклицания. Как видно, туземцы испугались проклятий Лосняченко, в особенности угрозы вступить в союз с их врагами — и обратили свое негодование на виновника бедствия.

В конце концов несколько туземцев бросились вслед за уходящими чужеземцами и уговорили их вернуться. Примирение не заставило себя ждать.

Было уже далеко за полдень, когда Лосняченко

---

[73] Примечания: 73
Даб (множественное: дубу) — гиена.

[74] Примечания: 74
Ветер.

и Нестеренко вернулись к самолету.

X
Вода из скалы

В то время, как наши «дипломаты» завязывали сношения с туземцами и поджаривались на раскаленном песке под горячими лучами солнца, в гостиной самолета царила приятная прохлада. Окна и двери были плотно закрыты для защиты от жары и комаров, так и роившихся возле оазиса. Под потолком крутился мощный вентилятор. Под ним, в плоских сосудах, находился жидкий воздух; испаряясь, он охлаждал все помещения.

По возвращении дипломатов довольная компания села обедать. Договор Лосняченко с туземцами обеспечивал экспедиции безопасность, а также помощь в работе и охоте. Тибестинцы, как считали путешественники, с радостью будут им помогать — во-первых, в надежде на колодец, расширение своего оазиса и лучшее будущее, а во-вторых, в страхе перед угрозами Лосняченко. Европейское оружие всегда пугало этих полудикарей; кроме того, они прекрасно знали, что соседние племена не придется долго уговаривать напасть на оазис. Лосняченко, однако, предо-

стерегал товарищей от чрезмерного доверия к новым союзникам, ибо племена пустыни редко держат слово.

Путешественники пировали вволю. Кладовка «Орла» была богата всевозможными вкусными припасами, преимущественно консервами и другими продуктами, какие невозможно найти в пустыне. Все остальное они надеялись добыть на месте. В мясе недостатка не ожидалось. Неподалеку, в ближайшем сухом русле — «эннеди Вая», как называли его туземцы, — росли леса, где водилось много дичи: газели, антилопы и так далее. Среди участников экспедиции были хорошие охотники, к примеру, Коростель и оба врача, так что можно было ждать богатой добычи. Лосняченко надеялся также заручиться помощью туземных охотников.

Молока в оазисе тоже было с избытком. Овечье и козье молоко, правда, европей-цам кажется не очень-то вкусным, но в пустыне не до выбора. Путешественники хотели еще отведать верблюжьего молока, которое здесь считают деликатесом. Они задумали построить на каменном плато рядом с самолетом загон и купить в селении несколько овец и коз и одну верблюдицу. Тхор заранее радовался этому хозяйству.

В самолете имелся достаточный запас сахара, а соль в пустыне найти нетрудно. Туземные огороды давали хороший урожай; сбор фиников в июне и июле обещал сладкие плоды. Если же в Адуре фиников не хватит, их можно будет закупить в селениях побогаче.

Хуже всего дело обстояло с водой. Запасы минеральной и простой воды, привезенные с собой, были не бесконечны. Много воды уходило на мытье и научные эксперименты. Поэтому в первую очередь путешественники приступили к самому важному: устройству собственного колодца.

К этой работе Роздвянский подготовился еще перед вылетом, взяв с собой буровую установку.

Сразу же после обеда начали готовиться к бурению. Слушкевич решительно утверждал, что в окрестностях есть два водоносных слоя: поверхностный, на глубине максимум полутора-двух метров, и глубинный. Добраться до последнего будет нелегко — придется пробивать твердую скалу неизвестной толщины. Его мнение разделял и геолог Сегобочный, хотя опасения Слушкевича считал преувеличенными: геолог был убежден, что нижний пласт не может быть слишком твердым и представляет собой простой сланец.

Оба ученых отправились на осмотр местности.

От самолета двинулись на северо-восток. Здесь каменное плато кончалось, а поверхность его чуть наклонялась, образуя узкую и некогда, вероятно, достаточно глубокую долинку; теперь она была почти доверху занесена песком. К северу начиналось русло меньшей реки, «эннеди Габо», шедшее от гор до «эннеди Бардай». Русло в эту пору года было сухое, только поросло деревьями.

Профессора обошли все плато и, наконец, остановились на долинке. Далее требовалось соорудить помост и вышку. Для этого необходимо было много дерева, достать которое можно было лишь в лесу, а эта работа не обошлась бы без помощи туземцев. Лосняченко со своим оруженосцем снова пошел в селение на поиск лесорубов и верблюдов для перевозки срубленных деревьев, а остальные участники экспедиции принялись освобождать долинку от песка.

Некоторые направились в лес. Среди них был Коростель с неотступно следовавшим за ним молодым ассистентом, Федором Ткаченко, и второй врач, Хомец. Казалось, до балки, то есть «эннеди Габо», где виднелись верхушки деревьев, было не больше полумили, но дорога заняла добрых два часа. На жаре, бредя по песку, путешественники выбились из сил. Добравшись до первых

деревьев, они тотчас устроились на отдых в тени и одновременно стали рассматривать незнакомый лес.

Балка была довольно глубокой. Противоположный склон скрывали деревья. Очевидно, русло было также вполне широким — даже там, где деревья росли не так густо, путникам не удавалось разглядеть другой берег.

Они находились в небольшой пальмовой роще. Здесь росли дикие пальмы, донизу обросшие ветвями; они отличались от европейских декоративных пальм и деревьев оазиса не только видом, но и плодоносностью. Роща состояла из 100–200 пальм. Между деревьями росла трава, но и она не походила на европейскую: высокая, степная, с зернистыми колосками. Трава была серой, высохшей от солнца.

За пальмами виднелись различные виды акаций, главным образом мимоза, тальговое дерево, тамаринд и нильская акация. Судя по этой буйной растительности, почва была им по нраву; некоторые акации образовывали низкие, но густые и почти непроходимые кусты. Для пустыни подобное место было, конечно, исключительным.

Вниз по руслу растительность редела, сквозь деревья живописно просвечивали голые из-

ломанные откосы противоположного склона. Они свидетельствовали о колоссальной силе дождевых потоков, изредка, через длительные промежутки времени, заливавших балку.

Кругом было тихо; только ветер иногда шелестел ветвями деревьев и из пустыни доносился странный грохот — падали обломки скал, ставших хрупкими от солнца, ветра и влаги. Порой из зарослей слышались звериные голоса — вой гиены, рев льва или писк обезьян.

Нашими европейцами овладела сонливость. Коростель и Хомец уговаривали их не спать: спящий мог получить солнечный удар или пострадать от многочисленных здесь гадюк и скорпионов.

Но самый юный из путешественников, Ткаченко, не внял их совету. Сраженный, должно быть, богатством впечатлений, он уснул крепким сном. Все уже успели отдохнуть и взяться за работу, а он продолжал спать. Вдруг он вскрикнул и вскочил, схватившись обеими руками за правую ногу.

— Что случилось? — спросил перепуганный Коростель.

— Ай, больно, больно! — кричал Ткаченко.

Хомец подскочил к Ткаченко и сорвал с него одежду. На ноге виднелась ранка; заметив на

земле скорпиона, догадались о причине. Крошечный негодяй пытался спастись бегством. Кто-то бросил в скорпиона камень и раздавил его.

Хомец взялся за лечение. Рана была не очень опасна: в пустыне бывает мало случаев смерти от яда скорпиона, однако жало его причиняет сильную боль. Врач был готов к подобному приключению и имел при себе лекарства. Он с такой силой выдавил кровь из ранки, что больной завопил, а затем натер рану аммониаком и присыпал папиросным пеплом. Ткаченко получил также обезболивающую пилюлю.

Работу пришлось прервать — больного необходимо было отнести в самолет и уложить в постель. Вызвались Хомец и Грушко.

Оставшиеся начали осматривать деревья. Простукивали стволы пальм и обозначали годные зарубками; садовыми ножами очищали стволы от веток.

К вечеру на верблюдах приехали Лосняченко и Нестеренко в компании нескольких туземцев. Они несли пилы, топоры и длинные канаты, сплетенные из пальмового лыка. Сейчас же приступили к работе, хоть туземцам и было жаль рубить такие красивые деревья. Лосняченко стал их убеждать, что иначе «бор» в скале не

провертеть; когда и это не помогло, он прибег к энергичному приказанию.

Два лесоруба подрубали каждое дерево с двух сторон, врезаясь с одной стороны глубже; одновременно двое других тянули за веревку, привязанную к верхней части ствола. Работа спорилась, и деревья одно за другим ложились на землю.

Возвращались в темноте. Луна освещала окрестности бледным светом. Срубленные деревья привязывали по одному между двух верблюдов, так что концы пальм волочились по земле. На спинах верблюдов сидели европейцы, навьючив на животных также пилы и топоры. Туземцы шли пешком.

Европейцы дивились лунной ночи в Сахаре. Острый серп месяца низко повис в западной части небосклона. Над ним ярко светила прекрасная вечерняя звезда, словно оттеняя все вокруг. Небо было усеяно крупными, сияющими звездами, каких им еще не доводилось видеть. В свете луны песок приобрел необычайный, серебристо-зеленый цвет; осколки кремня блестели, как алмазы. Чудилось, что вся мертвая страна, все это окаменевшее волнующееся море оживает, песчаные холмы и дюны приходят в движение

и то приближаются, то снова убегают. Широкие песчаные гряды на затененной стороне чернели, как бездонная пропасть, и всякий маленький каменный зубец, совершенно незаметный днем в каменном море, отбрасывал теперь длинную темную тень, похожую на распростертого черного великана.

Царила полная тишина — слышно было биение собственной крови да хрустел под ногами людей и верблюдов песок. Никто не осмеливался ни единым словом нарушить торжественное молчание ночи. Лишь изредка слышался странный треск крошащихся скал и голоса пустынных зверей.

Трехчасовая езда на верблюдах порядком измотала непривычных к такому транспорту путешественников; вдобавок они хорошенько замерзли — ночи в этих краях, даже в самое жаркое лето, бывают чрезвычайно холодными, что свойственно континентальному климату.

В самолете было тихо и темно. Распрощались с туземцами, и Лосняченко велел подсобным рабочим явиться чуть свет. Предстояла новая задача: бурение колодца.

Путники вошли в самолет. Некоторые их товарищи уже спали. Рядом с больным Ткаченко сидел Хомец и накладывал на рану какую-то мазь. Бедняга Ткаченко метался в горячке, бредил и стонал от боли. Коростель подошел и стал расспрашивать врача о состоянии больного. Хомец успокоил его: опасности нет, но молодому ученому придется некоторое время провести в постели.

Пока партия работала в лесу, Роздвянский

готовился к ночлегу. Самолет мог защитить участников экспедиции от нападения туземцев или бродячих разбойников, но сам аэроплан нельзя было оставлять без присмотра. Какой-нибудь злоумышленник мог повредить колеса и это затруднило бы старт — а «Орел» должен быть готов к вылету в любую минуту. Не желая выставлять часовых и принуждать их мерзнуть всю ночь под открытым небом, Роздвянский придумал выход. Все каменное плато он опутал проводами; если кто-либо наступал на провод, в аэроплане раздавался сигнальный звонок. Провода окружали самолет в несколько рядов и человек, не знавший о них, непременно выдал бы себя. Кроме того, на «Орле» имелся опытный сторож — пес Бублик, а Лосняченко предупредил туземцев, что любого, кто приблизится ночью к аэроплану, европейцы могут застрелить.

Таким образом, можно было надеяться, что первая ночь в пустыне пройдет спокойно. Все легли спать. Не спали только Ткаченко и дежуривший у его постели фельдшер.

***

Роздвянский разбудил всех на рассвете: лучше было работать в утренней прохладе, чем после

страдать от жары. В утешение сказал, что они смогут вдоволь отоспаться, когда закончат самую важную часть работы.

Все вышли из самолета встречать восход солнца в пустыне. Солнечный диск с неожиданной быстротой выкатился из-за песчаного горизонта. Яркий круг полыхал жаром, хотя стоял еще низко. Воздух оставался прохладным, и песок под ногами не успел нагреться.

Оставалось созвать туземцев. Один из пилотов поднялся на террасу и заиграл на механической сирене. В оазисе началось замешательство: такой музыки туземцы никогда не слышали. Все селение опрометью бросилось к самолету. Тем временем наши путешественники двинулись к месту работ.

Долинка, где еще вчера выкопали глубокую яму, находилась не далее чем в 50 шагах от самолета. Место вполне годилось для колодца. Здесь уже лежали пальмы, привезенные накануне из леса.

Главные специалисты по бурению, механик Яворенко и пилот Корченко, сразу приступили к строительству вышки. В углублениях по четырем углам расчищенной квадратной площадки наклонно укрепили самые длинные стволы; вер-

хушки пальм почти соприкасались.

Тем временем вокруг собралась толпа жителей Адура. Туземцы сгорали от любопытства и скорее мешали, чем помогали. Лосняченко отобрал полтора десятка наиболее крепких мужчин, а остальных с трудом разогнал по домам. Рабочие едва ли могли помочь с постройкой башни; поэтому им было велено распиливать пальмовые стволы и ставить забор.

Но и здесь возникли новые трудности: туземцы, незнакомые с такой работой, не понимали, что хотят от них европейцы, а ученый филолог Лосняченко не знал, как им толком это объяснить.

Работали до самого полудня тремя группами: одни возводили вышку, другие устанавливали забор и строили хлев для скота, третьи в некотором отдалении от вышки копали большой резервуар для воды.

Около полудня работа была прервана до вечера. Свободное время европейцы провели в самолете, а туземцы под вышкой. Их накормили европейским обедом; и хотя туземцам не все одинаково понравилось, эти живущие впроголодь люди из племени теда[75] съели все и даже пальцы

[75] Примечания: 75

Тубу (тиббу) подразделяются на две группы: теда, живущие в основном в Сахаре, и даза (Прим. перев.).

облизали.

***

Вечером работа продолжилась, и вскоре вышка была готова. Ее обили со всех сторон антолевой жестью, оставив только прорези для окон и двери.

После захода солнца началось бурение. Моторный бур был очень остроумно устроен. Он крепился на конце антолевой трубы и выдавался из нее широкой головкой; в трубе находился малый радиомотор, вращавший бур вокруг вертикальной оси. Чуть расширенный на конце наконечник был изготовлен из самой прочной стали. Труба с радиомотором проходила внутри второй, шире диаметром, та — внутри третьей и т. д. По мере того, как бур пробивал отверстие и углублялся в него, автоматически выдвигалась следующая часть составной трубы; затем можно было использовать новую серию труб и тем самым пробурить колодец произвольной глубины.

Над трубой располагался гнет — широкая емкость, нагруженная камнями; она увеличивала давление бура на скалу. В случае необходимости этот груз, с помощью отдельного мотора, подтягивался на крепких канатах под самый верх

вышки.

Благодаря быстрому вращению бура возникал сильный ток воздуха, направлявший внутрь трубы осколки камней. Вентиляторы поднимали их наверх и выбрасывали наружу через широкий проем.

Каждые несколько минут мотор останавливался и бур поднимали; делалось это для охлаждения и проверки наконечника. Затупившийся наконечник заменяли новым, а старый тем временем вновь готовили к работе в самолетной мастерской.

Вскоре после того, как началось бурение, из трубы вместе с землей и камнями показалась мокрая грязь — бур дошел до первого, поверхностного слоя воды. В ту же минуту бурение было прекращено, трубы вытащены наверх, и все принялись рыть колодезную шахту. Через несколько часов удалось зачерпнуть первое ведро мутной, теплой воды. В скором времени вода отстоялась, но оказалась непригодна для питья по причине горько-соленого вкуса. Химики и повар начали кипятить и дистиллировать воду, чтобы проверить, не пригодится ли она в будущем, если не удастся найти глубинный слой более чистой воды.

Вновь начали бурить. Трубы ушли во влажную жижу, и бур быстро погрузился в землю. Затем, однако, погружение остановилось и бур начал крутиться на одном месте, не подвигаясь ни на сантиметр вперед. Слушкевич и Сегобочный заспорили, что за порода препятствует работе: древний гранит или сформировавшийся позднее базальт. Но эту загадку невозможно было разгадать, пока с глубины свыше ста метров не были выброшены первые каменные обломки.

Наступила ночь. Луна светила ярко, но этого было недостаточно, и поэтому на вышке подвесили электрическую лампу. Лосняченко отпустил туземцев в оазис — работы для них не было. Несколько часов спустя бур наконец пробил двухметровый пласт, однако наконечник оказался поврежден. Слушкевич торжествовал: это был чрезвычайно твердый гранит.

Установили новый наконечник и стали бурить дальше. Тем временем Роздвянский, Яворенко и Стопескул пытались привести в порядок поврежденную деталь.

Из-за жары работать можно было только утром и по ночам. За первым пластом гранита снова последовала мягкая земля, но воды по-прежнему не было. Вскоре наткнулись на следующий пласт

твердого камня и стали с еще большим трудом пробиваться вниз.

В бурильных работах принимали участие только механики и пилоты. Остальные путешественники были свободны. Вместе с туземцами они начали строить хлев для скота. Неподалеку от самолета вкопали в песок стволы, обозначив большой прямоугольник, после сплели из пальмовых ветвей, по местному обычаю, стены и крышу. Над циновками трудилось все туземное селение; но туземцы были так ленивы, что Лосняченко то и дело грозился уговорить «румие» перебраться на другое место, оставив селение без колодца.

Такие же циновки Роздвянский велел подложить под колеса, чтобы те не пострадали от ежедневно раскалявшихся и обжигавших, как огонь, камней.

***

Путешественники впали в отчаяние, потеряв надежду добраться до глубинного слоя воды. Последний запасной наконечник застрял на глубине свыше 600 метров. Вода из первого, поверхностного слоя просачивалась в яму и только затрудняла работу.

Все собрались на совещание и постановили прекратить бурение. Один Слушкевич настаивал, что следует бурить дальше, но с ним никто не согласился. Стали советоваться, как использовать поверхностную воду, и решили прежде всего ее откачать, а затем заняться поисками воды в другом месте. Запустили моторную помпу — и теплая, горько-соленая вода потекла бесполезным потоком. Ее перекачивали в резервуар самолета, чтобы там на протяжении ночи дистиллировать и сделать хоть немного пригодной для питья.

Слушкевич ходил насупленный и злой, ворчал и со всеми ругался. Его оставили в покое, и каждый занялся своим делом. Слушкевич отозвал в сторонку Яворенко и Корченко, главных знатоков бурильного дела, и что-то им долго втолковывал. Они согласились продолжать бурение, пока не сломается последний наконечник. По недосмотру они забыли, однако, подтянуть вверх бур с грузом, как делалось всегда во время остановки работ.

***

Среди ночи Роздвянский проснулся. Шторы были приподняты, и лунный свет довольно ярко освещал спальню. Роздвянскому показалось, что

его разбудил какой-то глухой рокот, похожий на раскат грома или далекий пушечный выстрел. Сел на постели и стал прислушиваться. Кругом было тихо. В этот момент зашевелился на своей койке Лосняченко, и Роздвянский спросил, не слышал ли он выстрела.

Оба торопливо поднялись на террасу. Везде было спокойно, лишь полная луна лила свой свет на зачарованную страну. Они не заметили ничего особенного и уже собрались спуститься вниз, как вдруг услышали что-то напоминавшее отдаленный плеск воды. Посмотрели в сторону вышки, но под ней лежала густая тень, не позволявшая ничего разглядеть. Роздвянский и Лосняченко спустились, вышли из самолета и приблизились к вышке. Здесь уже определенно слышался плеск воды, поднимавшейся под давлением из недр земли.

Заглянули внутрь вышки и увидели нечто странное. Все пространство между столбами было залито водой, которая с огромной силой тонкими струйками вырывалась из-под земли. Но напор воды словно что-то сдерживало. Что за чудо?

Роздвянский с минуту постоял и, не найдя ответа, побежал в самолет и разбудил Слушкевича.

— Слушай, показалась вода! Вставай!

— Иди к черту! Отцепись! — спросонья пробормотал Слушкевич.

— Да послушай! Мы добрались до воды!

— Что? Вода? Где вода? — радостно закричал Слушкевич, разбудив всех.

В спальне поднялась суматоха. Все вскакивали и стремглав мчались к вышке; даже Ткаченко, еще не совсем оправившийся, бросился к месту работ.

При свете лампы, висевшей на вышке, открылась удивительная картина. Из-под земли вырывалась вода и грозно бурлила, словно сражаясь с какой-то могущественной силой. Исчез ящик с камнями, стоявший вчера в двух метрах над землей, не было видно и торчавших из отверстия труб и только натянутые канаты, удерживавшие гнет, уходили в воду и дрожали от напряжения. Никто не мог понять, в чем дело. Наконец Слушкевич воскликнул:

— Почему все застыли, как статуи? За работу! Что тут непонятного? Вчера, когда вы прекратили работу, до воды оставался какой-нибудь миллиметр. Перемычка уже начала поддаваться благодаря тряске и ударам бура. А когда вы по невнимательности забыли подтянуть бур вверх, перемычка не выдержала тяжести и просела, как

тонкий лед под санями. Бур провалился вниз, гнет оказался в этой кротовой яме, и воде некуда вытекать. Понимаете?

Слушкевич праздновал победу. Бегал вокруг, радостно потирал руки и трепал по плечу то одного, то другого.

— Вот и вся ваша техника, философия и знания. Я один знал, что вода там есть, а вы меня за дурака держали! То-то теперь стоите, как каменные столбы… Шевелитесь! За работу! Прежде всего, нужно извлечь бур и гнет.

Люди, до сих пор в изумлении стоявшие у отверстия, задвигались. Механик запустил радиомотор, но бур так и не показался из воды — лишь до предела напряглись и вдруг с хрустом порвались канаты.

Люди беспомощно переглядывались. Слушкевич распорядился:

— Выбросьте камни, чтобы можно было извлечь гнет!

В воду никто не торопился. Слушкевич снова начал ругаться:

— Рукавичка, разогрей-ка самовар и налей сюда кипятка — наши принцы боятся холодной ванны. А ну-ка, Грушко, Тхор, Яворенко, в воду! Сколько раз вам еще повторять?! И у тебя, ясновельмож-

ный пан атаман, корона с головы не слетит, если немного искупаешься!

Первым послушался Тхор. Разделся и, лязгая зубами, прыгнул в воду. Погрузился выше пояса, прежде чем нащупал ногами гнет. Тогда, окунаясь с головой, принялся доставать камни. Его примеру последовали Грушко, Яворенко и Стопескул, и вскоре четыре голые фигуры копошились среди ночи в холодной воде.

— Нам бы днем, когда жарко, такую работу! — заметил Тхор.

Хомец, беспокоившийся о здоровье товарищей, через четверть часа велел им вернуться в самолет и приказал Рукавичке напоить их горячим чаем.

Следующим решился принять холодную ванну Павлюк; однако он, по совету Роздвянского, только привязал к ящику с камнями оборванные канаты. Внутри оставалось уже не так камней, и после короткого подергивания мотор вырвал ящик из плена вязкой грязи. Мощная струя воды мгновенно подбросила его вверх, разлетелась над вышкой и обдала брызгами всех стоявших вокруг. Люди отскочили, смеясь.

Теперь нужно было поднять бур, что также потребовало немалого труда — вода била в лицо и заливала глаза. Никто не понимал, как подсту-

питься к дальнейшей работе: необходимо было подвести трубы и устроить хотя бы примитивный водопровод. Неприятный холод, воцарившийся перед рассветом, заставил путешественников окончательно прервать работу, несмотря на все протесты Слушкевича; продолжать решили в дневные часы.

К утру в долине, где стояла вышка, появился обширный пруд. Работать было очень трудно. К тому же вода подмыла столбы, вышка сильно накренилась и грозила рухнуть в любую минуту. Путешественники решили в первую очередь разобрать вышку, но успели только сбросить поперечины и вынуждены были спасаться бегством: столбы сами попадали в воду. Пришлось их зацепить и вытягивать канатами.

Вода била из земли струей, поднимавшейся выше самолета, рассыпалась во все стороны мелким дождем и разливалась широкими потоками.

В широкое отверстие пропустили трубу, которая упиралась в стенки первого пласта твердой породы и поднималась на метр над уровнем воды в пруду; к ней наискосок подсоединили вторую, отводившую воду в сторону.

Больше всех радовались колодцу туземцы: они сейчас же сбежались и глазели на невиданный

водопад.

Далее требовалось устроить подобие сруба, но для этого прежде всего было необходимо откачать воду из пруда и закрепить трубу, чтобы напор воды не выбил ее из отверстия. Ни о какой облицовке не могло быть и речи — в окрестностях не было другого камня, помимо песчаника; извести не нашли ни крошки. Поэтому трубу только пропустили во вторую, более широкую, засыпали промежуток камнями и песком и залили расплавленным свинцом, прикрепив таким образом сверху металлический лист.

На листе поместили толстую и тяжелую металлическую крышку с несколькими отверстиями, откуда вода могла вытекать через соответствующие краны. На самом верху крышки была расположена труба, которая шла к самолету и исчезала внутри.

Из кранов постоянно поступала вода, которой Лосняченко щедро поделился с туземцами; в благодарность, однако, им пришлось пообещать в любое время оказывать помощь европейцам.

Туземцы благословляли Аллаха, пославшего им добрых гостей, которые сумели добыть «мое» из скалы; а когда через два дня все вокруг колодца зазеленело и сквозь прежде мертвый песок

пробилась трава, они сочли это знаком особой божьей милости.

XI
Сахара — враг европейцев

Участники экспедиции разделились на две группы: «научную комиссию» во главе с Роздвянским, включавшую всех профессоров и их ассистентов, и «хозяйственный комитет», куда вошли все остальные.

«Научная комиссия» немедленно приступила к работе. На террасе самолета установили необходимые для радионации металлов аппараты. На большом столе разместились «радионационные линзы»; они автоматически поворачивались, оставаясь всегда в наиболее выгодном положении относительно солнца.

После нескольких проб работа стала продвигаться с большим успехом; Роздвянский и его ассистенты днями и ночами просиживали в лаборатории и каждый вечер ставили все новые опыты над радионированными металлами. Условия позволяли производить радионацию на протяжении не менее 10 часов в день, и Роздвянский радовался, что может наилучшим образом использовать энергию солнца.

Когда была найдена самая действенная формула радионации, собственно научная работа прекратилась. Теперь речь шла лишь о получении как можно большего количества радионатов. Дежурства распределили так, что каждое утро кто-нибудь один устанавливал приборы, а вечером относил готовые радионаты на склад в хвосте самолета, где радионаты охлаждал жидкий воздух.

К этой же группе присоединился и новый участник экспедиции, Стопескул, который обнаружил незаурядный талант к подобной работе и погрузился в нее с таким рвением, что все не замедлили это отметить.

Тем временем другие ученые занимались собственными исследованиями и сбором научных материалов. Коростель и его молодой ассистент Ткаченко бродили по лесу и собирали различные растения, Слушкевич и Сегобочный закладывали в скалах шурфы и приносили в самолет груды камней. Они не расставались ни на час, хотя оба были заядлыми спорщиками, а крикливый Слушкевич вдобавок беспрестанно ругался. Археологи, Василенко и Гучко, рылись в песке — но, к сожалению, не находили никаких следов древней культуры. Вечно недовольный Василенко

попрекал Роднянского, выбравшего такое неудачное место для стоянки; однако же археологи не находили в себе смелости отойти от самолета и углубиться в пустыню. Наконец, Лосняченко и врачи каждый день посещали оазис Адур. Лосняченко рассказывал туземцам всевозможные чудесные истории, читал и толковал Коран, а врачи изучали жизнь местного населения. Все трое пришлись туземцам по душе: Лосняченко был несравненным проповедником учения Магомета, а Хомец приобрел славу чудотворца, когда начал лечить глазные болезни, вызванные ярким солнечным светом. Даже Нестеренко, то есть невольник Ага, в конце концов заслужил симпатии туземцев, невзирая на свой страшный грех — убийство матери: он умело вправил вывихнутую ногу одного из тедийцев.

После научных трудов все они совместно участвовали в хозяйственных работах, помогая другим членам экспедиции.

Тхор, Грушко и Павлюк проявили себя мастерами домашнего хозяйства. Они достроили хлев и при содействии Лосняченко без труда приобрели живой инвентарь: целое стадо коз и овец и двух молочных верблюдиц.

Животных каждый день гоняли на пастбище у

колодца. Зелень быстро росла под воздействием чудотворной воды. Достаточно было только с вечера полить участок, и к утру всходила буйная поросль травы, которую днем выжигало солнце.

Путешественники часто ходили с туземцами на охоту. В лесу «эннеди Вая» водилось много зверей, и они всякий раз возвращались с богатой добычей.

Тхор, любивший огородничать, попытался было завести огород яровых; но на каменном плато, в отличие от оазиса, не было тени и солнце сжигало нежные всходы. Он посадил кое-какие растения в оазисе и довольствовался тем, что густо насадил пальмы вокруг самолета, по краям каменного плато.

Для удобства сообщения Роздвянский с помощью техников собрал два маленьких самолета, привезенных в разобранном виде на «Орле»: уже знакомый нам самолетик-лодку и второй побольше, рассчитанный на четырех человек и приспособленный к полетам в пустыне. Он не нуждался в большом разбеге, что позволяло взлетать и садиться практически на любом ровном участке. Оба самолета пригодились для охоты: чуткие и пугливые лесные звери, завидев небывалых птиц, останавливались как вкопанные и

подставляли себя под выстрел.

Несколько дней спустя Роздвянский, Коростель, Лосняченко и Нестеренко отправились в Бардай, столицу Тибести, собираясь нанести визит тамошней европейской колонии: представителям французского правительства и обществу владельцев большого пансиона «Лероп», предназначенного для европейских путешественников. Лосняченко и Нестеренко вылетели, разумеется, в своих экзотических одеждах, чтобы не вызвать у туземцев никаких подозрений.

Городок Бардай, благодаря особой опеке французского «Союза развития Сахары», в последние годы очень изменился. Был выстроен целый европейский квартал с широкими бульварами и площадями, а Каирский университет основал здесь специальный «Институт изучения Сахары».

Наши ученые провели в городе несколько часов и поздно вечером неохотно расстались с новыми знакомыми, пригласив их к себе.

Ответный визит французов вскоре состоялся. Однажды утром путешественники увидели, что издали, со стороны Адура, приближается караван, состоящий из нескольких верблюдов; на них ехали бардайские европейцы, а рядом бежали

погонщики.

Французы не скрывали удивления при виде необычайного самолета. Их было шестеро: французский наместник с секретарем, директор пансиона «Лероп» и три профессора из «Института изучения Сахары». Гостей принимали радушно, а когда они вечером собрались уезжать, Роздвянский предложил им заночевать.

Стояла темная, звездная ночь; все долго беседовали и легли спать совсем поздно. Роздвянский проснулся, когда солнце уже встало — ему почудилось, что в самолете зазвенел сигнальный звонок, а собака заворчала. Вскочил на ноги и совершенно отчетливо услышал, что кто-то колотит по колесной раме. Выбежал на террасу: под аэропланом стояли несколько туземцев, которые что-то кричали и размахивали руками, показывая в сторону оазиса. Роздвянский, ничего не понимая, позвал Лосняченко; тот с трудом разобрал, что на оазис напали «гарамие», жгут дома и убивают людей. Разбойники знают, где находится аэроплан, и собираются устроить «рацию» (нападение). Сами туземцы прибежали с просьбой о помощи.

Из оазиса доносились крики. Кровавое зарево на небе указывало, что разбойники подожгли

село. Было очевидно, что непрошеные гости появятся с минуты на минуту; приходилось думать о собственном спасении, ибо помочь оазису было невозможно.

Все мигом собрались на совещание, но никто не знал, что делать. Нашелся один Стопескул. Он заявил, что нужно немедленно готовиться к обороне, иначе будет поздно.

— Я советую выдвинуться шагов на 100–200 с пулеметом. Надеюсь, такая встреча разгонит негодяев или, по крайней мере, охладит их военный пыл. Какие у нас запасы оружия и амуниции?

— Кроме пулемета с несколькими лентами патронов, есть еще шесть винтовок и несколько револьверов, — ответил Роздвянский. — Амуниции достаточно, учитывая отведенную для охоты.

— Хорошо, — сказал Стопескул, — этого должно хватить. Но кто пойдет с пулеметом?

Все молчали; наконец, Стопескул сам вызвался добровольцем и позвал с собой Грушко. Перед уходом он изложил план обороны:

— Я почти уверен, что пулемет сделает свое дело, однако вы должны быть готовы к любым неожиданностям. Если разбойники подберутся к самолету, ваше положение сильно осложнится.

Поэтому я советую укрепиться за живой изгородью и стрелять оттуда, сделав ее второй линией обороны. Но прежде всего следует выслать разведчиков и хотя бы примерно установить, какими силами располагает враг — от наших перепуганных союзников толку не добьешься. Прощайте!

Стопескул и Грушко ушли. В аэроплане вновь стали советоваться: опасно было выдвигаться ночью навстречу неизвестности. В конце концов решили лететь на малом самолете. Полетели Коростель, Слушкевич и один из французов, за руль сел Нестеренко. С собой взяли револьверы и осветительные ракеты. Вскоре оказались над оазисом, превратившимся в пожарище. Несколько хижин горели, а рядом с ними происходили страшные сцены: дикие разбойники в звериных шкурах закалывали адурийцев кинжалами или резали ножами. Другие грабили хижины несчастных и уносили добычу, в особенности последние крохи съестного. Туземцы отчаянно защищались, но спросонья не могли оказать захватчикам серьезное сопротивление: они были застигнуты врасплох и не подготовились к обороне.

Верблюды ревели и убегали от огня; нападавшие ловили их и присоединяли к своим «мегерие». Верблюды разбойников спокойно пас-

лись поодаль — они были приучены оставаться на месте.

Наши разведчики ужаснулись, насчитав до 200 разбойников. Они не знали, что делать: открыть огонь или подождать и подпустить врагов под пулемет. К тому же при стрельбе можно было убить или ранить и адурийцев, которые перемешались с дикарями в упорном бою на ножах.

Решили возвращаться, но в этот миг француз, намеренно или невольно, выпустил осветительную ракету. Яркая вспышка привлекла внимание разбойников, и те принялись палить вверх из винтовок и луков. Ракета еще не успела погаснуть, как в воздухе просвистела стрела и впилась французу в висок. Надежды спасти его не было. Не зная, что произошло, Нестеренко продолжал проклинать француза, так неосторожно выдавшего разведчиков, а тот уже понес наказание за свою неосмотрительность — яд отравленной стрелы убил его за несколько минут. Самолет поднялся выше и быстро скрылся от стрел и пуль.

Светало; пожар разгорался — похоже, враги намеревались сжечь все селение. Самолет опустился близ пулеметного гнезда и разведчики рассказали обо всем, что видели. Пулемет стоял на холмике посреди плато и прятался в неболь-

шом окопе, а спереди был насыпан защитный вал из песка и камней. В том же окопе сидели Стопескул и Грушко. Выслушав разведчиков, они велели им немедленно улетать — приближались вражеские всадники. Самолет взлетел, и пулеметчики открыли огонь.

Неожиданный обстрел вызвал замешательство в рядах врага. Несколько верблюдов упали на землю, всадники покатились по песку — «мегерие» летели с бешеной скоростью. Раздались крики людей и рев верблюдов, и вдруг вся разбойничья ватага куда-то исчезла.

Удивленные пулеметчики неосторожно выбрались из окопа, чтобы получше разглядеть поле боя. Врагов не было видно, лишь несколько верблюдов дергались в предсмертных судорогах и ревели от боли. Рядом виднелось несколько мертвых человеческих тел. Едва пулеметчики огляделись, как Грушко внезапно вскрикнул и упал. Стопескул бросился к нему и увидел, что его лицо залито кровью, а из щеки торчит стрела. Должно быть, она была отравлена, так как бедняга Грушко умер на месте.

Стопескул не стал задерживаться у тела убитого товарища. Он спрятался в окоп и, чуть высунувшись из-за вала, начал осматривать местность.

Вскоре он понял, что враги обошли холмик с двух сторон и, прячась за скалами, приближаются к аэроплану. Он не знал, сможет ли оставшийся у аэроплана отряд достойно их встретить. При мысли о судьбе экспедиции Стопескула объял ужас, но одновременно родилась другая, подлая мысль, вызвавшая тихую радость: смерть товарищей покончит со всеми препятствиями к осуществлению его планов. Однако страх победил — Стопескул осознал, что никогда не сможет вернуться назад, если разбойники уничтожат аэроплан. Он не терял надежды, что подходящая возможность достичь цели еще представится, а пока что решил прийти на помощь соратникам по экспедиции.

Будучи уверен, что никто из нападавших не справится с пулеметом, Стопескул оставил оружие в окопчике и направился к оазису. Он рассчитывал найти там подмогу, но пришлось вернуться — разбойники оставили в оазисе отряд, сторживший пленников и добычу. Прячась в расселинах, Стопескул скорее дополз, чем добежал до аэроплана.

Гарнизон «Орла» был в очень затруднительном положении. Нападавшие подобрались под самолет и стреляли вверх. Участники экспедиции,

вовремя скрывшиеся в аэроплане, отстреливались. Разбойники пытались взобраться по колесной раме; перенеся весь огонь на один участок, они вот-вот могли разрушить стенку и взять крепость приступом.

Нужно было что-то делать. Стопескул остался один и был безоружен. К счастью, враги, занятые штурмом аэроплана, его не заметили.

Он спустился в долинку за колодцем, где разбойники оставили своих верблюдов, спутал животным ноги и крепко привязал поводья к хвостам; распутывать верблюдов пришлось бы долго. Затем подскочил к колодцу и с некоторым трудом сорвал верхнюю трубу, шедшую к аэроплану, закрыл все краны и, когда воды набралось достаточно, пустил на нападавших сильную струю.

Последствия были самыми неожиданными. Захватчики смешались и не знали, что делать; такого холодного душа они еще не видывали. Стопескул немилосердно поливал их водой, а сам спрятался за колодец. Разбойникам оставалось только рассудить, что произошло какое-то чудо. Побросав оружие на землю, они пустились наутек. Многие дикари были убиты огнем из самолета. Остальные бросились к верблюдам и

нашли их связанными; пока они распутывали веревки, путешественники их настигли.

Немногочисленные оставшиеся в живых разбойники кинулись бежать. По пути беглецы наткнулись на пулемет и хотели забрать его с собой, но не сумели с ним справиться и бросили незнакомое оружие. Тем временем подоспели европейцы и открыли шквальный огонь, убив еще нескольких разбойников.

Туземцы, прятавшиеся в самолете, развязали верблюдов и погнались за беглецами в направлении оазиса. Разбойничья охрана приняла их за возвращавшихся с победой товарищей и была очень удивлена приветственной очередью из пулемета. Оставив всю добычу, дикари на нескольких верблюдах помчались в пустыню. Из всей разбойничьей шайки спаслась лишь горстка людей.

Сражение закончилось около полудня. Когда европейцы въехали в селение, глазам их предстало печальное зрелище. Десятки хижин были сожжены дотла и превращены в дымящиеся пепелища. Вокруг лежали трупы туземцев. Кое-где слышались крики и стоны раненых разбойников; туземцы безжалостно их добивали.

Выжили лишь немногие жители оазиса. Они

убежали из селения и спрятались в балке; нужно было их собрать, заверив, что опасность миновала.

Добыча в основном осталась на месте. В качестве военных трофеев адурийцам достались еще и несколько разбойничьих верблюдов.

Экспедиция понесла в этой битве еще одну потерю. Василенко, который остался на террасе и вел огонь оттуда, был ранен стрелой в грудь. В сумятице боя его крики никто не услышал. Прежде, чем потерять сознание, он нашел в себе силы выдавить кровь из раны. Когда его нашли, он лежал на террасе как мертвый, ослабев от потери крови. Раненого снесли вниз, однако врачи не питали ни малейшей надежды, что он выживет.

Обоих павших — Грушко и француза — похоронили в гробах, склепанных из антолевой жести, в балке «эннеди Габо». Их смерть надолго омрачила настроение участников экспедиции.

После похорон французские гости возвратились в Бардай.

Погибших туземцев нужно было немедленно похоронить, чтобы зловоние их трупов не отравляло воздух; существовала и опасность, что мухи и прочие насекомые разнесут трупный яд. Адурийцы стали возражать, настаивая, что сперва

необходимо провести все погребальные обряды. Действовать пришлось силой и хитростью; погибших похоронили ночью в братской могиле, вырытой в балке.

Грустили и адурийцы — многие жители селения погибли, включая марабута Али Бен-Сиди и шейх эль-беледа. Не обрадовал туземцев даже пир из мяса убитых вражеских верблюдов.

После нападения разбойников почти все научные работы свернули. Прекратились ботанические и зоологические экскурсии и археологические раскопки, и только радионаторы работали с удвоенной энергией. Но беда заметно сплотила европейцев и адурийцев. Остававшиеся без дела участники экспедиции охотно помогали туземцам восстанавливать сожженные хижины. Через какое-то время оазис приобрел более европейский вид: улицы стали шире и прямее, хижины — светлее и просторней. Туземцы теперь во всем слушались Лосняченко, которого по смерти шейх эль-беледа избрали главой общины как «самого умного и достойного из всех живущих мусульман». Его уговаривали поселиться в оазисе и посвятить остаток дней служению Аллаху, но Лосняченко день ото дня откладывал решение, поясняя, что сперва хотел бы отстроить селение.

***

Однажды вечером небо над оазисом Адур потемнело и приобрело темнокрасный цвет. Слушкевич объяснил, что приближается страшный ураган, самум, называемый туземцами «гебли». Хотя здесь, на возвышенности, самум менее грозен, чем на равнинах, «гебли» способен был причинить немалые неприятности. Все щели и отверстия в аэроплане законопатили, в хвостовом отсеке разместили несколько ягнят и козлят, которые могли погибнуть во время бури. Остальной скот предоставили собственной судьбе. За верблюдиц не беспокоились — эти животные умеют о себе позаботиться.

Главную опасность для «Орла» представляли крылья: ветер, вцепившись в эти гигантские лопасти, закрутил бы самолет, как мельничное колесо. Обшивку с крыльев поспешно сняли, оставив лишь голый каркас. Колеса обложили грудами камней. В крайнем случае предполагалось также запустить все гиростаты.

К счастью, ночь прошла спокойно, но в воздухе чувствовалась страшная духота.

Солнце взошло рано и освещало плато темно-желтым светом. Все сидели в самолете; только

Тхор вышел, завел своих подопечных в хлев и наполнил все поилки водой, опасаясь, что буря разрушит водопровод.

Внезапно вокруг стало темно, почти как ночью. Вскоре аэроплан задрожал под сильными ударами ветра. Тучи песка неслись, закрывая солнце. Грозный ветер все крепчал; казалось, «Орел» не выстоит и, того и гляди, перевернется набок. Тогда разом загудели все гиростаты и аэроплану словно полегчало.

Ураган длился недолго. Через какие-то полчаса вихрь начал стихать, а на стеклянные стены упали крупные капли дождя. После снова наступила тишина и засветило солнце. Слушкевич заметил, что самум оказался на сей раз сравнительно слабым.

Путешественники вышли из самолета и сразу увидели, какие разрушения причинил этот «слабый» ураган их хозяйству. Труба колодца была вывернута, вода снова била вверх высокой струей, резервуар был почти доверху засыпан песком. Ветер развалил хлев и разогнал скот. Обе верблюдицы до сих пор лежали на земле, вытянув головы, а овцы и козы разбежались и искали защиты под живой изгородью.

Пришлось заново ладить колодец и отстра-

ивать хлев; в этой работе путешественникам помогали адурийцы.

***

Не прошло и нескольких дней, как наши европейцы пережили новое приключение. В тот день за радионацию отвечал Стопескул. Вышло так, что все разошлись по своим делам, за исключением повара Рукавички, которому был поручен уход за умирающим Василенко. Даже Роздвянский, очень не любивший оставлять свой аэроплан, куда-то отлучился.

Роздвянский вернулся первым, под вечер, и с удивлением увидел, что «Орел» пуст. Не было ни Стопескула, ни Рукавички. Лишь профессор Василенко смотрел на него широко открытыми глазами и с видимым усилием протягивал к нему руку. Роздвянский понял, что кризис миновал и Василенко выжил, вопреки всем опасениям врачей.

Радость Роздвянского смешивалась с тревогой: непонятно было, куда подевался Стопескул. Он вышел на террасу — и ужаснулся: два лучших радионационных аппарата были разобраны, их линзы исчезли…

Тем временем собрались остальные и стали

допытываться, кто улетел на малом самолете. Самолет видели над балкой, в кабине сидели двое. И действительно, малого самолета не было. Стопескул и Рукавичка, которые в последние дни часто о чем-то шептались, бежали, похитив самолет и линзы двух радионационных приборов…

Все очень разволновались, но одновременно обрадовались известию о спасении Василенко. Роздвянский позвонил жене и попросил ее сообщать обо всем, что станет известно о Стопескуле. Недели через две Галина рассказала, что прочитала в киевских газетах некоторые любопытные новости об авиационном заводе, которым раньше руководил Роздвянский. Председателем Куратории был назначен Хрущенко, а директором завода — некий инженер Стопченко из Константинополя. Стопченко сразу же взялся за изготовление радионатов, производство которых было заброшено со времен увольнения Роздвянского.

Теперь все убедились в гнусном предательстве.

«Итак, Хрущенко вновь пошел в атаку, — размышлял Роздвянский. — Не пора ли нам вернуться домой и дать отпор его затеям? Вполне очевидно, что он хочет использовать достижения

моей экспедиции в Сахару!»

Отныне мысль о возвращении его не оставляла, но нужно было хорошенько все обдумать.

Главная цель экспедиции, по мнению Роздвянского, была достигнута. На протяжении шести недель они провели столько опытов и изготовили столько радионатов, что этого хватит по крайней мере на год дальнейшей работы и обеспечит их достаточным количеством энергии. Не сидеть же тут вечно; а строить постоянную фабрику радионатов здесь, в пустыне, казалось невозможным даже такому оптимисту, как Роздвянский.

Он не боялся, что экспедиция возвратится с пустыми руками. Ботаническое собрание Коростеля, микрофотографии молодого Ткаченко, коллекции минералов и метеорологические наблюдения Слушкевича, его собственные опыты с радионацией — путешествие, бесспорно, принесло обильную жатву. Но одновременно — гнетущая мысль о том, что враги, украв открытие, помешают ему осуществить обширные замыслы и будут попрекать его неудачей. Роздвянский сам удивлялся своей слабости. Беда подкосила его. Еще недавно он мужественно преодолевал любые преграды, а сейчас, когда был так близок к цели и не достиг своего, чувствовал себя совер-

шенно разбитым.

От Галины приходили более нерадостные вести. В одной из киевских газет появились подробные сведения о быте и работах экспедиции в Сахаре.

Безымянный автор выдал и истинную цель экспедиции, а закончил своего рода послесловием, где высмеивал Роздвянского и называл его неисправимым и безумным фантазером. Галина догадывалась, что все это исходило от Хрущенко и Стопескула.

Через несколько дней — новое известие: какой-то японец хотел похитить у Галины тайну черного стекла, и этого лишь чудом удалось избежать… Подробностей Галина не сообщила, но Роздвянскому хватило и краткого рассказа. Он понял, что завод в Киеве будет продолжать его работу, враги поднимут его на смех, а японцы, отлично сознавая перспективность изобретения, будут и дальше охотиться за тайной радионации.

Товарищи Роздвянского работали без устали; хотя сам Роздвянский и отстранился от работ, его ассистенты удвоили свои старания, считая, что профессор размышляет над чем-то важным.

Того же мнения придерживались и остальные.

Один только Коростель заметил, что его друг переменился. Однажды, когда они остались вдвоем, Коростель заговорил без обиняков:

— Михаил, дружба велит мне спросить, в чем причина твоей печали, а доверие, какое ты мне раз оказывал, требует от тебя рассказать мне всю правду. Мы вместе составляли план нашей экспедиции, мы поставили целью нашей жизни довести это дело до конца. Будем же и в дальнейшем делиться всеми нашими радостями и горестями!

Роздвянский сперва засомневался, стоит ли ему посвящать в свои тревоги Коростеля, но сейчас же напомнил себе, что ботаник был единственным человеком, которому он мог слепо довериться. Не будь Коростеля, не было бы и экспедиции. Да, он должен поведать другу обо всех своих сомнениях и опасениях.

Коростель внимательно выслушал и задумался. Наконец проговорил:

— Я понимаю, что у тебя есть повод грустить, но не вижу причин для такой безграничной тоски. Согласен, что здесь, в пустыне, мы не достигнем своей цели. Но неужели весь мир сошелся клином на этой негостеприимной Сахаре? Оглянись вокруг и подумай, не поискать ли счастья в дру-

гом месте. Я тебя просто не узнаю, Михаил!

Слова друга немного привели Роздвянского в чувство. Положение уже не казалось ему таким ужасным, как минуту назад.

А Коростель продолжал:

— Что тебя связывает с Сахарой? Ведь ты еще в Киеве, а после в Одессе производил радионаты. Нельзя ли перенести фабрику поближе к родным краям?

— Твоя правда, — ответил Роздвянский. — Что меня связывает с Сахарой, ты спрашиваешь? Ничего. Я приехал сюда лишь в поисках наиболее сильного солнечного света, и я его здесь нашел. Кроме того, солнце светит в пустыне целыми днями, с утра до вечера, а при высокой температуре процесс радионации происходит быстрее. Но эта жара просто убивает…

После разговора с Коростелем Роздвянский начал раздумывать над переносом производства радионатов на Украину. Если бы там удалось построить фабрику и запустить в работу большое число радионатов, производительность была бы выше. Остается только найти на Украине место, где облачность и дожди случаются редко.

Вдобавок ко всему, пребывание в Сахаре становилось все более бессмысленным, так как

Стопескул украл лучшие линзы.

Возвращение домой стало главной темой всех разговоров. Все уже достаточно устали от Сахары, ее непрестанной жары, от которой толком не спасал ни жидкий воздух, ни холодные купания, от однообразной еды и натянутых отношений между участниками экспедиции.

Даже дружба с адурийцами дала трещину. За это время они закончили постройку хижины для своего нового вождя, Лосняченко, и все настойчивее приглашали его поселиться в оазисе.

Однажды вечером они выслали торжественную депутацию к Лосняченко, желая наконец водворить его в новое жилище. День почему-то выдался для европейцев веселым. Под вечер все вышли на плато. Выздоравливавший Василенко впервые встал с кровати и дал себя уговорить спуститься с самолета на землю. Покотило начал наигрывать на гитаре, а Лосняченко и Нестеренко сбросили с себя магометанские мантии и принялись с гиканьем отплясывать казачка. Особенно разошелся Нестеренко, танцевавший с громкими криками. Остальные стояли вокруг и смеялись.

Вдруг из-за живой изгороди послышался душераздирающий вопль. Музыка и танцы пре-

рвались. Все оглянулись на голос.

За изгородью они увидели с десяток празднично одетых адурийцев, явившихся с торжественной миссией к профессору. Пораженные туземцы мгновенно поняли, что Лосняченко их обманул и предал. Оба «араба» были одеты по-европейски и танцевали какой-то непристойный танец, не подобающий правоверному мусульманину, тем более поклявшемуся, как Бен-Иза-гура, всю жизнь служить Аллаху и Магомету. И его невольник тоже был европейцем, молчал же потому, что не владел их языком.

— Измена! Измена! — кричали туземцы. — Проклятые румие, джавры, вы нас обманули! Горе тому, кто обманывает приверженцев Магомета!

— Говорил же я вам, — обратился один из адурийцев к своим товарищам, — что это переодетые румие? А вы мне тогда не поверили, чуть не побили за то, что я вас предостерегал!

— Бейте румие! — воскликнул второй, и адурийцы собрались уже броситься с копьями на европейцев.

Но в этот миг из самолета раздался выстрел, заставивший туземцев остановиться. Обе стороны застыли в растерянности: европейцы были застигнуты врасплох неожиданным появлени-

ем гостей, адурийцы — напуганы выстрелом; со времен совместной обороны от кочевников они питали большое уважение к европейскому оружию.

— Лосняченко, — послышался с террасы голос Слушкевича, — я вытащил сюда пулемет. Скажите им, что буду стрелять, если они не провалятся к черту.

— Поганцы паршивые! — закричал на туземцев Лосняченко. — Прочь! Не приближайтесь, иначе умрете! Видите вон там, — он указал на пулемет, — адскую машину, которая стерла с лица земли толпы ваших врагов? Она и вас отправит на тот свет, уничтожит ваши мерзкие жилища, если вы осмелитесь причинить вред кому-нибудь из нас. Даже не думайте нападать! Горе падет на ваши головы!

— Зачем ты нас обманул? — отозвался один из адурийцев. — Для чего называл себя мусульманином и выдавал себя за калеку? Разве может так скакать человек, что годами лежал без движения? И когда это твой невольник, Ага, научился так красиво петь?

— О, безумный народ! — отвечал Лосняченко. — Мало вам доказательств, что мы вам друзья? Кто, как не мы, защищал вас от врагов и нагнал на них

такой страх, что они никогда больше сюда не вернутся? Кто помог вам заново отстроить селение? Кто добыл для вас воду из скалы? Мы оставим эту воду вам, хоть вы того недостойны! Знайте же, что мы вскоре покинем ваш негостеприимный край. Скажите, как мне было подступиться к вам, питающим безумную, закоренелую ненависть к европейцам? Вы не оказали бы нам никакой помощи и стали бы преследовать нас, как врагов, пусть мы и не сделали вам никакого зла.

— Послушай, чужеземец, — сказал старейший член депутации, — ты нам грозишь адской машиной. Мы тебя и твоих поганых товарищей оставим в покое и не станем грозить вам ничем — только карой Аллаха! Идем!

И туземцы ушли, осыпая путешественников страшными проклятиями.

Это событие всех расстроило. Веселое настроение исчезло, как не было. Все жалели, что неосторожно позволили туземцам за собой подсмотреть; за песнями и плясками они даже не услышали сигнальных звонков — и винить могли только самих себя. Хорошо еще, что горстка адурийцев не осмелилась атаковать самолет. Однако не исключено, что туземцы устроят теперь засаду и попытаются поодиночке расправиться

с участниками экспедиции. Наконец, они могут подговорить к нападению все население Тибести — а против такого нашествия экспедиции не выстоять.

Строить здесь настоящую крепость? Но их дни в пустыне уже сочтены. Остается только удвоить осторожность и в любую минуту быть готовыми к вылету.

Сеть сигнальных проводов раскинули еще шире, охватив и подножие плато. Затем стали монтировать крылья, рассудив, что самум вряд ли повторится в ближайшее время. Аэроплан переместили к краю плато, обеспечив место для разгона. Все было готово к отлету. Овец и коз, разумеется, придется бросить.

Несколько дней и ночей прошли без всякий происшествий. В ущелье по дороге к оазису не показывался ни один человек. Тем не менее, путешественники соблюдали меры предосторожности. На террасе самолета день и ночь стоял заряженный пулемет, и все участники экспедиции по очереди дежурили ночью у самолета.

Все научные работы, за исключением радионации, были прекращены. Роздвянский и его ассистенты знали, что время их пребывания в Сахаре на исходе, и работали круглые сутки: днем

трудились на террасе у радионационных аппаратов, ночные часы посвящали вычислениям и работе в лаборатории. Остальные помогали с радионацией, занимались хозяйством или — скучали.

Ткаченко, также помогавший в последние дни Роздвянскому, как-то вспомнил, что недавно, во время последнего похода в лес к западу от плато, видел одно очень интересное деревце наподобие сенегальской акации. Он надрезал кору и очень хотел узнать, сколько сока выпустило за это время деревце и что это за сок. Молодой ботаник был уверен, что открыл новый вид гуммиарабика. Он успел принести из леса несколько кусков резины и изучить их, а теперь задумал набрать побольше камеди и выкопать одно деревце, чтобы увезти его на родину.

Роздвянский и Коростель в один голос заявили, что после ссоры с адурийцами в лес идти немыслимо. На одинокого путешественника могут напасть туземцы; с другой стороны, в случае срочного вылета подобрать его экспедиция не сможет.

За Ткаченко заступился Нестеренко. Он предложил полететь в лес на малом самолете и сам вызвался сесть за руль. Такая вылазка совершен-

но безопасна с точки зрения встречи с туземцами, доказывал он; а если «Орлу» придется улететь, малый самолет вылетит вдогонку.

Роздвянский принял этот план. Но при осмотре малого самолета выяснилось, что тот сломан — произошло это, видимо, во время нападения дикарей. Требовалось заделать пробоины, починить мотор и заново испытать самолет, а на это — учитывая, что экспедиция не располагала хорошей мастерской — ушло бы несколько дней, не говоря уж о том, что все механические средства были брошены на радионацию. Словом, план Нестеренко осуществить было невозможно.

— Тогда я пойду пешком, — решительно заявил Ткаченко.

— Нельзя. Бросьте эту мысль, — уговаривал его Роздвянский. — Ваша прогулка закончится смертью. На то, что вы задумали, одного дня мало. Вы всегда летали в тот лес, а теперь хотите идти пешком… Это же очень далеко!

— Подумаешь, один день без воды, — ответил Ткаченко, — ничего не значит. Я и так очень редко пью воду. Возьму немного еды, и достаточно.

— А как вы собираетесь донести сюда деревце? — спросил Коростель. — Не забывайте, что ваша акация не такая уж маленькая, а дорога

дальняя. Оставьте это. Кто знает: может, когда-нибудь вам еще представится возможность побывать в Сахаре, тогда и продолжите ваши исследования.

— Но мне жаль бросать это деревце, — грустно сказал Ткаченко. — Я так радовался открытию, а теперь оно пропадет зря…

Он чуть не плакал. Роздвянский ласково уговаривал его, но Ткаченко был безутешен, нахмурился и ни словом не отвечал. Коростель понял, что уговоры не помогут, и решительно запретил молодому ученому отходить от самолета, добавив, что пообещал его матери присматривать за ним.

Два дня спустя Ткаченко выпала очередь дежурить в предутренние часы. Он подождал, пока его предшественник не уснет, а когда убедился, что в самолете стало тихо, схватил приготовленную с вечера сумку с провизией и на цыпочках выбрался из самолета. Осторожно перешагивая через сигнальные провода, двинулся на запад, к заветному лесу, находившемуся в глубокой балке. По дороге предстояло пересечь два невысоких горных отрога, каменное нагорье и широкую каменистую равнину. Ткаченко казалось, что он хорошо знает дорогу — он летал в этот лес несколько раз. Однако вскоре он понял, как труд-

но ориентироваться на земле, где поле зрения сильно ограничено.

Когда он выходил из самолета, было еще совсем темно. Сейчас солнце стояло на небе довольно высоко, а он по-прежнему брел по песчаным валам и не добрался даже до первого горного отрога. Он пошел быстрее и вскоре почувствовал усталость; удивлялся жажде и сухости в горле — до сих пор он всегда пил очень мало воды. Ноги стали тяжелыми, как бревна, сумка на плече тянула к земле.

Набрел на удобный камень и присел отдохнуть. Открыл сумку, думая поесть, но аппетита не было. Чувствовал слабость.

Вернуться в самолет? Нет, ни за что на свете! Возвращение стало бы для него позором. Немного потерпеть, и все будет хорошо. К такой трудной дороге нужно привыкать постепенно.

Он пошел вперед, однако отрог приближался почему-то очень медленно. Перед ним тянулись песчаные дюны. Взбираясь на одну, он ожидал увидеть прямо перед собой гору, но открывалось другое — вторая, третья и еще несколько таких же дюн.

Вдруг понял, что сбился с пути. Когда выходил из самолета, был уверен, что не заблудится: нуж-

но идти так, чтобы впереди все время была вон та щербатая вершина, прямо на запад. Теперь показалось, что впереди не одна зазубренная вершина, а две отдельные горы, одна ближе, другая дальше. К которой идти, когда расстояние между ними увеличивается? Ему уже несколько раз приходилось пересекать широкие провалы между песчаными грядами. Не исключено, что он потерял из виду ориентир. Оглянулся — и не увидел плато, где стоял «Орел».

Попытался сориентироваться по маленькому компасу и пошел на запад, но не достиг даже подножия горы, когда солнце перевалило зенит. Устал так, что еле передвигал ноги. Наконец совсем изнемог и сел на первый попавшийся камень. Солнце жгло безжалостно. Казалось, что за два месяца, проведенные в Сахаре, ему никогда еще не было так жарко. Болела голова; он чувствовал, что теряет сознание. Прилег на камень и, кажется, задремал.

Не знал, как долго проспал. Проснулся от холода. Открыл глаза и увидел, что уже вечереет. Солнце зашло, быстро наступали сумерки. Он почувствовал себя немного бодрее, но тут желудок заявил о своих правах. Подкрепился, снова заснул и вскоре проснулся, ощущая холод.

Мучился всю ночь. Весь сжался, скорчился и прикрылся почти опустевшей сумкой. Это не помогло — под ним был холодный камень. Он попробовал лечь на песок, но песок быстро остывал. Тогда стал бегать вокруг камня, пытаясь согреться.

Ждал утра. Попеременно то ложился, то садился, то снова бегал.

— Ах, скорее бы уже утро! — повторял он, забыв, как несколько часов назад радовался вечерней прохладе.

Наконец, его горячее желание исполнилось. Вокруг посветлело. Рассвет в пустыне недолог — на небо выкатился огненный шар. Ткаченко обрадовался и решил возвращаться: одна ночь в пустыне сломила его гордость.

Шел на восток, ориентируясь по компасу. Беспокоило только одно — он нигде не видел своих вчерашних следов. Успокаивал себя тем, что вскоре покажутся песчаные дюны, а после он выйдет к краю ущелья, откуда виден и самолет, и оазис Адур.

Но сегодня усталость проявилось быстрее. После дневного перехода он не успел достаточно отдохнуть и выспаться.

Шел все с большим трудом, поминутно останав-

ливаясь на отдых. В конце концов опустился на камень и замер без движения. Чувствовал неимоверную слабость. Казалось, душа рвется прочь из тела, охваченного лихорадкой и жаждой.

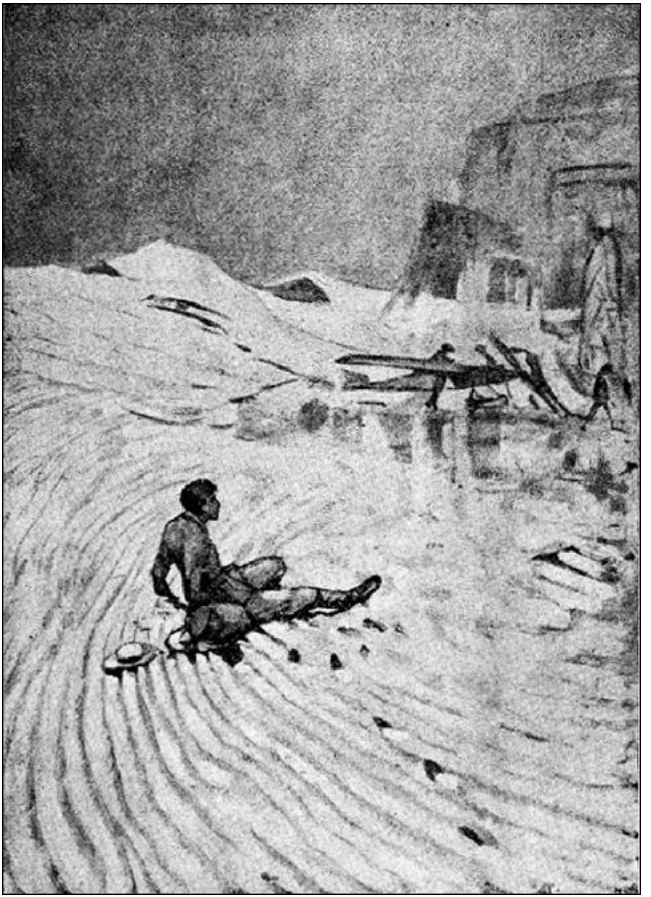
Сидел и не понимал, что с ним происходит. Видит он это наяву или во сне?.. И к чему было так страдать? Да, он явственно видит перед собой «Орла». Михаил Антонович и Иван Петрович беспокойно расхаживают по каменному плато и готовят к вылету малый самолет.

— И что? Я же говорил, что можно было еще вчера дать самолет… — бормотал он. — Зачем было заставлять меня мучиться? Нет, Михаил Антонович нехороший человек. А Иван Петрович вон как тревожится, что меня нет. Но почему они меня не замечают? До самолета совсем близко, не больше 5001000 шагов. Надо крикнуть погромче, может, услышат.

Вскочил и закричал слабым голосом:

— Иван Петрович, я здесь!

На его призыв никто не отозвался. Даже головы не повернули в его сторону!



Тогда он достал револьвер и выстрелил. В тот же миг «Орел» вместе с людьми задрожал, расплылся — и исчез, а Ткаченко увидел перед собой лишь бескрайнюю песчаную равнину…

Это был пустынный мираж — фатаморгана…

Ткаченко бросился на песок и горько зарыдал. Слезы принесли облегчение, на душе стало спокойнее. Он заснул.

***

Путешественники очень встревожились, когда не нашли часового на месте. Они сразу догадались, куда направился Ткаченко, что только усилило их беспокойство.

Весь день прошел в напряженном ожидании: они понимали, чем грозит такая прогулка. С наступлением ночи Коростель и Роздвянский и вовсе не могли найти себе места. Коростель, помня о своих обещаниях матери Ткаченко, впал в отчаяние. Он бродил вокруг самолета, спускался с плато и прислушивался, зажег рефлекторы аэроплана и то и дело стрелял с террасы осветительными ракетами, надеясь, что они помогут Ткаченко найти дорогу обратно, если тот заблудился. Спать он даже не ложился.

На рассвете, еще до восхода, они с Роздвянским

стали ремонтировать малый самолет. Прочие работы были остановлены, и всем было приказано помогать. Соорудили также большую сирену из толстой трубы. Она так страшно ревела, что адурийцы выбежали из оазиса в ущелье посмотреть, что произошло. Но все было напрасно — Ткаченко не возвращался.

К полудню самолет был подготовлен, и Роздвянский, Коростель и Нестеренко вылетели на поиски пропавшего. Они взяли с собой пса Бублика. Полетели на запад, довольно низко над землей, внимательно осматривая местность в бинокли. Все трое сошлись на том, что Ткаченко не мог уйти далеко и заблудился, скорее всего, уже в дюнах. Поэтому, даже не долетев до первого горного отрога, стали кружить над песчаной равниной.

Наконец пес залаял, а летчики увидели издали распростертое на камне тело. Когда подлетели ближе, узнали Ткаченко. Он лежал неподвижно, как мертвый. Коростель хотел сейчас же садиться, но оба пилота знали, что не смогут подняться с земли, сев на песке. Нужно было найти подходящее для посадки место. К счастью, менее чем в ста шагах заметили большой плоский камень и сели там.

Коростель первым подбежал к казавшемуся бездыханным телу и приложил ухо к груди Ткаченко.

— Жив! — произнес он.

Нестеренко наклонился над молодым ученым, влил ему в рот несколько капель крепкого коньяка и осмотрел тело. Скомандовал немедленный взлет на значительную высоту, надеясь, что прохладный ветер быстро приведет обмершего Ткаченко в чувство.

Еле живого Ткаченко занесли в самолет и усадили в кресло. Рядом сел Нестеренко. Коростель и Роздвянский заняли кресла впереди. Всю дорогу Нестеренко смачивал лоб больного водой и подставлял его голову ветру; но тот открыл глаза только в «Орле», когда уже лежал на своей кровати, а вокруг хлопотали оба врача и фельдшер.

Ткаченко так и не пришел в себя. Всю ночь он в бреду метался на постели. К утру успокоился, а вскоре после восхода солнца скончался…

Коростель, вместе с врачами не отходивший от постели больного, жалобно зарыдал и стал биться головой о стену… Он очень привязался к юноше и полюбил его, как родного сына. Возлагал на него большие надежды, взял с собой в экспедицию, чтобы приохотить к полевой научной работе, и

радовался, когда в сборе и изучении растений Ткаченко стал выказывать чрезвычайные способности к ботанической систематике.

Но больше всего ему было жаль бедной матери Ткаченко, для которой все счастье воплотилось в единственном сыне. Она очень боялась путешествия и отпустила сына только после заверений Коростеля, что он будет относиться к ассистенту, как к собственному ребенку. Теперь Коростель чувствовал себя виноватым в его смерти и думал, что мать Ткаченко наверняка сочтет его убийцей ее сына.

Гибель Ткаченко стала для путешественников страшным потрясением, затмившим все пережитое в экспедиции. Все осознали, что каждого может постигнуть такая же судьба, если они как можно скорее не вернутся в Европу. Роздвянского начали торопить с возвращением.

Ткаченко похоронили в лучшем гробу, какой только можно было сделать из запасных антолевых листов. В долине у колодца выкопали могилу, опустили гроб, высокую песчаную насыпь обложили камнями и поставили высокий крест из пальмового дерева. На похоронах Роздвянский начал прощаться с погибшим теплыми словами, но не закончил речь и расплакался. Все участни-

ки экспедиции рыдали, а Коростель не помнил себя от горя.

Сразу после похорон он обратился к Роздвянскому:

— Михаил, друг мой, возвращаемся сейчас же! Здесь наша смерть!

Роздвянский еще колебался. Несколько дней назад он приступил к новую серии опытов с радионатами и хотел ее завершить. Поэтому он, как мог, откладывал отлет.

На третий день после похорон Галина сообщила еще одну новость: к ней начал заходить весьма подозрительный человек, который очень интересуется Роздвянским. Она подозревает в нем сообщника Хрущенко.

Это известие заставило Роздвянского действовать. Не только негостеприимная Сахара ставила им максимальные преграды в работе — враги только и мечтали уничтожить их труд. В одно мгновение он решился:

— Сегодня вечером улетаем!

Начались лихорадочные сборы. Прежде всего требовалось навести порядок в самолете: выбросить все ненужное и не забыть взять то, без чего в дороге не обойтись; набрать достаточно воды для двухдневного путешествия и запастись продо-

вольствием. Механики и пилоты взялись качать и воду, а Тхор и телеграфист Онищенко, который после бегства Рукавички заменял повара (и оказался лучшим поваром, чем телеграфистом) зарезали несколько коз и овец. Остаток стада и верблюдиц отпустили на волю.

С колодца сняли металлическую крышку, но освобожденная струя воды, казалось, била уже не так высоко, как раньше. Геолог Сегобочный объяснил это тем, что запасы воды, скопившиеся после нескольких проливных дождей в подземных водоносных слоях, начали исчерпываться. Это также свидетельствовало, что пора было возвращаться.

К закату все было готово. Роздвянский спустился по трапу, намереваясь смотать сигнальные провода, как вдруг все звонки одновременно зазвонили. Роздвянский глянул вниз и увидел, что к плато со всех сторон подбираются человеческие фигуры. В аэроплане зажгли рефлекторы и выпустили осветительную ракету. Ракета высветила громадную толпу туземцев, вооруженных копьями, луками и ружьями, которые тихонько подкрадывались к самолету. Очевидно, адурийцы задумали отомстить за обман и мобилизовали для нападения весь край. Мимо уха Роздвянского

просвистела стрела; он отшатнулся и крикнул:

— Все к самолету! Улетаем!

Не успели нападавшие взобраться на плато, как загудели радиомоторы, завертелись пропеллеры и ярко освещенный, как при вылете из Одессы, аэроплан тронулся с места. Покатился по каменному плато и поднялся в воздух.

На плато, задрав головы, стояли туземцы и удивленно следили глазами за улетающей птицей-гигантом…

***

Сорок пять часов длился перелет из Сахары в Одессу. Самолет, нигде не садясь, пролетел 3200 километров. День клонился к вечеру, когда «Украинский орел» приземлился на том же широком летном поле, откуда вылетел двумя месяцами ранее.

Роздвянский выскочил первым, оставив аэроплан на попечении пилотов: он торопился домой. По дороге попалось свободное такси; он сел и вскоре был уже у своего института.

Вошел в квартиру. В гостиной звучал чей-то незнакомый приглушенный голос, перемежавшийся тихими стонами Галины.

— Что за черт? — спросил он себя и прислу-

шался.

В гостиной послышалась возня и раздался крик Галины. Прежде чем Роздвянский добежал до двери, она открылась и перед ним оказался невысокий человечек, поспешно прятавший в карман какую-то бумагу. У него была длинная черная борода, в такой же черной шевелюре проглядывали серебряные нити; он сильно прихрамывал на одну ногу. Одет он был в длинный, старомодный черный сюртук, в одной руке держал шляпу и толстую суковатую палку, в другой смятую бумагу. Роздвянский внимательно присмотрелся к незнакомцу, но не мог вспомнить, где и когда его видел. В первую минуту незнакомец смутился и вновь попытался запихнуть бумагу в карман сюртука. Когда сделать это ему не удалось, он перехватил бумагу левой рукой, спрятал ее за спину вместе с палкой и шляпой и приблизился к Роздвянскому, протягивая ему правую руку:

— Не узнаете меня?

Роздвянский узнал его по голосу.

XII
Хрущенко, желтый брат и заговор

Галина Роздвянская и Оксана Кружляк жили вместе в помещениях Физического института Одесского университета. Кружляк перебралась в Одессу вместе с Роздвянскими и здесь поселилась в их просторной квартире. После отлета «Украинского орла» она взяла на себя все заботы о хозяйстве. У Галины появилось много свободного времени, которое она посвящала опытам над таинственным веществом, служившим примесью к черному стеклу. Одновременно она пристально следила за всеми новостями, относящимися к экспедиции в Сахару и киевскому авиационному заводу. Узнав о бегстве Стопескула, она стала еще внимательней читать газеты и однажды натолкнулась на заметку о назначении нового директора завода. Вскоре появилась и статья, описывавшая будни экспедиции в Сахаре.

Галина забеспокоилась, боясь, что дело обернется не лучшим образом.

Как-то Оксана Кружляк сказала ей, что видела в городе двух японцев. Те долго кружили по ули-

цам и затем оказались перед их институтом.

Два японца в Одессе, в этом современном украинском Вавилоне — что же тут удивительного? Но рассказ Оксаны неприятно поразил Галину и кольнул ее предчувствием беды. Оксана принялась ее успокаивать и затем посоветовала не показываться на глаза японцам, которые могли задумать что-то дурное:

— Если придут сюда, к ним выйду я и представлюсь женой профессора Роздвянского.

И действительно, в скором времени явился любезный гость и пожелал увидеть жену профессора. Оксана вышла в гостиную, а Галина осталась в соседней комнате и слушала разговор через приоткрытую дверь.

Японец представился и сказал, что рад познакомиться с женой профессора, чьи труды, упорство и отвагу он высоко ценит. А поскольку профессора сейчас в Одессе нет, он хотел бы заключить с ней определенное соглашение.

— Вы, наверное, и не догадываетесь, что в моих руках имеется один важный документ. Если я пущу его в ход, вашему мужу будут грозить большие неприятности! Я не поверил своим глазам, когда впервые узнал о существовании этого документа, а после приложил все старания, чтобы им

завладеть. Мне не хотелось бы видеть, как такой уважаемый и заслуженный человек, способный принести много пользы своими будущими трудами, гниет в тюрьме.

— Что случилось? Говорите немедленно! — нетерпеливо воскликнула Оксана.

— Сейчас я все расскажу. В моих руках имеется документ, из которого следует, что профессор стал виновником смерти человека…

— Смерти человека? — испуганно спросила Оксана.

— Да, именно смерти человека. В далекой Сахаре он самым коварным образом убил одного из своих товарищей по путешествию, видя в несчастном соперника, а его гибель объяснил случайной стычкой с туземными разбойниками.

— Господи, что за напасть? — воскликнула Оксана. — Откуда вы это взяли?

Галина вся оцепенела. Она была измотана, испуганный голос Оксаны лишил ее последних остатков мужества и самообладания. Галина сидела, как мертвая. Если бы она сама разговаривала с гостем, слова японца, возможно, смутили бы ее не так сильно; но теперь она в один миг заразилась тревогой Оксаны. А эта бедная женщина, видевшая в жизни одни только тернии,

быстро позволила сбить себя с толку.

Японец злобно усмехался.

— Прилетели люди из Сахары… Они *много* знают, — проговорил он с нажимом, — и мне стоило *много* труда, — тут японец пошевелил пальцами, словно пересчитывая деньги, — уговорить их молчать…

— Боже мой, что же это творится? — спрашивала Оксана. — Покажите документ!

Японец флегматично достал из кармана бумагу.

— Вот он… здесь, у меня… но я его вам пока не отдам…

— Дайте хотя бы прочитать! — попросила Оксана.

— Минутку, милостивая государыня. Я не спешу, но и вам, очевидно, спешить не к чему.

Японец вытащил папироску и стал медленно закуривать. При этом он продолжал неторопливо говорить, оценивая впечатление от каждого произнесенного слова:

— Я пришел к вам, уважаемая госпожа, с целью заключить соглашение. Услуга за услугу. Мне пришлось тяжело потрудиться, чтобы скрыть поступок вашего мужа, и я хочу получить свою награду. Я отдам вам документ в обмен на бу-

тылочку вашего тайного эликсира и рецепт его изготовления. Согласны?

— Не требуйте от меня этого. Я не могу на такое пойти!

— Милостивая государыня, вспомните, что речь идет о судьбе вашего мужа — и вашей. Я ведь знаю, что вы его сообщница. Вы ежедневно беседовали с ним по телефону, свидетели это подтвердят, а отсюда можно заключить, что преступление было совершено с вашего ведома.

— Думаю, я знаю обо всем, что происходит в Сахаре. Насколько мне известно, такого случая не было, — возразила Оксана. — Сперва покажите мне документ, а потом продолжим разговор.

— Мои условия просты: вы даете мне вещество и рецепт, я отдаю вам документ. Хотите — отлично; не хотите — сами будете виноваты. Если я уйду отсюда с пустыми руками, документ через полчаса окажется у прокурора, вы будете арестованы и ваши тайны станут известны всем, потому что полиция произведет у вас обыск и найдет все спрятанное. Так или иначе, вашу тайну не сохранить, но вам будет лучше поделиться ею добровольно и спасти себя и мужа.

Наступило молчание. Галина не могла пошевелиться. Она сознавала, что нужно вскочить,

броситься на японца и вырвать у него злосчастную бумагу, но была не в силах сдвинуться с места. Тем временем японец встал с кресла и проговорил:

— Простите мне некоторое нахальство, это в ваших интересах. Дайте мне ключ… Нет?.. Что ж, я возьму его сам. А вы можете за мной приглядывать. Не сочтите меня вором — я в вашем присутствии возьму все необходимое, а затем отдам вам ключ и документ. Пойдемте!

Галина слышала, как японец взял со стола связку ключей и вышел. Оксана пошла за ним, а в нескольких шагах позади, как тень, поплелась Галина. Она не могла понять, откуда японец так хорошо знает дорогу в мастерскую. Он шел уверенно, открывал одну дверь за другой и наконец оказался в «святая святых» Роздвянских. Галина стояла в дверях и смотрела; она понимала, что кто-то их предал — но кто?

Японец открыл стенной шкафчик и начал невозмутимо в нем хозяйничать. Брал одну бутылку за другой, внимательно разглядывал, затем смотрел в глаза Оксаны. Вдруг Оксана вскрикнула: японец держал в руке бутылочку с тайным веществом. Она была хорошо знакома Оксане — у Галины не было от подруги никаких

секретов. Японец, обрадовавшись, хитро усмехнулся и опустил бутылочку в карман.

Галина дернулась, хотела броситься и отобрать бутылочку, но не могла сделать ни шагу вперед. Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, она из последних сил добралась до своей комнаты, упала на кровать и горестно зарыдала…

Через минуту в комнату вошел старший сын Роздвянских, двенадцатилетний Юра; он играл в саду с товарищами и прибежал за чем-то в дом. Увидев, что мать плачет, он очень испугался и начал спрашивать ее, что случилось. Но все расспросы были напрасны: Галина никак не могла прийти в себя. Тогда он решил осмотреть дом и, миновав длинную анфиладу комнат, дошел до мастерской. Здесь он увидел следующую сцену: в папином столе рылся какой-то незнакомец, а рядом, будто окаменев, стояла тетя Оксана. Незнакомец приговаривал, обращаясь не то к себе, не то к ней:

— Раз уж я так легко нашел флакон, нетрудно будет найти и рецепт этой чудодейственной водицы. Вот и он! — радостно воскликнул незнакомец и достал из ящика стола записную книжку. — Да, рецепт здесь. Отныне я стал совладельцем тайны профессора Роздвянского!

Он выпрямился и спрятал записную книжку в сумку. Юра был поражен маленьким ростом незнакомца. А тот подал Оксане какую-то бумагу и начал прощаться.

— Дело сделано. Искренне благодарен за то, что не заставили меня ждать. Ваша тайна у меня, моя у вас — мы в расчете. Не пожалеете. Прощайте!

Хотел пожать Оксане руку, но она спрятала свою руку за спиной. Маленький человечек, немного обидевшись, направился к выходу. Юра спрятался за дверную створку и пропустил незнакомца вперед, а сам стал осторожно красться за ним.

Он быстро понял, в чем дело. Косоглазый гость был, несомненно, японцем. Юра хорошо помнил, как досаждали им японцы на хуторе прошлым летом и теперь без труда догадался, что этот поганец выкрал папины бумаги. Вот почему мама так горько плачет, а тетя стоит как неживая.

— Нет, не дождешься, чертяка желтый, рано обрадовался! — пробормотал Юра, сжимая кулаки.

Вернулся в мастерскую и шепнул Оксане на ухо:

— Тетя, не волнуйся, все будет хорошо. Скажи мамочке, что я отберу у него все украденное.

Потом побежал за японцем; мягкий ковер при-

глушал его шаги.

***

Японец вышел на улицу с чрезвычайно довольным видом. Он даже не надеялся, что все пройдет так гладко. Да, он придумал хитрый способ! Только так и не иначе нужно поступать с глупыми белыми женщинами!

На улице его ждал его второй японец. Оба направились в ближайший сквер и сели на скамейку в укромном уголке, весело обмениваясь впечатлениями. Первый японец достал из кармана бутылочку и стал разглядывать ее на свет, любуясь содержимым, как пьяница водкой. Но в этот миг что-то ударило по бутылочке и жгучая жидкость потекла из нее на одежду и руки японцев. Оба вскрикнули и замахали руками. Вещество разъедало одежду, она дымилась, руки страшно жгло. Японцы бросились искать воду. У ближайшей колонки с питьевой водой долго мыли руки, пронзительно вопя. Кругом собрались люди, но никак не могли выяснить, что случилось: от боли японцы забыли, где находятся, и только лопотали на своем языке.

Прополоскав обожженные руки, японцы вернулись к скамейке — там они впопыхах оставили

сумку. Однако сумка бесследно исчезла.

А тем временем в комнату, где рыдали Галина и Оксана, вбежал обрадованный Юра, бросил на стол маленькую сумку и воскликнул:

— Мамочка, тетя, не плачьте! Бутылочку я разбил камнем из рогатки, а Тараска (это был его друг) украл сумку с бумагами!

И в самом деле, в сумке нашлась записная книжка Роздвянского. Женщины немного успокоились и начали читать жуткий документ, который передал Оксане японец. В бумаге значилось:

«Я, Фердинанд Рукавичка, повар самолета “Украинский орел”, сим заверяю, что профессор Михаил Роздвянский испытывал давнюю неприязнь к профессору Василенко, узнавшему тайну изготовления черного стекла, и мечтал от него избавиться. Эта возможность представилась во время битвы жителей оазиса Адур с дикарями, которые явились из пустыни и также напали на наш аэроплан; тем самым профессора Василенко можно было выдать за жертву разбойников. Я сам слышал, как несчастный профессор Василенко со слезами на глазах молил врага сжалиться над ним, но профессор Роздвянский бессердечно застрелил его и спокойно спустился с террасы

аэроплана.

Я все это видел и однажды сказал профессору, что знаю о его преступлении. Он хотел подкупить меня деньгами и просил молчать, но я отказался взять у него деньги. Тогда профессор Роздвянский бросился на меня, и я еле сумел вырваться. Я боялся оставаться с ним и при первой возможности спасся бегством.

Свидетельствую и могу присягнуть, что все рассказанное правдиво.

Подписал собственноручно
Фердинанд Рукавичка.

В Киеве, 1 июня *** г.

Написано и подписано в моем присутствии *Захар Стопченко,* директор авиационного завода».

Обе женщины весело рассмеялись: из разговоров с Роздвянским они знали, что Василенко выжил. Но они тотчас посерьезнели, сообразив, что все враги Роздвянского объединились с целью похитить его тайну. Судя по последнему случаю, Хрущенко, Стопескул и желтый брат действовали сообща. Нужно было обезопасить себя от нового вторжения, ибо и последний случай мог закончиться намного печальнее.

Для начала Галина навела в мастерской порядок: уничтожила запасы таинственного вещества, прекратила все работы, а рукопись Роздвянского запечатала в конверт и передала на хранение в архив «Одесского научного общества», предупредив, что забрать документ может только она или профессор.

Дома расспросила, как могло случиться, что японец знал все входы и выходы в квартире Роздвянских. Вскоре узнала, что однажды, когда ее не было дома, к ним заглянул Рукавичка, работавший в свое время служителем в мастерской, и вместе с другим служителем показал мастерскую какому-то малорослому господину. Горничная Галины, невеста служителя, рассказала им, где Галина держит ключи. Галина немедленно рассчитала горничную и позаботилась о том, чтобы профессор, замещавший в отсутствие Роздвянского директора института, уволил предавшего их служителя.

***

Галина догадывалась, что враги ничуть не успокоились, а только начали борьбу, и была готова ко всему.

Новая беда не заставила себя ждать. Галина

узнала по телефону о смерти молодого ботаника Ткаченко, и на нее легла тяжелая обязанность сообщить о трагедии его несчастной матери. Не откладывая, она отправилась в маленький городок, где жила мать Ткаченко. Там пришлось задержаться на два дня — она не могла оставить убитую горем, беспомощную женщину, впавшую в безграничное отчаяние.

На третий день, под вечер, подавленная и разбитая Галина возвратилась в Одессу — и сейчас же явился гость, какой-то незнакомый господин, представившийся инженером (фамилию Галина не расслышала). Он сказал, что является сотрудником одной крупной киевской издательской фирмы, которая выпускает серию жизнеописаний знаменитых людей; ему же, в частности, поручено составить жизнеописание профессора Роздвянского. В отсутствие профессора он решил обратиться к его жене с просьбой рассказать некоторые подробности биографии Роздвянского.

Этот тип с первого взгляда очень не понравился Галине: он разговаривал с ней самоуверенно, почти нагло, а глаза выдавали затаенную хитрость.

Галина пригласила гостя садиться и, стараясь побыстрее закончить беседу, коротко изложила важнейшие факты биографии мужа. Но гостя это

не удовлетворило.

— Все это, многоуважаемая госпожа, вещи общеизвестные, тем более что я хорошо знаю вашего мужа. Много лет назад я служил учителем в ***ской гимназии, где обучался ваш муж, и был его наставником. Он был хорошим учеником, много-уважаемая госпожа, а теперь достиг такой славы! Мы теперь коллеги — я ведь тоже инженер, многоуважаемая госпожа! И мне хотелось бы, многоуважаемая госпожа, больше узнать о его личной жизни, проникнуть в его способ мышления и подать все жизнеописание импрессионистическим методом, многоуважаемая госпожа.

— Каким таким методом? — прервала Галина.

— Импрес-сиони-стичес-ким! — с нажимом ответил гость. — Это означает, что я, многоуважаемая госпожа, хочу создать образ его научного творчества, как бы описать профессора за работой, хотя писать буду, многоуважаемая госпожа, только на основе ваших рассказов и того, что увижу в мастерской, многоуважаемая госпожа. Подобный способ письма совершенно нов, многоуважаемая госпожа, и я довел его до уровня искусства, многоуважаемая госпожа; сами увидите, ибо я, многоуважаемая госпожа, так расхвалю

профессора, что вы, многоуважаемая госпожа, сами не узнаете в нем своего мужа.

Галину неприятно удивили слова гостя. Поняла, что он пытается импонировать своей ученостью и купить ее безудержной лестью, и сразу же сказала себе, что нужно держаться с большой осторожностью.

— Прошу вас, спрашивайте, а потом мы осмотрим мастерскую.

— Прежде всего, скажите мне, многоуважаемая госпожа, какой труд вашего мужа вы, многоуважаемая госпожа, считаете самым важным и ценным?

Галина молчала, словно раздумывая. Гость настаивал:

— Может быть, многоуважаемая госпожа, опыты с радиоактивностью, которые он сейчас, многоуважаемая госпожа, проводит в Сахаре?

— Нет, милостивый государь, в Сахаре его роль совершенно служебная. Самым важным я считаю то, что он вообще сделал эту экспедицию возможной. Наибольшей его заслугой является постройка «Украинского орла».

— Вы ошибаетесь, многоуважаемая госпожа, — сказал гость, — я хорошо знаю, и вы, многоуважаемая госпожа, должны знать, что

главным открытием профессора, многоуважаемая госпожа, являются «лучи омега». Ведь вам, многоуважаемая госпожа, наверняка известно, что именно их он сейчас, многоуважаемая госпожа, изучает в Сахаре.

Галина решила притвориться, что ничего не ведает и, изобразив смущение, ответила:

— Вы, милостивый государь, должно быть, хотите надо мной посмеяться. Я бедная сирота, в университетах не обучалась и в ученых трудах мужа не разбираюсь. Я только видела, как он строил большие и маленькие самолеты. Это мне больше всего нравилось, и мне кажется, что для всех это должно быть самым важным.

— Простите, многоуважаемая госпожа, но скажу вам откровенно: вы, многоуважаемая госпожа, заблуждаетесь. Я вам коротко объясню, в чем суть, многоуважаемая госпожа. Ваш муж, многоуважаемая госпожа, открыл в солнечном свете такие, многоуважаемая госпожа, лучи, что их можно, многоуважаемая госпожа, поместить в какое-нибудь тело таким образом, что они, многоуважаемая госпожа, будут затем отдавать свою энергию…

Галина принужденно рассмеялась:

— Оставьте меня в покое с вашим ученым из-

ложением! Я знаю, что лучи Солнца невозможно собрать, как мы собираем в бочку дождевую воду для стирки белья. Да, у мужа было много энергии, и всю ее он вложил в постройку «Украинского орла». Жаль только, что он потратил так много своей энергии на борьбу с этим Хрущенко.

— Хрущенко? Кто это такой? — с притворным удивлением спросил гость.

— Как? Вы ничего не слышали о Хрущенко? Говорите, что живете в Киеве и знаете весь научный и инженерный мир, знаете все труды моего мужа, а не слышали о его ссоре с Хрущенко и судебном разбирательстве?

Гость понял, что по неосторожности перегнул палку. Пришлось поправиться:

— Ах, правда, правда; слышал, многоуважаемая госпожа, это имя, только оно, многоуважаемая госпожа, вылетело у меня из памяти; теперь я припоминаю, многоуважаемая госпожа, это дело с киевским, многоуважаемая госпожа, профессором. Но я позабыл, многоуважаемая госпожа, что они не поделили, поэтому будьте добры, многоуважаемая госпожа, мне вкратце рассказать.

На это Галина с большой неохотой ответила:

— Я вам дам прочитать газетные вырезки о процессе, из них вы узнаете больше, чем из моего

незамысловатого рассказа. А теперь мы с вами осмотрим мастерскую.

Осмотрели весь институт; Галина намеренно воздерживалась от каких-либо подробных объяснений, чтобы случайно не проговориться — иначе гость мог узнать, что она является сотрудницей мужа. После осмотра института она поспешно распрощалась и вернулась к себе.

Гость был очень недоволен визитом; он надеялся на большее. Никак не мог понять, действительно ли Галина — женщина настолько недалекая или просто притворяется: ведь некоторые ее фразы говорили о высокой интеллигентности и образованности. Нужно будет, рассудил он, подступиться к делу иначе.

На другой день он пришел опять и расспрашивал Галину о разных вещах, а потом начал довольно-таки нахально превозносить ее красоту. Галина отмалчивалась и едва отвечала. Однако гость не терялся и продолжал свои ухаживания.

То же повторилось на третий и четвертый день.

Как-то Галина вернулась из поездки к матери Ткаченко — теперь она часто у нее бывала, успокаивая горевавшую женщину — и снова застала

дома настырного гостя: тот беседовал с детьми и подробно расспрашивал их о мастерской.

Галина присоединилась к скучному разговору. Когда дети ушли, гость пристально уставился прямо в глаза Галине. Ей этот взгляд не понравился; возмущенная поведением гостя, она заявила, что не желает его больше видеть. Хотела встать с кресла и выйти из комнаты, но почувствовала, что не в состоянии это сделать: взгляд гостя приковал ее к месту.

Гость не спускал с нее глаз и одновременно гладил себя левой рукой по лицу, проводя ладонью вниз от середины лба. Галина не видела ничего, кроме страшных глаз и костистой руки, которая словно качалась прямо перед ее глазами и заслоняла все вокруг, подобно плотной ширме. Она пыталась защититься, отвернуться — и ощутила, что лишилась сил. Глаза ее непроизвольно закрылись. Галина почувствовала сонливость и перестала сознавать происходящее.

Увидев, что его жертва загипнотизирована, гость прикрыл дверь соседней комнаты и заговорил приглушенным голосом:

— Принесите мне тайное вещество вашего мужа!

— У меня его нет… все уничтожила…

— Тогда дайте мне рецепт его изготовления.

— У меня его нет. отдала.

— Куда?

— В архив «Одесского научного общества». Не могу!..

— Вы должны!

Лицо Галины исказилось, словно от тяжкой муки.

— Не могу, не мучайте меня!

Гость подумал, что обращаться в архив, пожалуй, нежелательно: кто-либо мог обратить внимание, что Галина так быстро забрала рукопись, начались бы расспросы, наконец, Галина могла его выдать. Поэтому он зашел с другой стороны:

— А вы знаете, как изготовить вещество?

— Знаю…

— Скажите мне!

Галина только глухо застонала.

— Вы должны сказать! — решительно приказал гость.

Галина уже начала говорить, как вдруг в соседней комнате послышался какой-то шорох. Гость прервал допрос:

— Нет, не надо, — прошептал ей в ухо. — Ты запишешь рецепт и отдашь мне завтра, когда я

приду снова. Проснешься через полчаса!

Произнеся это, он вышел.

Галина проснулась, как после ночного кошмара. Она не могла собраться с мыслями и не помнила, что с ней случилось. Помнила лишь, что в доме был этот назойливый гость со страшными глазами, но куда он подевался — не знала.

Ночью не могла уснуть. Ее мучила какая-то неосознанная, невыраженная мысль. Рано утром встала, подошла к туалетному столику и стала поспешно записывать рецепт изготовления тайного вещества. Говорила себе, что не должна этого делать, но какая-то неведомая, непонятная сила не позволяла ей бросить перо.

Написала, поднялась и хотела порвать написанное. Та же сила ей не позволила; она спрятала бумагу в ящик столика, легла в кровать и мгновенно уснула.

Весь день бродила, как сомнамбула. Работа валилась из рук. После обеда сидела в гостиной и бессознательно чего-то ждала. Когда вечером явился гость, она почувствовала некоторое облегчение, потому что ее ожидание закончилось; но вместе с тем ее охватило какое-то новое беспокойство.

Гость не произнес ни слова и стал, по обык-

новению, смотреть ей в глаза. От этого взгляда сознание Галины снова затуманилось. Как только она уснула, гость напомнил ей о вчерашнем приказании. Тогда она прошла в спальню, достала из столика бумагу, вернулась и вручила гостю. Тот схватил бумагу и быстро забегал глазами по строчкам, читая их вполголоса. В этот момент он услышал, что кто-то вошел в прихожую и приближается к двери. Гость отвернулся от жертвы, которая осела в кресле, как мертвая, продолжая спать, и попытался спрятать бумагу в карман сюртука.

Шаги приближались. Гость, забыв даже прикрыть дверь, стремглав выскочил из комнаты и наткнулся на Роздвянского. В первую минуту не знал, что делать. Потом спрятал свою добычу за спину и, изображая великую радость, протянул Роздвянскому руку:

— Не узнаете меня?

Роздвянский внимательно присмотрелся к нему и наконец произнес:

— Неужели профессор Франтовский? Что вы здесь делаете?

Гость сердечно пожал руку Роздвянского и поспешно заговорил, преграждая ему дорогу в гостиную:

— Да, это я, многоуважаемый господин, и очень рад, многоуважаемый господин, что вижу вас живым и здоровым, потому что — ей-ей — боялся за вас, многоуважаемый господин, опасаясь, что вы погибнете там, в песках Сахары, многоуважаемый господин. А теперь прошу вас, многоуважаемый господин, проводите меня к выходу, так как я очень спешу и мне, многоуважаемый господин, некогда. Как-нибудь в следующий раз расскажу вам, многоуважаемый господин, зачем я приходил. Я несколько раз уже бывал у вас, многоуважаемый господин, и имел счастье, многоуважаемый господин, познакомиться с вашей, многоуважаемый господин, женой; что за милая, многоуважаемый господин, особа!

С этими словами гость направился к выходу, потянув Роздвянского за собой. Роздвянский удержал его. Он понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее и что этого типа нельзя выпускать из комнаты.

— Что там у вас за документ? — спросил он.

— Ничего важного, многоуважаемый господин, ей-Богу ничего, — заискивающе ответил Франтовский, — это мои записи.

Роздвянский, недолго думая, вырвал у него бумагу и ахнул, увидев рецепт изготовления

тайного вещества, написанный рукой Галины. Не знал, подозревать ли какую-то уловку негодяя Франтовского или предательство Галины, хотя последнее не умещалось в голове.

— Галинка, что это? — громко спросил он, входя в гостиную.

Ответа не было. Галина сидела в кресле и спала. Роздвянский подбежал к ней и стал трясти ее за плечо. Это не помогло — Галина не просыпалась.

Роздвянский, зная своего «профессора», мигом понял, в чем дело: Галина загипнотизирована. Следовательно, без помощи гипнотизера она не проснется и будет, чего доброго, спать вечно. Надо спасать ее, пока не поздно. Роздвянский выбежал в переднюю, но гостя там уже не было; воспользовавшись смятением хозяина, Франтовский скрылся. Роздвянский выскочил в коридор и услышал только стук палки хромого «профессора» внизу, на лестнице.

— Лови, держи вора! — что было мочи закричал Роздвянский и погнался за ним.

На крик выбежал из своей каморки швейцар и у самых ворот сбил беглеца с ног. Франтовский повалился ничком, а его шляпа выкатилась далеко на улицу. Швейцар поставил его на ноги и силой подтащил к Розддвянскому.

Франтовский сильно расшибся; из его носа текла кровь.

— Негодяй, злодей! — крикнул Роздвянский. — Сейчас же разгипнотизируй мою жену!

— Надо же! Многоуважаемый господин, что за некультурное поведение? — обиженным тоном спросил Франтовский. — Вы говорите с порядочным человеком, многоуважаемый господин! Такова благодарность ученика своему учителю?

— Поменьше разговоров, милостивый государь, — прервал его Роздвянский. — Немедленно разгипнотизируйте мою жену.

Тем временем они подошли к двери комнаты, где спала Галина; Франтовский не хотел входить, и швейцар толкнул его так, что он чуть не растянулся на полу посреди гостиной.

— Что вы хотите от меня? — спросил он, принимая крайне надменный вид.

— Что? Я вам уже сказал! — ответил Роздвянский и, указывая на спящую Галину, добавил: — Разбудите эту женщину!

— Оставьте нас одних! — сказал Франтовский швейцару. — Нам с господином профессором нужно кое-что обсудить с глазу на глаз.

Швейцар стоял, не зная, что делать. Роздвянский жестом разрешил ему выйти. Швейцар

вышел, но остался под дверью, догадываясь, что профессору еще может понадобиться его помощь.

Когда они остались вдвоем, Франтовский сказал Роздвянскому:

— Хорошо, я исполню ваше пожелание, но не ранее, чем вы отдадите мне бумагу, которую вы у меня отобрали.

— Никогда! — отрезал Роздвянский. — Вы хитростью выманили документ у моей жены, и вам он не принадлежит.

— Подумайте хорошенько, многоуважаемый господин! — стал уговаривать его Франтовский. — Вы знаете, что ваша жена не сможет проснуться без моей помощи?! А известно ли вам, что долго в таком состоянии она находиться не может? Что это фатально отразится на ее здоровье? Ваше упрямство может довести ее до смерти!

— Что? что? Вы угрожаете мне смертью жены? Так знайте, что я немедленно передам вас полиции!

— А чем это поможет, даже если меня повесят? Ваша жена все равно не проснется, и никто другой, кроме меня, не в силах ее пробудить! Вы теперь в моих руках.

Роздвянский с минуту молчал, не зная, как поступить, но затем ему пришла на ум счастливая мысль. Со школьных времен он помнил, что Франтовский всегда безумно боялся электризации. Из-за этого на уроках физики не раз происходили комические сцены.

— Нет, это вы в моих руках! Сейчас увидите! — грозно закричал Роздвянский. — Онисько! — позвал он швейцара, который стоял в соседней комнате, словно ожидая приказа. — В мастерскую!

Швейцар, высокий и дюжий парень, одной рукой схватил худого Франтовского за воротник и потащил его в мастерскую. Роздвянский вернулся в гостиную и поднял Галину с кресла. Она глубоко спала и еле переставляла во сне ноги, так что ее пришлось чуть ли не нести на руках.

— Вы разбудите ее или нет? — спросил Роздвянский у Франтовского, когда все собрались в мастерской.

— Нет! — ответил тот решительно.

В его глазах мелькали злые огоньки; так и видно было, что этот никчемный человек, поборов свой страх, уперся и ни за что не хочет уступить.

— Посмотрим, — сказал Роздвянский, — посмотрим!

Он усадил Галину в кресло и приблизился к Франтовскому. Тот выглядел как дикий злобный кот, готовый к прыжку. Худые пальцы судорожно скрючились и, казалось, в любую минуту могли вцепиться Роздвянскому в глаза. Рядом с Франтовским встал крепкий Онисько. При виде щвейцара Франтовский немного успокоился.

— Нет? — еще раз спросил Роздвянский. — Посмотрим.

Мигнул швейцару, и оба быстро связали Франтовского. К его рукам прикрепили клеммы электрического аппарата. Франтовский молча закусил губу и ждал.

Роздвянский пустил электрический ток и стал наблюдать за результатами. Сперва Франтовский сидел спокойно, после заерзал и начал стонать. В конце концов он не выдержал и закричал:

— Ой, отпустите, отпустите! Сделаю все, что скажете!

Роздвянский выключил ток и развязал своего гостя, однако тот вновь отказался будить Галину. Роздвянский вынужден был пригрозить, что продолжит электризацию, даже если опыт закончится смертью испытуемого. Наконец Франтовский подошел к Галине и несколькими движениями руки разбудил ее.

Галина открыла глаза и долго не могла понять, что с ней. Необычная обстановка, присутствие Роздвянского, о возвращении которого она не знала, — все это приводило ее в замешательство. Затем она вспомнила, что произошло: вчера под воздействием зловещих глаз гостя она заснула, а ночью записала злополучный рецепт. Она поняла, что втянула мужа в большую беду, выдав его секрет; а увидев Франтовского, сообразила, что бумага уже у него.

— Михаил, Мишенька, милый мой, прости меня, я тебя предала! — запричитала она. — Я отдала твою тайну в руки этого негодяя!

— Успокойся, голубка моя, — сказал Роздвянский. — Ты меня не предала, а написанное тобой у меня.

С этими словами он показал ей отобранную у Франтовского бумагу.

Онисько тем временем засмотрелся на небывалую сцену. Воспользовавшись общим смятением, «профессор» бросился к двери — и там попал прямо в объятия лабораторного служителя, который услышал крики и прибежал в мастерскую. Таким образом, Франтовскому вторично не удалось скрыться. Роздвянский вновь прибег к электризации и узнал, что за всеми последними событиями

стоял Хрущенко; затем он заставил Франтовского написать и подписать такое заявление:

«Я, Раймонд Франтовский, заявляю: желая узнать тайну изобретения проф. Роздвянского, я загипнотизировал его жену и таким способом получил рукопись с изложением секретного рецепта; однако проф. Роздвянский отобрал у меня документ и отпустил меня безнаказанно. Взамен я обязуюсь немедленно уехать из Одессы и больше не преследовать ни профессора Роздвянского, ни его семью, где бы они ни находились. Если же я не сдержу свое обещание, проф. Роздвянский имеет право предать меня в руки властей с целью уголовного суда».

После этого Франтовский был отпущен на свободу. Затем Роздвянский подробно рассказал жене историю этого господина, неприятного во всех отношениях. Будучи студентом-техником, он подался в учителя: в те годы была большая нехватка преподавательских сил. Недолгое время он преподавал и в гимназии Роздвянского. Из-за злобного нрава его не любили ни ученики, ни учителя. Повсюду, куда Франтовский ни приезжал, он наживал себе врагов, так как принуждал родителей к взяткам. Был он страстным картежником и никогда не отдавал долги. Известен был

также тем, что с помощью гипноза выманивал у людей деньги. В конце концов его уволили со службы.

Что с ним дальше случилось — никто не знал; и сейчас Роздвянский не мог сказать, откуда вынырнул этот чванливый господин, который кичился своим благородным происхождением.

Приключение с Франтовским Галина искупила, пролежав две недели в нервной горячке.

XIII
Станция солнечной энергии

Несколько дней покоя — и началась новая работа. Кружок друзей Роздвянского, то есть участники экспедиции в Сахару и еще кое-кто из одесских профессоров, стал собираться на долгие совещания, а затем несколько профессорских семей, включая семью Роздвянского вместе с Оксаной Кружляк и семью Коростеля, отправились на «Орле» в Крым на летний отдых.

После нескольких шумных статей в прессе интерес к новому полету «Орла» сошел на нет, уступив место другим новостям. Одесситы вновь вспомнили об «Орле», когда Роздвянский за ничтожную плату предоставил свой аэроплан для публичных полетов, проводившихся с какой-то благотворительной целью. Затем «Украинский орел» перестал занимать публику. В Крыму, у моря, наши одесситы сняли несколько маленьких домиков на Тарханском полуострове, поблизости от нового купального заведения «Крымская русалка». Туда редко заезжали дачники, разве что больные, которые предпочитали отдыхать

подальше от шумной жизни санатория, бывшего тогда в большой моде. Местность была чудесная: на севере невысокие горы, на юге море; на востоке купальни с пляжем, на западе лесок. За ним простиралась широкая, плоская равнина, а дальше и горы дугой уходили на север. Здесь полуостров обрывался в море.

Эта равнина стала любимым местом прогулок наших профессоров. Они все время что-то измеряли; на равнине поставили деревянный барак, где поселился Берестецкий, один из ближайших сотрудников Роздвянского. Гости купальни и окрестные крестьяне и рыбаки не раз видели издали, как «господа из Одессы» ежедневно выносили из барака столы, устанавливали на них какие-то вертикальные трубки и целыми часами стояли возле них и что-то обсуждали.

Часто приезжали, точнее говоря, прилетали гости из Одессы — все сообщение происходило воздушным путем — и вновь что-то долго обсуждали с отдыхающими.

Наконец разнесся слух, что некое одесское финансовое общество приобрело всю равнину вместе с участком леса и собирается строить здесь фабрику. Вскоре привезли строительные материалы, стали съезжаться каменщики. К осени на

равнине уже стояли несколько домиков разной величины, предназначенные, очевидно, для жилья, и заканчивалась постройка двух больших фабричных зданий. Удивляло всех только одно: у этих зданий не было обычных высоких труб.

С наступлением осени наши дачники вернулись в Одессу, и профессора вновь стали читать лекции в университете. Роздвянский прилетал лишь изредка, чтобы держать ход строительства под контролем, а весной окончательно перебрался в Крым для запуска фабрики.

***

Открытие «Станции солнечной энергии» состоялось в годовщину возвращения «Украинского орла» из Сахары. Фабрика была собственностью акционерного общества, во главе которого стоял Одесский университет. Деятельность и назначение этой удивительной фабрики, работавшей без дымоходов, без угля и пара, долгое время оставалась загадкой для широкой общественности. Пресса успокаивала публику общими объяснениями, указывая, что здесь используются открытия, сделанные экспедицией профессора Роздвянского в Сахаре.

Мало-помалу в кое-каких южных городах

— Одессе, Николаеве, Херсоне и некоторых крымских местностях — начали прекращать работу электрические станции. Их перестали отапливать углем и остановили гигантские паровые машины, однако станции продолжали давать необходимое количество электрической энергии. Одновременно цена электрической энергии для потребителей была снижена до 1/100 прежней.

Публика снова заинтересовалась этими новостями, но даже персонал станций не мог дать удовлетворительных объяснений. Самым любопытным показывали длинные ряды больших и меньших радиомоторов; они вращали колоссальные динамо-машины, рассеивавшие электрическую энергию в воздухе без посредства проводов.

Чуть позже на всех крымских железных дорогах исчезли паровозы. Поезда мчались теперь с большей скоростью; их приводили в движение радиомоторы, размещенные в передних «моторных тележках». Часть пароходов, плававших по Черному морю, также оснастили радиомоторами.

На главную фабрику в Крыму пока никого не допускали, помимо отдельных ученых и некоторых технический комиссий.

Роздвянский, директор фабрики, пригласил также комиссию от киевской Инженерной академии. В один прекрасный день, поздней осенью, «Украинский орел» привез из Одессы в Крым нескольких давних знакомых Роздвянского. Были среди них и те, кто в свое время голосовал за исключение Роздвянского из академии; в его присутствии они чувствовали себя очень неловко. Они рады были бы не ехать, но не могли нарушить распоряжение академии.

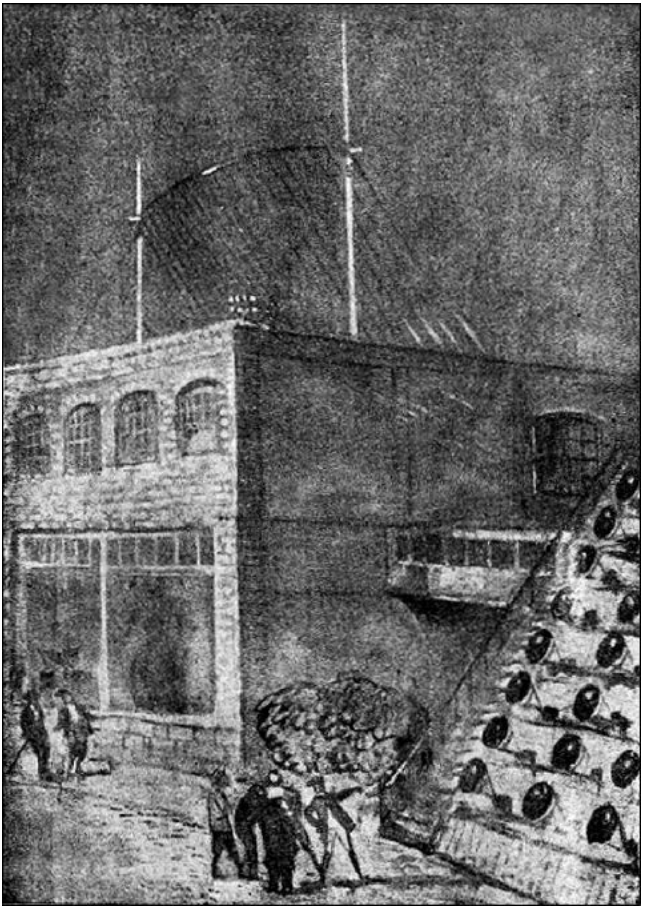
Роздвянский встретил их весьма сердечно, ни словом не упоминая о давних ссорах. Обменявшись приветствиями, пошли осматривать фабрику.

Она стояла на пригорке примерно в километре от моря и состояла из двух больших зданий, соединенных крытым переходом. В случае необходимости здания могли быть расширены за счет новых пристроек.

Во всю длину первого здания тянулась колоссальная терраса, поднимавшаяся ступенями до высоты третьего этажа. На ступенях были расставлены толстые трубы, наклоненные так, что солнечные лучи падали в них прямо; все они автоматически меняли угол наклона согласно положению солнца на небе. Отдельный регулятор,

пропускавший солнечные лучи внутрь здания, контролировал движение аппаратов.

Роздвянский объяснял:



— Эта терраса — сердцевина моей фабрики. В трубах находятся линзы из черного стекла, которые извлекают из солнечного света наиболее активные лучи и собирают их в пучок. Ниже размещены тела, состав и способ изготовления которых я должен пока держать в тайне; из них и создаются наши «радионаты».

— И что вы дальше делаете с этими радионатами?

— Они имеют двоякое назначение: одни преобразуют полученную энергию непосредственно в электрический ток, другие хранят ее для дальнейшего использования. Соответственно, у нас имеются два рода аппаратов: в одних радионированные тела закреплены постоянно и служат лишь преобразователями энергии из одной формы в другую, в других радионаты каждые несколько часов заменяются свежими металлическими телами, а готовые радионаты поступают на склады и оттуда рассылаются, куда требуется.

— Но как вы передаете электрическую энергию на ваши станции? Невозможно же пересылать энергию беспроводным способом на такие расстояния и в таких количествах!

— Разумеется, возможно. Вот, смотрите. Верхние ряды аппаратов на террасе соединены

проводами, которые проходят сквозь этот узкий коридорчик к второму зданию. Там расположены громадные динамо-машины. Они создают ток очень высокого напряжения, который мы еще раз трансформируем и затем при помощи этих антенн[76] высылаем в пространство в форме электрических волн.

— Однако при этих многократных трансформациях вы тратите огромный процент полученной энергии!

— И что с того? Энергия для нас дешева, как вода в море. Видите, сколько еще свободного места на террасе? У нас не было времени поставить здесь дополнительные аппараты, но в этом сейчас нет необходимости. Если понадобится, достаточно добавить несколько линз — и дело с концом!

— Какая удивительная антенна! Она полукруглая! Зачем это?

— Как вы знаете, электрические волны действенней всего, когда обе антенны параллельны. У нас есть или, как мы надеемся, будут абоненты — получатели нашей энергии — по всей Украине, и наша антенна должна быть параллельна направлению всех локальных антенн; опять же,

[76] Примечания: 76

Антенна — это проволочная сетка-башня, применяемая в беспроводном телеграфе для отправки и приема электрических волн.

каждый абонент должен позаботиться о том, чтобы его антенна была параллельна нашей.

— Объясните нам, почему вы выбрали для своей фабрики это чудесное место?

И в самом деле, вид был прекрасен. Все стояли на верхней ступени террасы и осматривали окрестности. В лучах заходящего солнца море отсвечивало удивительным блеском; стояла полная тишина, и море казалось отлитым из зеркального стекла. Оно охватывало возвышенность, где стояла фабрика, с двух сторон — с юга подходило ближе, на западе лежало чуть дальше. У подножия холма начинался пляж; его южная сторона поросла молодой живой изгородью. На западе простирался густой лесок, теперь пожелтевший, а на севере, среди садов, стояли домики — там жили работники фабрики. Сады незаметно переходили в лес, покрывавший отроги гор.

Роздвянский всматривался в беспредельную даль моря. Видимо, он очень любил это место, потому что заговорил медленно, тихо, словно пробуждаясь от глубокой задумчивости:

— Почему мы выбрали этот рай? Не думайте, что из одного только восхищения перед природой. Были и чисто материальные причины. Что нам нужно для работы? Солнце, солнце и еще

раз солнце! В Сахаре солнца было хоть отбавляй. Там оно светит и греет, как бешеное, но жар его просто убивает людей. А здесь есть все, что душа пожелает — и солнца с избытком, и жить можно с удобством, на родной земле. Главное же в том, что здесь, на Тарханском полуострове, выпадает наименьшее в Украине количество осадков. Статистика показывает, что на протяжении последних десяти лет осадки составляли здесь в среднем 158 мм за 25 дождливых дней в году, а облачность в другие дни не превышала 13 %[77]. Как видите, это место позволяет самым экономичным образом использовать энергию Солнца.

— А что происходит в облачные и дождливые дни или по ночам, когда солнце не светит?

— Есть несколько решений. Все эти нижние ряды приборов работают про запас. Мы собираем из них радионаты, как пасечник мед из ульев, и помещаем либо на склады, либо сразу в радиомоторы. Поэтому мы можем беспрерывно, днем и ночью, круглый год подавать энергию. Для

---

[77] Примечания: 77

Количество осадков измеряется так: дождевую воду собирают в округлые сосуды, называемые «омброметрами», на которых имеется миллиметровая шкала. «158 мм дождя» означает, что количество воды, собранное за весь год, дошло бы до отметки в 158 мм. Облачность всегда исчисляется в проценте, какой составляет затянутая облаками часть неба

этого у нас имеется три вида радионатов: одни вбирают лучи Солнца более интенсивно, но и отдают их быстрее — они обслуживают наши машины по ночам; вторые радионируются не так активно, и мы используем их в такие периоды, когда солнце — например, зимой — греет недостаточно сильно и не может приводить наши машины в движение. Наконец, некоторые радионаты хранят энергию очень долго (я мог бы сказать — годами, но до сих пор у нас еще не было такой длительной практики) и предназначены на «черный день». Мы рассылаем их абонентам на случай, если наши машины или их антенны испортятся или сильная буря помешает передаче электроэнергии. Они также приводят в движение автомобили, поезда и пароходы. Желающие регулярно, как газету, получают от нас условленное количество радионатов третьего вида; я надеюсь, что вскоре мы сможем в любом количестве снабжать ими каждого желающего.

Гости спустились вниз и теперь осматривали большие фабричные цеха. Наверху, по террасой, проходили толстые мотки проводов, тянувшиеся сквозь широкий проем в стене к второму зданию. На верхнем этаже возились рабочие, собиравшие маленькие радионаты сквозь отверстия в стенах.

Уже стемнело, и повсюду зажглись лампы. Какой-то смотритель распорядился закрыть террасу. Роздвянский пояснил, что на ночь террасу приходится накрывать толстыми покрывалами, чтобы резкие перепады дневных и ночных температур не повредили драгоценные аппараты.

В погребе под зданием находились громадные склады радионатов. Хотя фабрика начала работу не так давно, они уже были в достаточной мере заполнены.

— Этого запаса — вместе с солнцем — нам хватит на всю зиму, даже если количество членов нашего «Союза солнечной энергии» удвоится. А больше мы до весны не примем.

Во втором фабричном здании гудело множество динамо-машин, хотя оставалось и место для новых. В отдельных помещениях, как когда-то в Одессе, находились литейный и стеклоплавильный цеха, механическая мастерская и химическая лаборатория.

— А как вы защитите свою энергию — ведь ее могут украсть совершенно посторонние люди? И вообще, в каких отношениях вы состоите с абонентами?

— Плата невысока; взамен они получают определенное количество энергии, которое зависит

от величины их антенны. Эти антенны — наш исключительный продукт, и увеличить их размер можно только с нашего согласия. Абоненты также обязуются содержать лабораторию во главе с профессиональным ученым, где будут проводиться опытные работы в указанном нами направлении, и в целом делиться с нами своими наблюдениями. Далее, мы обязуем их проводить агитацию с целью скорейшего распространения солнечной энергии по всей стране. Что же касается посторонних, то от их вмешательства мы защищены. Самостоятельно построить и подсоединить антенну к нашей системе нелегко даже для того, кто знает все наши тайны, и если это кому-нибудь удастся, мы даром отдадим ему нужную крупицу энергии, потому что он всецело этого заслужит. А того, что кто-либо выдаст наши секреты, мы не боимся, и я уверен, что тайна черного стекла в безопасности.

— Какова же ваша окончательная цель?

— Наша окончательная цель — позволить родной стране неограниченное время и с наименьшими затратами, иначе говоря, почти бесплатно пользоваться энергией Солнца. Когда наша система распространится и на протяжении хотя бы года безусловно докажет свою

практичность, мы передадим ее в монополию государства. Тогда у каждой общины появится своя электрическая станция, свой свет, топливо и энергия для механических работ. Люди смогут посвятить все свои силы культурной деятельности, потому что отпадет необходимость беспокоиться о неясном будущем и думать о том, что в любой день запасы угля под землей могут иссякнуть. Мы сможем стать во главе культурных народов, ибо освободим все силы для духовного развития. Вот моя цель, мой идеал, и я безмерно счастлив, что преодолел все трудности и сумел основать эту фабрику.

Руководитель комиссии, профессор Шелудько, когда-то выступавший экспертом на достопамятном судебном процессе, счел нужным извиниться перед Роздвянским за неблаговидное поведение академии.

— Хрущенко сумел ослепить нас всех своим московско-азиатским авторитетом, и мы утратили собственный взгляд на вещи. Теперь мы видим, что допустили несправедливость по отношению к вам, и мы все, вся комиссия, приложим все усилия, чтобы исправить эту ошибку. Я лично прошу у вас прощения за то, что так несправедливо выступил против вас.

Роздвянский только улыбнулся и махнул рукой:

— Оставим это, господин профессор. Лично я вас и не обвиняю, ведь ваше положение во время процесса было чрезвычайно тяжелым. К тому же вы не стали бездумно бросать в меня камень и воздержались от осуждения. Могу лишь пожалеть, что остальные чинили мне такие препятствия. Если они были убеждены, что действуют во благо науки, я готов все забыть и с радостью их прощаю. Их ошибка заключалась только в том, что они поставили чужой авторитет выше своего разума, чужое мнение выше своего. А ученый должен прежде всего критически относиться к чужому мнению. Но все мы люди, и потому нужно прощать друг другу невольные ошибки. Однако я не смогу забыть, как обошелся со мной Хрущенко — ибо у него главную роль играли личные амбиции.

***

Одним из последствии визита академической комиссии стало пришедшее вскоре письмо из Инженерной академии с извинениями за нанесенные обиды и сообщением об избрании Роздвянского почетным членом. Роздвянский

отклонил эту честь, ссылаясь на то, что вся досадная киевская история была еще слишком свежа в памяти. «Со временем, — написал он в ответ, — мне, возможно, будет легче принять это почетное звание из рук людей, некогда бесчестивших меня и бросавших в меня камни».

Через некоторое время Роздвянский с большой радостью узнал, что Одесский университет присвоил ему почетную докторскую степень. Торжественный акт вручения диплома состоялся вскоре после передачи «Станции солнечной энергии» в государственную монополию. К весне второго года работы почти вся южная Украина вошла в состав «Союза солнечной энергии», и Роздвянский не поспевал с пристройками и расширением фабрики. Тогда государство приняло фабрику в собственность, а акционерное общество самораспустилось, выговорив только одно условие: Одесский университет должен был стать постоянным куратором фабрики.

Празднично убранный актовый зал университета едва вместил всех гостей, прибывших на торжество. Роздвянский, глядя на это многолюдное собрание, вспоминал прошлое. В последний раз он видел такое количество людей на незабываемом судебном заседании в Киеве. Тогда ему

казалось, что враги вот-вот одолеют, сметут с лица земли все его достижения и мечты… А сегодня он сам на коне; враги, слишком жаждавшие славы, повержены. Хрущенко, как соучастник преступлений Бовдура, сам стал героем судебного процесса. Во время следствия всплыли также подробности истории с Кружляком и его насильственного заключения в сумасшедшем доме.

Ректор университета произнес длинную речь, перечислив заслуги Роздвянского перед отечественной наукой и родной страной.

— Имя нашего коллеги, — сказал ректор, — будет на устах у всех ныне-них и грядущих поколений. Но его будут помнить не только как великого ученого, который силой своего гения поставил на службу человеку вечный источник мировой энергии — Солнце. Михаил Роздвянский и нам, и позднейшим векам будет служить образцом чистого характера, идеала сильной воли и веры в торжество доброго дела. Пусть берет с него пример наша молодежь, пусть идет по его стопам, и тогда наш народ, который сумел за короткое время сбросить цепи многовекового рабства, войдет в семью культурнейших народов мира и будет идти в первых рядах борцов за лучшую долю всего человечества. И все это — благодаря

заслугам Михаила Роздвянского!

С этими словами он вручил Роздвянскому почетный диплом.

Роздвянский, глубоко растроганный речью ректора, стал благодарить за незаслуженную честь — не забывая, как всегда, о своих соратниках:

— Когда вы в эту торжественную минуту воздаете дань уважения мне одному, я не могу умолчать об одном важном обстоятельстве: оказанную вами честь я разделяю со своими друзьями. Я оказался в счастливом положении и сумел сплотить людей, которые щедро, бескорыстно, во имя дела, во имя науки и во имя любви к родине помогали мне в работе. Не стану перечислять их поименно: я боюсь кого-либо обидеть, забыв упомянуть его имя или называя имена беспорядочно, не оглядываясь на весомость заслуг. Все они мне одинаково дороги, и сейчас я выражаю им свою искреннюю благодарность. Я горжусь только тем, что мне удалось объединить моих товарищей в совместной деятельности и указать им путь, на котором их силы, знания и любовь к труду могли принести родине наибольшую пользу. Вместе мы довели до конца великое дело, что станет фундаментом Новой Украины!

Во время ответного слова Роздвянского по залу

разнеслось принесенное телеграфом из Киева известие: профессор Хрущенко, обвиняемый по делу Бовдура, посреди судебного заседания неожиданно умер от разрыва сердца.

Написано летом 1918-го года.

ОБ АВТОРЕ

Николай Андреевич Чайковский (Микола Андрійович Чайковський, 1887–1970) — украинский ученый-математик, писатель, общественный деятель.

Родился в Галиции (в то время принадлежала Австрии) в уездном городе Бережаны (ныне — Тернопольская область, Украина). Николай был первенцем в семье, где родилось еще шесть детей.

Отец, Андрей Яковлевич, был известным писателем исторической прозы, близким другом Ивана Франко. Наличие в доме большой библиотеки с книгами на украинском, русском, польском и немецком языках заложило основу большой любви маленького Николая к литературе и знаниям.

После нескольких классов в начальной школе, он с 1897 по 1905 гг. учился в местной гимназии, где выучил не только несколько языков, но и на всю жизнь полюбил математику. Кроме этого, к концу учебы, увлекшись музыкой, он был дирижером ученического хора при гимназии. Тогда же, во время учебы, он написал и свою первую научно-популярную работу «Солнечные и лунные затмения» (опубликована в 1915-м). Сразу же по окончании гимназии Чайковский уезжает в Прагу и поступает в немецкий университет на механический факультет. Через год переводится на философский, а затем вообще уезжает в Вену, где продолжает учебу на философском факультете Венского университета. Но более всего его интересовала математика, которая здесь преподавалась на очень хорошем уровне. Но свою докторскую диссертацию Николаю Чайковскому все же удалось защитить в 1909 году в Львовском университете.

Через год он начинает работать помощником учителя в украинской гимназии в Тернополе. В течение года сдал докторские экзамены и в июле 1911-го получает в Венском университете ученую степень доктора философии. А еще через год он сдает экзамены на учителя математики и физики, а также женится. Дальше — год в Берлинском университете, год в должности экзаменованного учителя в австрийской школе и получение звания действительного члена научного общества им. Т. Г. Шевченко.

В период Первой мировой войны, с 1914 по 1918 гг., Николай Андреевич работал в Вене в лагере для военнопленных русских солдат в качестве переводчика и просветителя, а затем учителем реальной школы в Раве-Русской (ныне Львовская область). С января 1919-го он становится приват-доцентом на кафедре математики в недавно организованном в Каменец-Подольском Государственном Украинском Университете[78]. Затем была работа в частных школах, женской гимназии, запрещенном властями львовском частном университете. С 1924-го — директор частной гимназии в Яворове, в 1927 — директор

[78] Примечания: 78

После чего Чайковский два года путешествовал по Европе в качестве администратора хора О. Кошица (Прим. перев.)

гимназии в Рогатине. А в 1929-м, после переезда в Советский Союз, становится профессором математики в Одесском институте народного просвещения. Здесь он публикует в академическом журнале свои статьи, вместе с коллективом авторов готовит «Рабочую книжку по математике для института социального воспитания», и даже издает «Украинскую математическую научную библиографию (1894–1927)».

В марте 1933-го Николая Чайковского арестовывают как «польского шпиона» и приговаривают к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Наказание он отбывал сначала в Карелии, а затем в Архангельской области, где и оставался до своего освобождения в марте 1943 г. Его отсидка пришлась на строительство печально известного Беломор-Балтийского канала, где погибли миллионы незаконно осужденных. Николаю Чайковскому повезло — он остался жив. Выйдя на волю, он некоторое время работал в Томске, затем в Семипалатинске, где с 1944 по 1947 года был преподавателем в педагогическом институте, а после, до 1954 года, в Уральском педагогическом институте.

В мае 1954 года он приезжает в Украину, в свой родной город. Но работу смог получить лишь

после реабилитации в 1956 году — его зачислили на должность доцента в Львовский педагогический институт. С 1961-го — профессор Львовского университета им. И. Франко. Здесь он продолжил заниматься своей основной темой — проблемой геометризации школьной алгебры. В 1965 году он выходит на пенсию; до самой смерти продолжал заниматься математикой.

Умер Николай Андреевич Чайковский в 1970 году в Львове. Похоронен на Лычаковском кладбище.

***

Писательство проявилось у Николая Чайковского в раннем детстве: в десятилетнем возрасте он уже лихо сочинял театральные пьесы на различные темы. Его первая публикация состоялась в 1908 году: в «Сборнике математическо-природо-ведческо-врачебной секции» вышла статья «Множественность числовых систем в истории человеческой культуры», в которой он описал основные системы счисления вплоть до шестидесятиричной. В этом же журнале в последующем выходили и другие работы Чайковского. В 1917-м вместе с Владимиром Кучером он выпускает «Четырехзначные таблицы логарифмов и триго-

нометрических функций»: сначала на польском языке, а в 1921-м — на украинском.

В 1932 г. он начал работать над учебником по высшей алгебре для университетов, но из-за ареста этот проект так и остался не оконченным. В разное время и в различных изданиях выходили десятки его статей по математике, ряд книг и учебников. В собственноручно составленной «Библиографии трудов за 1905–1968 гг.» Чайковский указал 193 научные публикации. В 1960 году в группе с другими учеными выпустил «Русско-украинский математический словарь». Принимал участие в новом издании «Украинской математической библиографии» и участвовал в подготовке «Украинской советской энциклопедии», для которой написал 51 статью.

Но, наверное, самое необычное его произведение — фантастическая повесть «Силой Солнца!». Это произведение было написано летом 1918 года, издано отдельной книгой в 1925 году и оказалось первым научно-фантастическим произведением на украинском языке. В основе сюжета — изобретение главным героем неких «лучей омега», могущих аккумулировать солнечную энергию, что решило вопрос энергообеспеченности и будущего благоденствия Украины. И, хотя написана

эта повесть была без излишнего изящества, а сюжет изобиловал малопонятными описаниями и персонажами, в истории украинской литературы это произведение выступает в качестве пионера национальной научной фантастики. К тому же в этой повести автор впервые в истории фантастики не только упомянул устройство связи под названием «радиотелефон» (на стр. 63 так и написано «радиотелефонная трубка»), но и обозначил его действие и небольшой размер (аппарат находился в кармане пиджака). Правда, остальные технические новинки, описанные Чайковским, так и не были претворены в действительность.

В 1926-м году Чайковский в львовском издательстве опубликовал очерк «Техника завтрашнего дня», в котором попытался представить мир будущего с его техническими новинками.

В. Карацупа

Перевод выполнен по первому изданию: Чайковський М. За силу Сонця: Фантастичне оповщання для молоді з недалекого майбутнього. Львів: Украшське педагопчне товариство, 1925. Оригинальное издание было возвращено читателям библиографом В. Настецким (Киев).

Биографический очерк В. Карацупы взят с сайта «Архив фантастики» (http:// archivsf.narod.ru/

index.htm).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ
· ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т. п.